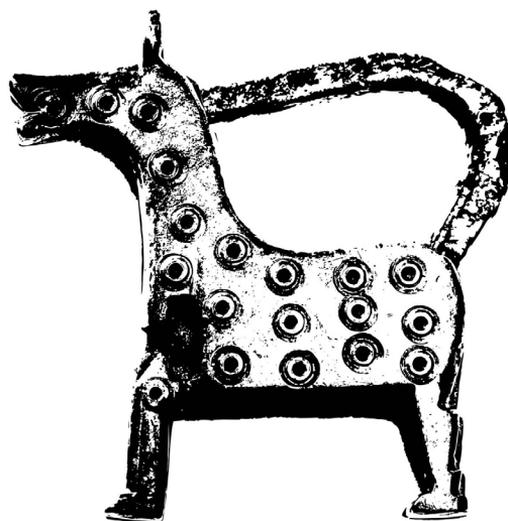

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БОЛГАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
ЗАПОВЕДНИК
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ФОНД ВОЗРОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛЕВАЯ ШКОЛА В БОЛГАРЕ

Материалы
Выпуск 1

Казань-Болгар-2014

УДК
ББК

Отв. редактор: *А.Г. Ситдиков*

Редколлегия:

Р.М. Валеев

Л.А. Вязов

Е.М. Макарова

С.Г. Персова

Р.Р. Хайрутдинов

Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. – Казань, Болгар, 2014.

В сборнике собраны тезисы докладов участников Международной полевой археологической школы, прошедшей 18 – 31 августа на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Книга предназначена для специалистов в области археологии, истории, сохранения культурного наследия.

© Коллектив авторов, 2014
© Институт археологии
им А.Х. Халикова, 2014
© Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамова А.Н.</i> ПРЕДНАМЕРЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ КОСТЕЙ ЧЕРЕПА В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	7
<i>Берсенев А.А.</i> ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ШАТРОВО-1	12
<i>Вильданова Е.В.</i> ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКАХ ЗАУРАЛЬСКОГО БАШКОРТОСТАНА	16
<i>Володарец-Урбанович Я.В.</i> О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГОНЧАРНОЙ ПРОДУКЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	20
<i>Воробьева С.Л.</i> СЕЛИЩЕ КУРМАНТАУ – МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	26
<i>Гарига-Грихно М.М.</i> АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОДЕСЕНЬЯ В XX ВЕКЕ	33
<i>Гильмитдинова А.Х.</i> К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ЖЕНЩИН В ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI–II ВВ. ДО Н. Э.).....	38
<i>Гладилина Е.В.</i> НАХОДКИ КИТООБРАЗНЫХ В РАСКОПКАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО.....	42
<i>Гущина Е.В.</i> АРХИТЕКТУРА БОЛЬШОГО БАКАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА	46
<i>Данилова С.А.</i> НЕОБЫЧНОЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ХЕРСОНЕСЕ.....	53
<i>Зыкова М.И.</i> КЕРАМИКА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДОВ АЗАК И САРАЙ АЛ-ДЖЕДИД.....	56
<i>Кашникова А.Л.</i> УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА	60
<i>Королева М.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕМОРДОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ I – НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.	65

К Митряков А.Е. КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ФИНАЛА АНАНЬИНСКОЙ – НАЧАЛА ПЬЯНОБОРСКОЙ ЭПОХИ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ БАРАНОВСКОГО III ПОСЕЛЕНИЯ)	69
Михальченко А.П. ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ПЛАНОВО-ВЫСОТНОГО ОБОСНОВАНИЯ И ТОПОСЪЕМКИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПРИМОРЬЯ	75
Могрицкая В.Ю. АРХЕОЛОГИЯ ЯНАО В КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	80
Зубов С.Э., Калмина О.А., Мясникова О.В. ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КИПЧАКОВСКОГО I КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МОРФОЛОГИЯ ЗУБОВ	86
Плавинский В.А. РУЧНОЕ МЕТАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ РУСИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ ТИПОЛОГО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ	92
Русланов Е.В. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ	96
Сабирова Т.М. БАБОЧКОВИДНЫЕ ФИБУЛЫ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: СОСТАВ СПЛАВА И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ	101
Сапухина Е.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРУГИ	105
Саттаров Р.Р. К ВОПРОСУ О КАРА-АБЫЗСКИХ ИМПОРТАХ В ПАМЯТНИКАХ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	110
Снитковская П.А. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВАРИАТИВНОСТИ НА ПАМЯТНИКАХ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	115
Струкова Е.В. СЕРОГЛИНЯННАЯ КЕРАМИКА С ЧЕРНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ ХЕРСОНЕСА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАХОДКИ	119
Ткачёв Ал.Ал. КУЛЬТОВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАУРАЛЬЯ	123
Ткачев О.Ю. КЕРАМИКА «ЛЕСНОГО» НЕОЛИТА БЕЛАРУССКОГО ПОБУЖЬЯ	129

<i>Ткачева М.И.</i> НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ГРОНОВ 3).....	134
<i>Тылецкий В.Г.</i> ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ XI–XIII ВВ. ИЗ БЕЛОРУССКОГО ПОСОЖЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА	140
<i>Тюрин М.И.</i> К ХРОНОЛОГИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА И ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ II В. ДО Н.Э. ПО КЕРАМИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСАМ.....	144
<i>Шипило В.А.</i> ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ.....	150
<i>Ушкова Ю.В., Козак А.Д.</i> НОВЫЕ СЛУЧАИ ТРАВМ НА ЧЕРЕПАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ	155
<i>Южакова А.В.</i> СОХРАНЕНИЕ И ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ.....	160
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	163

Дорогие друзья!

Институт археологии им. А.Х. Халикова и Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета при поддержке Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника впервые проводят Международную полевую научную археологическую школу для студентов, аспирантов и молодых специалистов.

Целью организации школы является консолидация отечественных и зарубежных научных и образовательных ресурсов для внедрения новейших достижений мировой науки в практику изучения и сохранения историко-культурного наследия народов Евразии.

В рамках школы проводится научно-практическая работа по наиболее актуальным направлениям изучения археологического наследия: истории цветной и черной металлургии, древней керамики, палеоантропологии и археозоологии, вопросам сохранения историко-культурного наследия и развития неразрушающих методов изучения археологических памятников. Школа призвана стать базой для формирования системы научных связей, обеспечивающих максимальную информативность настоящих и будущих археологических исследований.

В этом году участниками школы стали молодые специалисты из более чем 30 городов России и стран СНГ. В настоящем сборнике представлены тезисы докладов слушателей школы на итоговой конференции. Спектр затронутых тем отражает современное состояние исследований и наиболее актуальные проблемы в археологии Евразии. Хронологически темы статей охватывают период от неолита до эпохи средневековья, территориально – Белоруссии до Западной Сибири и Ямала. Ряд статей посвящен археологии и антропологии золотоордынских городов Среднего и Нижнего Поволжья. Другой блок статей посвящен тем же проблемам в изучении Крыма. Отдельно хотелось бы выделить статьи посвященные разработке типологий и классификаций археологических артефактов.

Искренне надеемся, что в перспективе ежегодная работа Международной полевой научной школы в Болгаре позволит расширить как географический, так и тематический охват последующих выпусков настоящего издания.

ПРЕДНАМЕРЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ КОСТЕЙ ЧЕРЕПА В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

© 2014 г. А.Н. Абрамова

В работе рассмотрена проблема такой оригинальной традиции, как преднамеренная деформация черепа, которая имела широкое распространение среди народов Евразии. В статье также представлены различные теории путей распространения этой традиции, виды и способы преднамеренной деформации черепа и проблемы влияния деформирующих конструкций на здоровье человека и на форму костей черепа.

Ключевые слова: антропология, краниология, деформация черепа.

Впервые деформированный череп был найден в Перу в XIX веке. Тогда ученые не уделили ему должного внимания, решив, что это очередная диковинка Нового Света. Но затем подобные черепа стали находить и в других местах, один был найден в Австрии в 1820 г., следующий близ Вены в 1846 г. В России были совершены подобные находки, о которых не было известно в Западной Европе, пока в 1860 г. К.Э. Бэр не описал три деформированных черепа, найденные в Керчи. Не зная, кому именно принадлежат эти черепа, их приписывали аварам, киммерийцам, гуннам, готам, и даже макроцефалам, которых описывал Гиппократ. Но находки продолжались: в 1867 г. были найдены два деформированных черепа близ устья Дона, а в 1880 г. – на берегу Волги около Самары. В Западной Сибири деформированные черепа впервые были найдены в 1882 г. при раскопках тобольских курганов. Эти открытия позволили русскому антропологу Д.Н. Анучину предположить, что этот обычай был принесен из Заволжских степей в Европу.

Е.В. Жиров в своей работе 1940 г. «Об искусственной деформации головы» выделил четыре основных типа деформации: затылочная, лобно-затылочная, теменная и кольцевая. Затылочная деформация большинством авторов относится к непреднамеренной. Считается, что она возникает при использовании жестких колыбелей, при длительном лежании на спине мягкие кости черепа ребенка изменяют свою форму, затылочная чешуя уплощается, при этом часто наблюдается ее асимметрия.

При лобно-затылочной деформации давление производилось ото лба к затылку. Черепа с лобно-затылочной деформацией были найдены в южных районах Таджикистана и Узбекистана, это курганы Сирлибайтепе III, Кошрабада и Орлат, все они относятся ко II–I вв. до н.э.

Третий тип – теменная деформация, при которой понижался свод черепа. В этом случае давление оказывалось на теменную область черепа. В процессе роста такая деформация могла сгладиться

и даже полностью исчезнуть, поэтому она является слабо выраженной.

Последним и самым распространенным видом деформации черепа является кольцевая деформация (рис. 1). Деформированные кольцевым способом черепа были найдены в Центральной Европе, в Крыму, на Кавказе, в Западной Сибири, Приуралье, в Средней Азии. Для получения нужной формы голову ребенка туго бинтовали от лба к затылку, иногда подкладывая дощечки, в результате получалась очень вытянутая голова с покатым лбом, плоским затылком и выступающим далеко назад теменем.

В Евразии археологами было найдено множество захоронений, в которых присутствовали черепа с измененной формой костей. Этот обычай характерен для многих племен, обитавших на территории Евразии в самые разные периоды. А.Н. Бернштам предположил, что обычай деформировать череп идет от гуннов, а его распространение тесно связано с Великим переселением народов. Но в местах исконного обитания гуннов не было обнаружено ничего, связанного с обычаем деформации головы. О том, что этот обычай имел другие истоки, говорили последующие находки. Деформированные черепа были найдены в Южной Фергане, в Туркмении и в низовьях Сырдарьи, причем относились они к догуннскому времени. Т.И. Трофимова пришла к выводу о том, что этот обычай возник на юге Средней Азии, а затем, проникнув на эту территорию, «гунны, по-видимому, широко восприняли от местного населения обычай кольцевого деформирования черепа и разнесли его не только по Средней Азии и Казахстану, но и по Восточной и Западной Европе» [Трофимова, 1968, с. 189]. С на-

коплением материала стало ясно, что обычай искусственной деформации головы только в гуннское время приобрел такую распространенность, а до этого периода этот обычай хоть и встречался, но был достаточно редок. Эти единичные находки, разбросанные во времени и пространстве, отличаются помимо всего прочего еще и видами деформации. «Все это безусловно свидетельствует не только в пользу относительно самостоятельного возникновения кольцевой, лобно-затылочной и теменной деформации головы, но и о наличии нескольких не менее самостоятельных центров возникновения кольцевой деформации головы в разных районах Средней Азии» [Тур, 1998, с. 240].

Можно говорить, например, о сарматских захоронениях, в которых от 35,7% до 88% черепов имеют следы деформации. «Это позволяет считать искусственную деформацию черепа одним из наиболее выразительных и важных признаков позднесарматского населения Поволжья» [Зайченко, 2001, с. 117].

Джетыясарская культура, это еще одна культура, в традициях которой было распространено деформирование черепа. Она распространена в Приаральском районе. Наиболее распространенный вид деформации для этой культуры является кольцевая деформация и составляет 70,19% черепов [Шведчикова, 2009, с. 81].

J.Leschi в 1954 г. открыл в черепе компенсаторные механизмы. При изменении одного параметра сумма двух других меняется в противоположном направлении, тем самым регулируя вместимость черепа. В.В. Бунак в 1957 г. по пальцевым вдавлениям внутри черепа

установил, что при деформации его вместимость значительно не уменьшается.

Существует целый ряд теорий, объясняющих влияние искусственной деформации на мозг человека. Существует мнение, что при длительном и сильном давлении на голову с помощью повязок и других приспособлений у человека резко снижаются интеллектуальные способности, нарушается поведение или возникают тяжелые психические заболевания. Но это представление является ложным. Во-первых, искусственная деформация черепа является длительным эмпирическим познанием народов мира, и, если бы эта практика приводила к тяжелым заболеваниям, вряд ли она приобрела бы такое широкое распространение. Так же было проведено специальное исследование в Военно-медицинской академии в Ленинграде. Исследуя древние сарматские и среднеазиатские деформированные черепа, было выяснено, что влияние деформации на физиологические функции незначительно и не ведет к серьезным последствиям. При деформации черепа возможно в некоторых случаях лишь небольшое изменение угла наклона турецкого седла, что может привести к легкой эпилепсии, и то только при генетической предрасположенности.

Ю.Д. Боневоленский подтвердил высокую формообразующую роль затылочной области, то есть при любом типе деформации черепа значительно изменяется кривизна затылочной кости.

Благодаря проведенным исследованиям Е.В.Жировым, Я.Я.Рогинским, М.Г. Левиным и другими был сделан вывод, что «изменения размеров и формы черепа при искусственной деформации направлены на минимизацию отклонений емкости от нормы» [Зайченко, с. 10].

Поперечный диаметр черепа, в отличие от продольного и высотного, испытывает наибольшее влияние при искусственной деформации. Продольный диаметр же слабо подвержен деформации, причина этого заключается в значительной толщине кости на уровне опистокраниона –наиболее выступающей сзади (наиболее удаленной от глабеллы) точки на затылочной кости, лежащей на наружном затылочном возвышении; эта точка определяется измерением наибольшего продольного диаметра от глабеллы [Хомутов, 2004, с. 19]. В то же время, такое значительное изменение поперечного диаметра, в сравнении с другими диаметрами, можно объяснить тем, что влияние деформирующих конструкций обычно заканчивалось раньше, чем рост черепа, а продольный рост головы, по данным Н.Н. Миклашевской, заканчивается позже, чем поперечный.

Все современные исследователи приходят к выводу о том, что при деформации черепа все изменения его размеров и формы направлены на минимизацию отклонений емкости от нормы, достигается эта компенсация за счет увеличения высотного диаметра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды IX Археологического Съезда. – Т. 1. –М., 1893. – С. 283–297.

2. Балабанова М.А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // НАВ. – Волгоград, 2001. – Вып. 4. – С. 107–122.
3. Быстров А.П. Прошлое, настоящее, будущее человека. – Л., 1957. – 314 с.
4. Галеев Р.М. Краниотригонометрические исследования черепов из могильника Черновая VIII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2(13). – С. 109–117.
5. Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 81–88.
6. Зайченко А.А. Искусственная деформация черепа человека // <http://www.zaichenko1958.narod.ru/deformation.htm> (дата обращения 28.02.2014). С. 1–22.
7. Ражев Д.И. Обычай деформации головы у населения саргатской общности // Проблемы истории, филологии, культуры. – Екатеринбург, 2008. – № 21. – С. 524–538.
8. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). – М., 1965. – С. 303.
9. Слепченко С.М., Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1(20). – С. 58–66.
10. Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С. 237–249.
11. Хомутов А.Е. Антропология. – Ростов на Дону, 2004. – С. 17–21.
12. Худавердян А.Ю. Искусственно-деформированные черепа и зубы из погребения античного могильника Бениамин // Вестник общественных наук НАН РА. – 1997. – № 2(595). – С. 138–144.
13. Шведчикова Т.Ю. К вопросу о распространении обычая искусственной деформации головы у древнего населения Восточного Приаралья // Вестник Московского университета. – Серия XXIII. – № 1/2009. – С. 78–84.

CRANIAL DEFORMATION IN CULTURAL TRADITIONS OF EURASIAN PEOPLES

© 2014 A.N. Abramova

The paper considers the problem of such a original tradition as a cranial deformation, which was widespread among the peoples of Eurasia. The article also represents various hypotheses about spreading of this tradition, types and methods of intentional deformation of skull, the problem of the impact of the deformation on the human health and on the shape of the skull bones.

Key words: paleoanthropology, craniology, cranial deformation.

Рис. 1. Кольцевая деформация черепа. Могильник Западные могилы, курган 15.

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ШАТРОВО-1

© 2014 г. А.А. Берсенев

Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов могильника Шатрово-1, совмещающего в себе комплекс погребений, хронологически охватывающий весь период раннего железного века.

Ключевые слова: ранний железный век, Южный Урал, кочевники, погребения, курганы.

Могильник Шатрово представляет собой группу из 13 курганов, находящуюся на территории Селезянской сельской администрации Еткульского района Челябинской области, в 2 км к северо-западу от села Шатрово. Памятник расположен в зоне южной лесостепи. Основной водной артерией микрорайона является р. Чумляк, ныне фактически распавшаяся на серию небольших проточных озер. Площадка памятника расположена в правобережье современного русла, однако, очевидно, что река неоднократно изменяла профиль берегов и сегодня курганы расположены фактически на серии возвышенностей, окруженных заболоченными низинами. Основная группа курганов находится в пределах двухвершинной возвышенности.

Из 13 курганов могильника исследовано пять. В 1976 г. экспедиция УрГУ под руководством Ю.П. Чемякина осуществила раскопки курганов 3 и 11. В 1989 г. экспедиция ЧелГУ под руководством Н.М. Меньшенина провела исследование кургана 7, в 2000 г. исследованы курганы 5 и 6 экспедицией ЮУрГУ под руководством А.В. Епимахова. В исследованных курганах обнаружено восемь

захоронений, из которых два относятся к финальной бронзе (курган 5, могильные ямы 2 и 3) и шесть – к раннему железному веку (курганы 3, 6, 7, 11 и могильная яма 1 кургана 5). В данной работе будут рассматриваться только захоронения, относящиеся к периоду раннего железного века. Из них в научный оборот введены материалы курганов 3 и 11. Целью данной работы является анализ и введение в научный оборот материалов курганов 5, 6 и 7, а также составление целостной картины могильного комплекса Шатрово-1.

Курган 11 имел овальную грунтовую насыпь, вытянутую по линии север-юг, размером 9х7 м и высотой в 0,3 м. В ходе снятия насыпи были найдены мелкие отщепы, семь зубов и фрагменты лучевой кости лошади, неорнаментированный фрагмент керамики. Могильная яма находилась в центре подкурганной площадки и имела вытянутую прямоугольную форму со скругленными в северной части углами и меридиональную ориентировку. Размер ее 1,82х0,6 м, глубина 0,35–0,4 м, стенки вертикальные. В яме зафиксированы остатки поперечного перекрытия из березовых жердей. На дне

могилы обнаружен вытянутый на спине скелет, ориентированный на север. Справа от черепа стоял лепной сосуд, у правого виска лежал сильно корродированный железный предмет; под нижней челюстью найдены две круглые бронзовые серьги. На левой лопатке лежали бронзовая фибула и S-образно изогнутая пластинка, а рядом с лопаткой – бронзовая бусина. Другая бусина лежала на правой плечевой кости. Под ребрами с левой стороны найдены две пронизки из белого металла. Остатки железных предметов находились между ребрами и правой локтевой костью и напротив левой бедренной кости. Ниже ребер, справа от позвоночника, лежал обломок раковины, слева – осколок бусины. Еще один осколок бусины найден между бедренными костями. Над правой берцовой костью обнаружен обломок костяного наконечника стрелы, а на левой лежало пряслице. В ногах стоял глиняный кувшин. Инвентарь, в том числе сосуды, обычен для позднесарматских могильников, что позволяет датировать курган в пределах III–IV вв. до н.э.

Курган 3 имел овальную грунтовую насыпь, вытянутую по линии север-юг, размером 17x11 м и высотой 0,55 м. При исследовании погребального сооружения были найдены 6 неорнаментированных фрагментов керамики и три кости животных. Могильная яма находилась в центре подкурганной площадки и имела близкую к прямоугольной форму со скругленными углами. Длина ямы 2,35 м, ширина в северной части 1,23 м, в южной – 0,9 м. На ее дне найден плохо сохранившийся скелет человека, лежащий на спине головой на север. Под нижней челюстью найдена большая стеклянная бусина; под черепом и внутри него най-

ден бисер в количестве 44 бусин. Справа от черепа стоял большой сосуд, рядом с которым лежал кусок талька; слева от черепа кучкой лежали 13 ребер мелкого рогатого скота. У правой кисти найдена сланцевая плита, у колен – кусочки лимонита. В ногах, у правой стопы, лежали два «тупика». С левой стороны, у локтевых костей, находилось глиняное пряслице; между восточной стенкой ямы и левой бедренной костью найдены обломки второго сосуда. Набор вещей и керамика имеют характерные признаки, позволяющие отнести их к гороховской культуре и датировать IV–II вв. до н.э.

Курган 5 имел куполообразную грунтовую насыпь диаметром около 15 м и высотой до 0,74 м. При снятии насыпи были найдены бронзовое зеркало и фрагменты сосуда, относимые к впускной могильной яме 1.

Могильная яма 1 имела овальную форму размерами 2,15x0,9 м, глубиной 0,67 м. На дне ямы сохранилась лишь часть костей погребенного (нижняя часть позвоночника, кости таза и ног, часть левой руки). Судя по их расположению, умершего уложили вытянуто на спине, с руками вдоль тела, головой на восток. Справа от головы лежало бронзовое зеркало, около правого локтя стоял керамический сосуд; рядом с левым запястьем был установлен каменный жертвенник. По обеим сторонам погребенного в районе коленных суставов обнаружены две пары округлых камней с явными следами воздействия огня. Среди тазовых костей была найдена костяная бусина. Имеющийся материал позволяет отнести данное погребение к V в. до н.э.

Курган 6 имел сильно деформированную насыпь визуально фиксируемым

диаметром не более 10 м и высотой до 0,7 м. В процессе вскрытия насыпи были найдены ряд предметов, относящихся к предшествующему периоду функционирования площадки (энеолит). В их числе каменный скребок на ножевидной пластине, сегмент пластины, несколько сколов. Кроме того, были найдены отдельные кости и фрагменты керамики, а также фрагмент абразивной плитки и два бронзовых наконечника стрел. Могильная яма имела форму, близкую к овалу, размерами 2,45x1,4 м. Скелет погребенного представлен сравнительно небольшим количеством костей, среди которых сочлененные позвонки с крестцом, ребрами, правой половиной таза и правой плечевой костью. Их расположение позволяет уверенно говорить о размещении покойного вытянуто на спине головой на северо-северо-восток. Положение рук – предположительно вдоль тела. В области таза была найдена костяная подвеска, справа, в головной части, располагался фрагмент небольшого железного изделия, около правого плеча лежала подквадратная каменная плитка. Погребение не поддается точной датировке, но найденные материалы позволяют приблизительно датировать его V–II вв. до н.э.

Курган 7 имел овальную грунтовую насыпь диаметром около 12 м и высотой до 0,4 м, вытянутую по линии север-юг. Впускная могильная яма находилась в

центре подкурганной площадки и имела овальную форму со скругленными краями и размеры 2,3x0,85 м. В южной части был найден человеческий череп, в северной – в хаотичном порядке лежали несколько костей другого костяка, в частности верхняя и нижняя челюсти, черепная крышка и таз. В заполнении ямы было найдено 4 разрозненных бронзовых наконечника стрел. Имеющийся инвентарь позволяет датировать погребение второй половиной VI–V вв. до н.э.

Могильная яма 1 была ориентирована по линии С-З – Ю-В и имела овальную форму размерами 1,85x1,5 м. Скелет погребенного располагался по центру могильной ямы и был вытянут на спине с ориентировкой на север. Возле левого колена были обнаружены 4 наконечника стрел, железный нож и сильно деформированный железный предмет. Вышеуказанный инвентарь и расположение сохранившихся костяков позволяют отнести погребения кургана 7 к VII–первой половине VI в. до н.э.

Могильник Шатрово является уникальным памятником лесостепной зоны южного Зауралья, так как совмещает в себе комплекс погребений, хронологически охватывающий весь период раннего железного века. Это позволяет на примере одного памятника проследить локальные этнокультурные процессы, происходившие на территории южного Зауралья в период VI–II вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полевые материалы Н.М. Меньшенина // архив ЛАИ ЧелГУ.
2. История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – 144 с.

**EARLY IRON AGE BURIALS OF SOUTH-URAL FOREST-STEPPE ZONE:
SHATROVO-I.**

© 2014 A.A. Bersenev

The purpose of this article is to put into scientific use the materials of burial place Shatrovo-1 for scientific use. These materials combine complex burials, chronologically covering the entire period of the early Iron Age.

Key words: early Iron Age, South Ural, nomads, burials, mounds.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКАХ ЗАУРАЛЬСКОГО БАШКОРТОСТАНА¹

© 2014 г. Е.В. Вильданова

Работа посвящена охранно-спасательным работам на курганных могильниках Зауральского Башкортостана. Рассмотрены группы курганов подвергавшиеся интенсивной распашке на территории Хайбуллинского и Абзелиловского районов Башкортостана.

Ключевые слова: охранно-спасательные работы, Переволочанские курганы, Авлаковские курганы, прохоровская культура.

Под охранно-спасательными работами понимается вид археологической деятельности по спасению и сохранению объектов археологического наследия, которым грозит частичное разрушение или полное уничтожение.

Существуют две основные причины разрушения археологических памятников. Первая причина — природные разрушения. Памятники на берегах рек подмываются водой, разрушаются оврагами, на вершинах гор часть культурного слоя выветривается. Вторая причина — деятельность человека. В результате хозяйственного освоения новых территорий без предварительного обследования такое случается часто: распашка полей, строительство гидросистем, дорог, мелиорация, а также археологическое браконьерство [Обыденов, 2007, с. 13].

На территории Зауральского Башкортостана сконцентрировано достаточно большое количество археологических памятников. Значительная часть из них в настоящее время подвергается разрушению. В этой связи проводятся работы,

направленные на исследования данных памятников.

Один из таких памятников — курганный могильник Переволочан II, расположенный в 4,5 км северо-северо-западнее д. Переволочан, 5 км юго-восточнее с. Яковлевка, 6 км северо-западнее с. Татыр-Узяк Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

Курганы находятся на распаханном поле агрохозяйства, в 1 км севернее проселочной дороги с. Бурибай — с. Яковлевка. В группе — 4 земляных кургана. Памятник был открыт А.Х. Пшеничнюком в 1991 г. [Пшеничнюк, 1992]. Исследователь зафиксировал аварийное состояние курганных насыпей, вследствие многолетних пахотных работ [Сиротин, 2009, с. 4–5].

Осенью 2007 г. памятник был осмотрен С.В. Сиротиным. Площадка курганного могильника Переволочан II по-прежнему распаханась, вследствие чего продолжалось разрушение курганных насыпей. Курганы 2 и 3 были подвержены особо интенсивным разрушениям: их насыпи, распаханнные по

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-11-02601

всей площади, были практически полностью сnivelированы и очень слабо выделялись на современной поверхности. Значительные повреждения распашкой имела насыпь кургана 1. Полы насыпи интенсивно подрезались и распахивались. Глубина врезки составляла до 4,5 м от современных границ насыпи. Полы кургана 4 также интенсивно подрезались и распахивались в результате многолетних пахотных работ.

Диаметр насыпи кургана 2 составил 16 м. Высота насыпи от южной подошвы кургана – 0,25 м [Сиротин, 2009, с. 17]. Диаметр насыпи кургана 3 – 34 м. Высота насыпи от южной подошвы кургана – 0,88 м. Визуально на поверхности кургана не фиксировалось впадин грабительского вкопа. Вероятнее всего, насыпь была сnivelирована в результате многолетней распашки кургана [Сиротин, 2009, с. 26].

Курганы 2 и 3 дали ранний материал и датируются V в. до н.э., либо рубежом V–IV вв. до н.э. [Сиротин, 2012, с. 45].

Кроме того проводились охранно-спасательные работы на курганном могильнике «Авласовские курганы» (курганы 2 и 3) в Абзелиловском районе.

Курганный могильник «Авласовские курганы» расположен на распахиваемых полях в 4,2 км к востоку-северо-востоку от д. Ишбулдино (Ахаево) Абзелиловского района Республики Башкортостан. Памятник выявлен Н.А. Мажитовым в 1965 г., который в своем Отчете сообщает следующее: «В степи, в полях колхоза им. Кирова, в 3 км восточнее дер. Ахаево находится очень большой курган диаметром около 40 м, высота 4 м, широко известный у местного населения как Авляс убалы, т.е. Авлясовский курган. С него видны два таких же больших курга-

на, расположенных на расстоянии более 1 км севернее» [Мажитов, 1965].

Могильник состоит из трех курганов, расположенных на довольно большом удалении друг от друга (0,95–1 км). Курганы расположены на распахиваемых полях, окруженных со всех сторон лесопосадочными полосами. Южнее всех в группе расположен курган 1 (Авляс убалы), диаметром 30 м, высотой до 2 м. В 0,95 м к северу от данного кургана расположен курган 3 (диаметром 34 м, высотой до 0,94 м). Курган 2 расположен в 1 км к северо-северо-востоку от кургана 1 и в 0,3 км восточнее кургана 3 (диаметр 34 м, высота 0,84 м). В ходе визуального осмотра памятника осенью 2010 г. и весной 2011 г. было выяснено, что он находится в аварийном состоянии. Большой курган (№ 1), о котором сообщает в своем Отчете Н.А. Мажитов, имеет повреждения насыпи: полы кургана срезаются и интенсивно распахиваются, на поверхности насыпи фиксируются многочисленные ямы от нор степных животных.

Два кургана (№ 2 и № 3), «расположенных на расстоянии более 1 км севернее», также находились в аварийном состоянии. Они имели более серьезные повреждения и нуждались в первоочередных охранно-спасательных работах.

Насыпь кургана 2 интенсивно распахивалась по всей площади. Современный диаметр насыпи составил 34 м. Насыпь полусферическая, имела округлую в плане форму. Очевидно, что в результате многолетних пахотных работ насыпь кургана разрушена, поскольку Н.А. Мажитов пишет о таких же больших курганах, как и курган 1 [Сиротин, 2012, с. 6–7].

Курган 3 расположен на распахиваемом поле в 0,3 км западнее кургана 2

и в 0,95 км севернее кургана 1. Насыпь кургана 3 также интенсивно распахи-вается. В центре насыпи фиксировался грабительский шурф (недавнего происхождения), неправильной конфигурации, размерами 3х2 м, с фиксируемой глубиной до 1–1,08 м и свежие отвалы. В стенках шурфа были видны обрублен-ные березовые бревна от надмогильной конструкции [Сиротин, 2012, с. 15].

В ходе полевых работ летом 2011 г. было исследовано 2 кургана курганно-го могильника «Авласовские курганы», давших в общей сложности 5 погребаль-ных комплексов разного уровня сохран-ности и информативности. Получены интересные данные по погребальному обряду, устройству погребальных камер и надмогильных сооружений, а веще-

вой материал включал в себя элементы вооружения, конского снаряжения, ке-рамической тары. Вещевые комплексы имеют широкие аналогии в материалах опорных памятников южно-уральских кочевников и могут быть отнесены к ранним этапам прохоровской культуры с датировкой IV в. до н.э. [Сиротин, 2013 а, с. 166; 2013 б, с. 1326].

На сегодняшний день на территории Зауральского Башкортостана продол-жается интенсивная распашка земель с находящимися на них курганными мо-гильниками, нуждающимися в охран-но-спасательных работах. В данную категорию попадают следующие памят-ники: Суртандинские, Альмухаметов-ские, Ивановские, Юлбарсовские курга-ны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в южных, юго-восточных районах Башкирии и Челябинской области // Архив УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 659. – Уфа, 1965.
2. Обыденнов М.Ф. Историко-культурное наследие народов Башкортостана // Объекты археологии: вопросы сохранения и использования. – Уфа, 2006. – 183 с.
3. Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Переволочанских курганов в Хайбул-линском районе республики Башкортостан в 1991 году. – Уфа, 1992.
4. Сиротин С.В. Отчет об археологических исследованиях в Абзелиловском районе Республики Башкортостан в 2011 г. – Стерлитамак, 2012, – 179 с.
5. Сиротин С.В. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2008 г. – Стерлитамак, 2009, – 246 с.
6. Сиротин С.В. (2013 а) Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, фило-софские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 11. Ч. 2. – Тамбов, 2013. – С. 163–169.
7. Сиротин С.В. (2013 б) Погребальный комплекс дромосного типа эпохи ран-них кочевников из Юго-Восточной Башкирии // Вестник Башкирского Университе-та. – Т. 18. № 4. – Уфа, 2013. – С. 1323–1327.

**RESCUE EXCAVATIONS ON MONUMENTS
OF ZAURAL'SKY REGION OF BASHKIRIA**

© 2014 E. V. Vil'danova

The article is devoted to a study of burial mounds in Zaural'sky region of Bashkortostan. The groups of intensively plowed burial mounds in the territory of Haybullinsky and Abzellilovsky districts of Bashkortostan were analyzed.

Key words: rescue excavations, Perevolochanskiye mounds, Avlasovskiye mounds, Prokhorovka culture.

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГОНЧАРНОЙ ПРОДУКЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2014 г. Я.В. Володарец-Урбанович

В статье изложена авторская методика анализа распространения продукции раннесредневековых гончарных центров юга Восточной Европы. В основе методики – пространственный анализ и картографирование. Особое внимание уделено хронологии бытования гончарной посуды.

Ключевые слова: пространственный анализ, хронология, распространение, гончарная посуда, раннее средневековье, юг Восточной Европы.

Существует связь между характером задач и выбором материалов... Однако обоснование этой связи оказывается более трудным, чем можно предположить.

Жан-Клод Гарден
Теоретическая археология

Вторая половина VII–начало VIII вв. в Среднем Поднепровье и Днепровском Левобережье – период сложной культурной трансформации, которая проявилась в смене культур третьей четверти I тыс. н.э. (пеньковской и колочинской) памятниками типа Сахновки, Волынцева и Луки-Райковецкой. Феноменом этого времени стало появление гончарных центров (балка Канцерка, Мачухи и Пастырское городище) в ареале славянских культур и кочевнических памятников.

Актуальным является изучение распространения гончарной продукции из центров производства. Опубликованные ранее результаты исследования находок гончарной посуды на памятниках

раннего средневековья юга Восточной Европы [Володарец-Урбанович, 2010; Володарец-Урбанович, Скиба, 2011 б], выявляют необходимость описания методики проведенного анализа данных.

В основе методики лежит картографический метод, главным заданием которого является отображение и анализ размещения памятников с находками посуды канцерского и пастырского типов. Анализ проведен в два этапа:

- 1) проектирование и составление карт;
- 2) их анализ.

Каталог памятников создан в программе Microsoft Office Excel. Памятники нанесены на

топографическую карту с масштабом 1:1000. В каталог внесены данные об их расположении относительно гидросистемы и расстояния до производственных центров (табл. 1).

В дальнейшем проведен анализ культурной принадлежности памятников. Картографированные пункты были объединены в регионы концентрации. Последующий анализ проведен уже исходя из региональной и культурной принадлежности памятников (рис. 1).

Неотъемлемой составляющей характеристик поселений являются данные о размерах и мощности культурного слоя [Шишкін, 1996]. Информация о памятниках с канцерской и пастырской посудой зачастую не содержит таких данных, так как ряд памятников известен лишь по археологическим разведкам. Поэтому пришлось отказаться от учета этих признаков.

Пространственный анализ в археологии применяется на нескольких уровнях: микроуровень (комплекс), средний уровень (памятник) и макроуровень (регион) [Коробов, 2011, с. 113]. Находки выявлены на значительном расстоянии от ремесленных центров, в нескольких регионах. При этом далеко не на всех памятниках выявлена исследуемая посуда. Потому применить «классические» методы ГИС исследований в археологии [Коробов, 2011, с. 113–119] не предоставляется возможным. Вследствие чего был использован метод анализа соседства: интервальность размещения памятников с находками гончарной посуды относительно производственных центров.

Интервал вариационного ряда расстояний рассчитан по формуле:

$$C=R/K,$$

где C – размер интервала, R – разброс показателей вариационного ряда ($X_{\max} - X_{\min}$), K – количество интервалов, определяемых по формуле

$$K=\sqrt{n-1},$$

где n – количество вычитаемых единиц [Формализованно-статистические..., 1990, с. 48–49].

Размер вариационного ряда и количество интервалов позволяет распределить памятники по расстоянию от производственных центров. Такой анализ определяет не только максимальные и минимальные расстояния распространения продукции, но и его основные закономерности.

Анализ гидросистемы. Важную информацию о распространении можно получить из анализа гидросистемы. Учитывая данные о порядковости рек, можно проследить распространение посуды вдоль водных артерий.

Определение хронологии бытования гончарной посуды. В построении хронологии главная роль отведена погребениям икладам (т.н. закрытые комплексы) [Федоров-Давыдов, 1965; Амброз, 1971а; 1971б; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 95–97; Мартынов, Шер, 1989, с. 175; Бажан, Еременко, 1992, с. 14–21].

Однако исследуемая посуда обнаружена в основном на славянских поселениях (лишь канцерская посуда известна также и в ряде кочевнических комплексов типа Малой Перещепины и Вознесенки). В ряде случаев можно выделить т.н. условно закрытые комплексы, отвечающие ряду признаков [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 16–

18; Крапивина, 2002, с. 106; Любичев, 2012, с. 7]. Сложность заключается в том, чтобы соотнести эти находки с одним из периодов существования поселения. Такие находки не дают уверенности в том, что они охватывают весь период существования памятника [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 13]. Поэтому поселениям отводится второстепенная роль при хронологических построениях.

Работа над хронологией проходила в несколько этапов. Методика основывается на подходе, предложенном А.В. Богачевым [Богачев, 1992, с. 42–50, табл. 1], с дополнениями методикой «хроноиндикаторов» [Шаров, 1992, с. 163; Гей, Бажан, 1997, с. 6–8] и «узких и широких датировок» М.Б. Щукина [Щукин, 1978; Щукин, Щербакова, 1986].

Первый этап: сбор всех предметов убора, выявленных в условно закрытых комплексах и в культурном слое на поселениях с гончарной керамикой, которые могут быть использованы как хронологические индикаторы (далее – ХИ) (табл. 2).

Второй этап: детальная классификация типов вещей (пронизи, перстни с раздвоенными концами, трапецевидные подвески), а также использование уже существующих (типологии: фибул – И.О. Гавритухина, О.М. Приходнюка и В.Е. Родинковой; сережек пастырского типа – А.И. Айбабина и О.М. Приходнюка; браслетов – В.Е. Родинковой).

Третий этап: определение хронологии вещей путем поиска аналогий в закрытых и условно закрытых комплексах из памятников Крыма, Кавказа и Нижнего Подунавья, где хронология разработана точно и детально. После этого вещи могут быть использованы в качестве ХИ. Они были поделены на две условные группы: ХИ первого порядка (с «узкой» хронологией – фибулы, браслеты, сережки пастырского типа) и второго порядка (с «широкой» хронологией – пронизи, перстни с раздвоенными концами, трапецевидные подвески). Для удобства каждой группе присвоен соответствующий шифр (ХИ первого уровня – ХИ/А., ХИ второго уровня – ХИ/В). Их анализ показал: 1) первая группа репрезентативна в плане хронологических разработок; 2) хронологию большинства вещей второй группы представляется возможным существенно сузить для дальнейшего использования.

На четвертом этапе исследования по методике «широких» и «узких» датировок определяется хронология бытования гончарной посуды путем сравнения хронологий ХИ.

Заключение. Данная схема анализа позволила выделить характерные закономерности распространения гончарной посуды. В работе над методикой выбор методов анализа основывался на специфике славянского археологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I // СА. – 1971а. – № 2. – С. 96–123.

2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II // СА. – 1971б. – № 3. – С. 106–134.
3. Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени: По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.). – СПб., 1992. – С. 14–21.
4. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара, 1992. – 208 с.
5. Володарец-Урбанович Я.В. Пастирський гончарний посуд на слов'янських пам'ятках // Актуальні проблеми археології: Тези Міжнар. конф. на пошану І.С. Винокура. – Тернопіль, 2010. – С. 71–72.
6. Володарец-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарний посуд VII–VIII ст. на півдні Східної Європи // Археологія. – 2011б. – № 2. – С. 34–46.
7. Гарден Жан-Клод. Теоретическая археология. – М., 1983. – 297 с.
8. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М., 1997. – 144 с.
9. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М., 1975. – 174 с.
10. Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии: Учеб. пособие. – М., 2011. – 224 с.
11. Крапивина В.В. К вопросу о «закрытых комплексах» в археологии // Сучасні проблеми археології. – К., 2002. – С. 105–107.
12. Любичев М.В. Хронологія поселень черняхівської культури в Лісостепу між Дніпром та Сіверським Дінцем // Археологія. – 2011. – № 4. – С. 7–20.
13. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 1989. – 223 с.
14. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первых веках нашей эры. – М., 1991. – 175 с.
15. Федоров-Давыдов Г.А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. – 1965. – № 3. – С. 50–65.
16. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) – Киев, 1990. – 304 с.
17. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени: По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.). – СПб., 1992. – С. 158–207.
18. Шишкін Р.Г. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I–V ст. н.е.: автореф. дис. – Київ, 1996. – 24 с.
19. Щукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. – Л., 1978. – С. 28–32.

20. Щукин М.Б., Шербакова Т.А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. – Кишинев, 1986. – С. 177–219.

ON THE METHOD OF STUDYING THE POTTERY DISTRIBUTION FROM EARLY MEDIEVAL CRAFT CENTERS IN THE SOUTHERN PART OF EASTERN EUROPE

© 2014 Ya.V. Volodarets-Urbanovich

The articles reviews the author`s analytical method. Spatial analyze and cartography were the base of the method. Particular attention is made to the chronology of ceramics.

Key words: spatial analysis, chronology, distribution, pottery, Early Middle Ages, southern part of Eastern Europe.

Таблица. 1. Общая характеристика памятников с находками гончарной посуды.

№ п/п	Название памятника	Административная привязка	Тип памятника	Расстояние до производственного центра	Культурно-хронологическая принадлежность	Гидросистема		Уровень исследованности					Опубликованный материал	Литература	Координаты	
						Бассейн реки	Порядок речной системы	а) полностью	б) раскоп части поселения	в) шурфы	г) траншеи	д) сбор с поверхности поселения			е) случайные находки	Северной широты

Таблица. 2. Условия находок хронологические индикаторов.

Название памятника	Объект / условия находки	Хронологический индикатор	Датирование	Находки гончарной посуды в объектах	Рис.

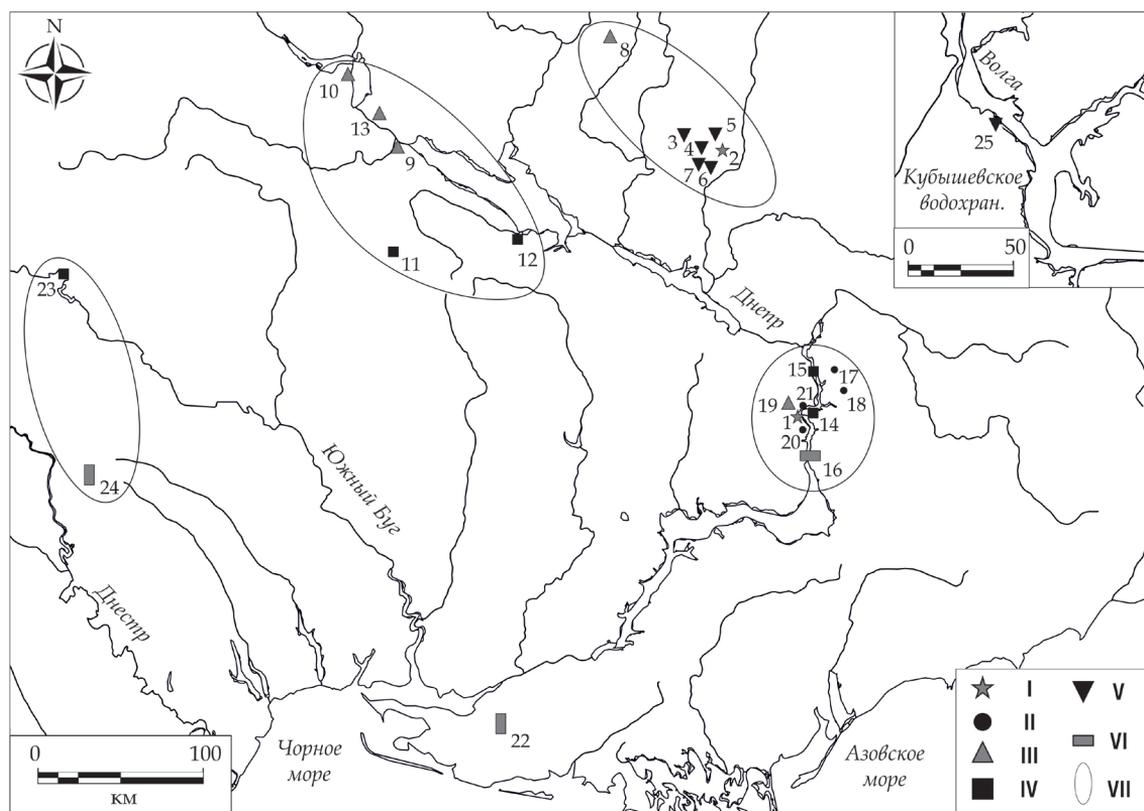

Рис. 1. Карта находок канцерской посуды.

Примечание.

Условные обозначения:

1 – балка Канцерка и Мачухи, 2 – находки канцерской посуды, 3 – находки канцерской посуды на пеньковских памятниках, 4 – находки канцерской посуды на памятниках сахновского типа, 5 – находки канцерской керамики на кочевнических памятниках, 6 – находки канцерской керамики на памятниках типа Вознесенки, 7 – регионы концентрации находок.

Перечень памятников:

1 – балка Канцерка, 2 – Мачухи, 3 – Белокони, 4 – Браилки-Васьки, 5 – Лаврики, 6 – Полузерьье 2, 7 – Чередники, 8 – Вовки, 9 – Будище, 10 – Григоривка, 11 – Пастирское городище, 12 – Стецовка, 13 – Сушки, 14 – Орлово (балка Калинова), 15 – балка Яцевая, 16 – Вознесенка, 17 – Марьевка (б. Ключникова, пункт 1), 18 – Василевка (б. Тягинка, За Левым Мысом), 19 – Любимовка («Над забором»), 20 – Федоровка (балка Квитяна, Левый мыс), 21 – Вовниги, 22 – Келегеи, 23 – Семенки, 24 – Ясинове, 25 – Шиловка.

СЕЛИЩЕ КУРМАНТАУ – МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© 2014 г. С.Л. Воробьева

В тезисах описываются результаты исследования 2012–2013 гг. на селище Курмантау – металлургического комплекса эпохи раннего железа (IV–III вв. до н.э.). Археологический микрорайон горы Курмантау и ее окрестностей в ландшафтном отношении относится к лесостепи Южного Приуралья и примыкает непосредственно к горнолесной зоне Южного Урала (Республика Башкортостан, Гафурийский район, предгорная лесостепь среднего течения р. Белая. В данном микрорайоне известно 9 археологических объектов. В 2012–2013 гг. под руководством автора на данной территории проводилась археологическая разведка, в ходе которой на селище Курмантау были найдены следы металлообработки – бронзовые сплески металлов. В тезисах приводятся данные спектрального анализа.

Ключевые слова: металлургический комплекс, эпоха раннего железа, спектральный анализ, металлообработка.

В 2012–2013 годах автором статьи проводились археологические работы по обследованию горы Курмантау¹ и ее окрестностей с целью сплошного обследования на предмет поиска новых памятников и определение общего историко-культурного потенциала региона.

Археологический микрорайон горы Курмантау в ландшафтном отношении относится к лесостепи Южного Приуралья и примыкает непосредственно к горнолесной зоне Южного Урала. Участок приурочен к возвышенному правому берегу р. Белая (рис. 1, А). Размеры изучаемой территории – 7 3 км. Гора Курмантау – самая высокая возвышенность в округе в системе отрогов уральских гор высотой около 200 м (высотная отметка 261.6). Территория среднего течения

правого берега р. Белая от места впадения в нее р. Бурлы на севере, до склонов горы Курмантау на юге покрыта увалисто-холмистыми возвышенностями, переходящими на вершине горы в относительно ровное плато. Юго-восточная и северная части² горы Курмантау залесены, а центральная часть обнажена и покрыта луговой растительностью. Леса были вырублены во время распахки в начале XX в. [Юсупов, 1959, с. 59]. Под восточными склонами в XX в. существовала дер. Михайловка, от которой остались только разрушенная ферма, фундаменты домов и ямы от погребов. Берег реки представляет собой высокую террасу (до 20 м), разделенную оврагами. Именно на этой террасе сосредоточено большинство известных объектов культурного наследия.

1 Топографическое название – гора Михайловская, у местного населения получила название – Курман-Тау/Табынская/Жертвенная гора.

2 Северная часть горы носит топографическое название «урочище Курмантау».

Первооткрывателем археологических памятников на горе Курмантау и в ее окрестностях является уроженец дер. Михайловка краевед М.И. Касьянов, который в 1928–1929 гг. обнаружил три поселенческих объекта: «Курмантау Нижнее», «Курмантау Среднее» и «Курмантау Верхнее». На найденных памятниках он собрал значительный подъемный материал, который сейчас хранится в Национальном музее РБ [Основной фонд 296-300]. Описание этих объектов вошло в Археологическую карту Башкирии [АКБ, 1976, № 1250, 1252, 1253, с. 146-147].

В 1953–1955 гг. была организована башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством А.В. Збруевой, Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой, в ходе которой найдены новые объекты (Курмантаевское и Михайловское городища) и проведены археологические раскопки на ранее известных памятниках [Юсупов, 1953, 1954; Троицкая, 1953–1954].

В 1954 г. студент заочного отделения исторического факультета Уральского Государственного Университета (научный руководитель К.В. Сальников), краевед А.П. Шокуров в ходе археологической разведки нашел еще одну стоянку в деревне Михайловка (Михайловская стоянка) [Шокуров, 1954].

Последующее изучение памятников этого компактного микрорайона связано с археологическими раскопками В.А. Иванова и А.Х. Пшеничнюка в 1975–1980 гг. [Иванов, 1975], И.Б. Васильева и М.Ф. Обыденнова в 1976 г. [Васильев, Обыденнов, 1977, с. 133].

В ходе работ в 2012–2013 гг., под руководством автора статьи, найдено 4 новых археологических объекта: ме-

стопахождения эпохи раннего железа Курмантау-7 и Курмантау-11, поселения эпохи финальной бронзы – раннего железа Курмантау-8 и Курмантау-9 (объединены в единый объект Курмантау-8/9), осмотрено поселение Курмантау-10 (поселение Курмантау).

Таким образом, на сегодняшний день на горе Курмантау известно 9 археологических объектов, 6 из которых состоят на государственной охране. В данной работе рассмотрено селище Курмантау (Курмантау-5), на котором в 2012 г. найдены следы металлообработки.

Селище Курмантау (Курмантау-5, селище, Курман-Тау верхнее, Курмантаевское жертвенное место, Курбан тау – жертвенная гора) открыто в 1928 г. краеведом М.И. Касьяновым и названо им «Курмантау Верхнее» [АКБ, 1976, № 1250, с. 146–147; АПБ, 1996, № 204, с. 161–162], расположено на вершине горы Курмантау. Ранее как склоны, так и поверхность горы распахивались. До распахивания вся территория была покрыта лесом, на поверхности имелись источники, которые высохли после вырубki леса [Юсупов, 1959, с. 59]. Селище исследовалось Г.В. Юсуповым и А.Х. Пшеничнюком.

Раскопки памятника показали, что по краям площадки имеется мощный зольник. Культурный слой достигает толщины 50–60 см, богато насыщен расколотыми костями животных и фрагментами лепной керамики кара-абызской, ананьинской культур и гафурийского типа эпохи раннего железа. Выявлены остатки трех очагов наземных жилищ. Из вещевое материала найдено много костяных изделий для обработки кожи, глиняных пряслиц, бронзовых наконечников стрел, по которым памятник дати-

руется IV-III вв. до н.э. [АПБ, 1976, № 204, с. 162; Пшеничнюк, 1983, с. 81].

Кроме материалов, полученных в ходе раскопок, известны единичные находки, происходящие с селища: железный сарматский меч, бронзовые наконечники стрел, костяной гарпун, костяной наконечник стрелы [Юсупов, 1956, с. 88; 1959, с. 60, табл. 1], изделия в зверином стиле [История башкирского народа в семи томах, 2009, рис. 80, с. 237]. В фондах Национального музея Республики Башкортостан хранится коллекция бронзовых и железных предметов (455 ед.хр.), происходящих с данного памятника³. Среди этих предметов есть бронзовые височные подвески пьяноборской и кара-абызской культур, обломки бронзовых котлов, обломки бронзовых гривен, заготовки бронзовых украшений (бляшки, подвески, обоймы и т.д.), бронзовые сплески металлов и железные ножи. Только эта коллекция свидетельствует о существовании на селище Курмантау мощного металлургического комплекса эпохи раннего железа.

В 2012 г. на поверхности селища собран подъемный материал: венчик бронзового котла, бронзовый наконечник стрелы, железный стержень, бронзовый стержень, фрагмент бронзового ножа; железные предметы, ошлакованный слиток меди, бронзовый стержень с заостренным концом; фрагмент бронзового ножа; сплески металла, терочник из песчаника, венчик сосуда с примесью песка и талька в тесте, железный стержень – шило; бронзовая накладка с отверстием, подквадратной формы с закругленными

³ Коллекция депаспортизирована, имеется только напечатанная на компьютере надпись «гора Курмантау, подъемный материал 2000-х гг.». Сейчас она принимается на хранение в фонды.

краями и выпуклинами в центре, по краям орнаментирована точечными вдавлениями (рис. 1).

Осмотр площадки памятника показал, что за пределами определенной границы имеются многочисленные грабительские ямы, в которых, преимущественно и был собран подъемный материал. Поэтому для определения границ культурного слоя было заложено двенадцать шурфов, из которых происходят 64 фрагмента керамики, представленной венчиками и стенками с примесью песка (75%), раковины (4,6%), песка и раковины (1,5%), дресвы и органики (9,3%), органики (4,5%), песка и органики (1,5%), песка и шамота (1,5%) (табл. 1). Орнамент на сосудах представлен пояском насечкообразных вдавлений гребенчатым штампом по шейке сосуда. Керамика преимущественно происходит из первого горизонта и относится к кара-абызской культуре эпохи раннего железа.

Остеологический материал представлен 53 фрагментами костей животных, из которых 25 – обожженные кости, 28 – необожженные кости. Кости преобладают и на первом горизонте (табл. 2).

Культурный слой мощностью 10–50 см состоит из гумусированной супеси с включением мелкого и среднего галечника. Подстилающий материк – светлокоричневый песок с включением галечника или плотный суглинок.

Бронзовые сплески металла, происходящие из подъемного материала, были отданы на спектральный анализ старшему научному сотруднику Уральского отделения Российской Академии наук С.А. Григорьеву (г. Челябинск).

С поселения Курмантау-5 взято 4 образца (№ 2233-2235⁴), представленные небольшими бесформенными и тяжелыми кусками с ошлакованной поверхностью. На некоторых из них на поверхности выступали небольшие включения медной зелени. При изготовлении шлифов и отборе проб на химический анализ выяснилось, что образцы являются ошлакованными слитками меди, которые получены, вероятно, при литье металла.

Микроструктуры шлаков.

Два образца (№ 2235, 2236) представлены чистой медью, с отсутствием заметных посторонних включений. Для получения более полной информации по этим образцам требуется металлографическое исследование. На селище Курмантау-5 практиковалась металлообработка меди.

Во время визуального осмотра возвышенностей вокруг горы Курмантау были обнаружены грабительские ямы на соседнем мысу. На поверхности площадки памятника и в грабительской яме найдены венчик и стенки бронзовых котлов, сплески металла, наконечники стрел, бронзовая бляшка (рис. 1, 26-29, 32-38).

4 Номера даны С.А. Григорьевым.

Бронзовые наконечники стрел датируются IV–III вв. до н.э. [Мошкова, 1963, табл. 16]. Венчики и стенки бронзовых котлов, вероятнее всего, связаны с кочевниками Южного Урала и датируются этим же временем. Бронзовая бляшка с ушком на обороте имеет широкие аналогии как в сарматских памятниках, так и в ананьинской и кара-абызской культурах эпохи раннего железа, поэтому ее датировка затруднена. В целом обнаруженные археологические предметы имеют прямые аналогии в расположенных рядом от данного местонахождения (Курмантау-7) поселенческих памятников (селище Курмантау и Касьяновского городища).

Таким образом, материалы, полученные в 2012 г., позволяют сделать вывод о том, что селище Курмантау являлось металлургическим комплексом в эпоху раннего железа. Следов выплавки меди на данный момент не найдено. Памятник датирован Г.В. Юсуповым и А.Х. Пшеничнюком IV–III вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 81]. Коллекция 2012 г. не противоречит этой дате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Башкирии (АКБ). – М., 1976. – 262 с.
2. Археологические памятники Башкирии (АПБ). – Уфа, 1996. – 280 с.
3. Васильев И.Б., Обыденнов М.Ф. Работы в Приуралье // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 133.
4. Иванов В.А. Научный отчет 1975 г.
5. История башкирского народа в семи томах. – Т. I. – М., 2009.
6. Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках поселений в Гафурийском районе и разведках по трассе строительства железной дороги Ново-Мурапталово-

Оренбург // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 36.

7. Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. – С. 77–103.

8. Троицкая Т.Н. Альбомы зарисовок материалов археологических экспедиций за 1953–1954 гг. // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 288, 289.

9. Шокуров А.П. Отчет об археологической разведке летом 1954 г. в Гафурийском районе БАССР // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 295, 296.

10. Юсупов Г.В. Археологические разведки в Башкирии // КСИИМК. – Вып. 64. – 1956. – С. 85–92.

11. Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959. – С. 58–87.

12. Юсупов Г.В. Отчет Гафурийского отряда башкирской археологической экспедиции АН СССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1246;

13. Юсупов Г.В. Отчет об археологических разведках, проведенных 2–9 сентября 1953 г. в Гафурийском р-не БАССР // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1107;

14. Юсупов Г.В. Отчет об исследовании археологического памятника Курмантау в Гафурийском р-не БАССР за 1954 г. // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 297.

KURMANTAU SETTLEMENT – THE EARLY IRON AGE METALLURGICAL COMPLEX

© 2014 S.L. Vorobjeva

This article describes the results of the study held in 2012-2013 on the Kurmantau settlement - early Iron Age metallurgical complex of (6th-3d c. BC). The archaeological microregion of Kurmantau mountain and its surrounding area landscape relates to the Southern Ural steppe and adjoines to the mountain-zone of the Southern Urals (Republic of Bashkortostan, Gafury region, foothill steppes at the middle reaches of the Belaya river). In this microregion 9 archaeological sites are known. Archaeological survey held by the author of this article in 2012-2013 reveals the traces of metalworks in Kurmantau settlement – splashes of bronze. The results of spectral analysis are presented in the article.

Key words: metallurgical complex, the early Iron Age, spectral analysis, metalworking.

Таблица 1. Селище Курмантау-5. Распределение керамики по горизонтам в шурфах

	Вид фрагмента			Примесь								
	Венчик	Стенка без орнамента	Стенка с орнаментом	Песок	Древса	Древса и песок	Раковина	Песок и раковина	Древса и раковина	Органика	Песок и органика	Песок и шамот
Гор.1	9	43	2	43	-	-	1	1	6	3	1	1
Гор.2	-	12	-	5	1	1	2	-	-	-	-	-
Итого	9	55	2	48	1	1	3	1	6	3	1	1

Таблица 2. Селище Курмантау-5. Распределение костей по горизонтам в шурфах

	Обожженные кости	Необожженные кости
Гор.1	22	19
Гор.2	3	9
Итого	25	28

Таблица 3. Спектральный анализ сплесков металла с селища Курмантау-5 (селище Курмантау), выполненный в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции (%)

Памятник	Обр.		Ni	Co	Cr	Mn	V	Ti	Cu	Zn
Курмантау-5	2233	шлак	0,02	0,003	0,01	0,05	0	0,05	>>1	0,02
Курмантау-5	2234	медь	0,015	0,007	0,003	0,3	0,003	0,1	>>1	0,02
Курмантау-5	2235	медь	0,007	0,003	0,007	0,07	0	0,05	>>1	0,007
Курмантау-5	2236	медь	0,03	0,003	0,007	0,05	0	0,05	>>1	0,01
Памятник	Обр.		Pb	Ag	As	Bi	Mo	Ba	Sn	Sb
Курмантау-5	2233	шлак	0,5	>>0,003	0,1	0,015	nd	0,015	>0,3	0,07
Курмантау-5	2234	медь	0,15	>0,003	0,05	0,005	nd	0,03	>0,3	0,015
Курмантау-5	2235	медь	0,1	>0,003	0,1	0	nd	0,015	0,03	0,003
Курмантау-5	2236	медь	0,07	>0,003	0,07	0,015	nd	0,01	>0,3	0,02

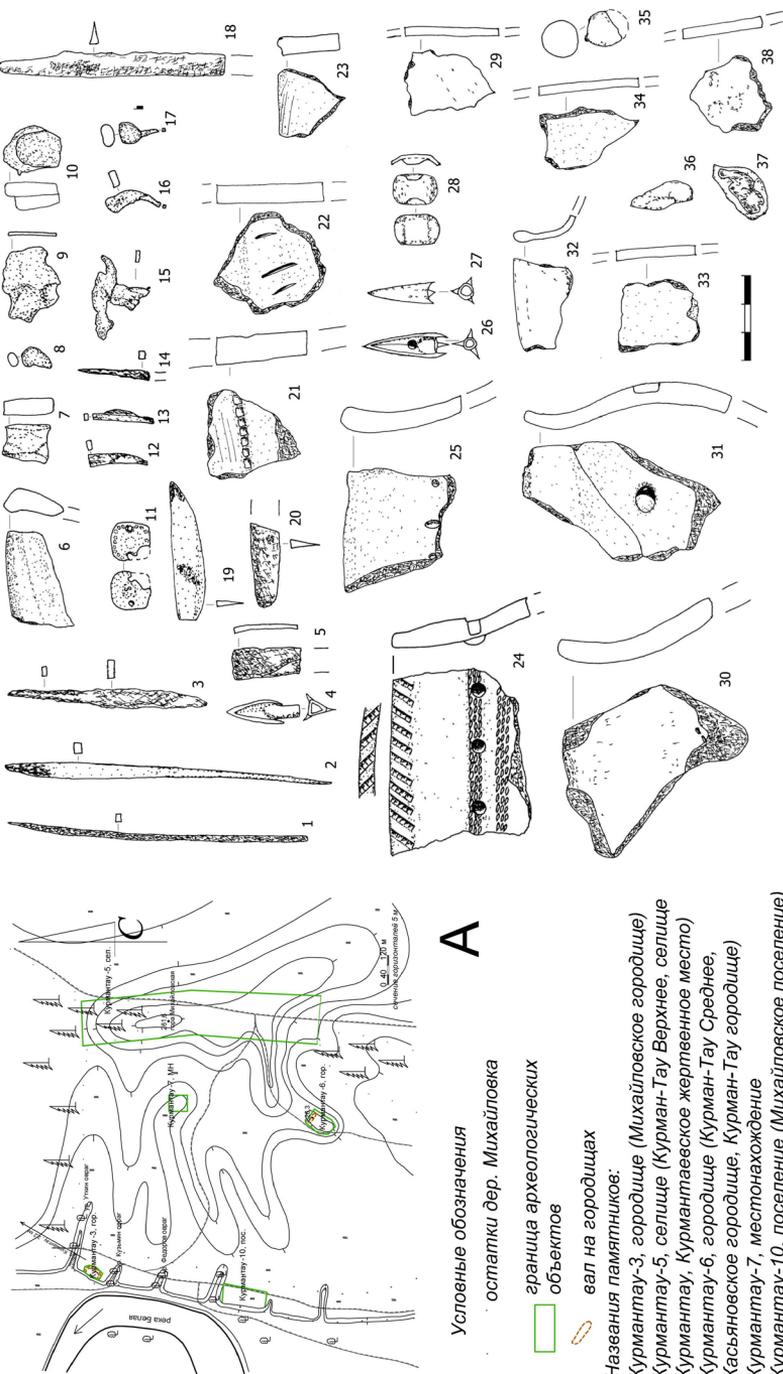

Рис. 1. Археологические памятники горы Курмантау (А – общий план расположения объектов (по А.Х. Пшеничнюку [Пшеничнюк, 1983, рис. 1, с. 78]), дополнен С.Л. Воробьевой, 2012 г.).

Примечание:

1-25, 30-31 – Курмантау-5, селище (Курман-Тау Верхнее, селище Курмантау, Курмантаевское жертвенное место); 26-29, 32-38 – Курмантау-7, местонахождение; 1-3, 14 – стержни – шилья; 4, 26, 27 – наконечники стрел; 5, 7-10, 15-17, 36, 37 – сплески металла; 6, 32 – венчик бронзового котла; 11 – накладка; 12-13 – обломки предметов, 18-20 – ножи; 21, 22 – стенки лепных сосудов; 23-25, 30, 31 – венчики лепных сосудов; 28 – бляшка (инв. № 9); 29, 33, 34, 38 – стенки котлов; 35 – гильза.

1, 3, 5, 12-14, 18 – железо; 21-25, 30-31 – керамика, остальное – бронза

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОДЕСЕНЬЯ В XX ВЕКЕ

© 2014 г. М.М. Гарига-Грихно

В статье дан историографический анализ некоторых работ по палеоантропологии средневекового населения Черниговского Подесенья. Сделана попытка оценить степень изученности антропологических материалов из курганов региона, относимых к X–XIII вв. Результаты работы дают возможность говорить о том, что большинство исследователей советского периода писали о принадлежности населения Черниговского Подесенья к мезокранному краниологическому типу со среднешироким лицом, который характерен также для довольно значительного массива населения с территории расселения летописных племен.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, Чернигов, Подесенье, древнерусские племена, северяне, поляне.

Антропологические исследования скелетных материалов, получаемых во время археологических работ, стали относительно регулярными лишь во 2-й половине XX в. До этого древние останки становились предметом изучения далеко не всегда. Тем не менее, значимые палеоантропологические исследования появились уже во второй половине XIX–первой половине XX в., в том числе – по древнерусскому населению в целом и, в частности, по населению Черниговского Подесенья. Здесь необходимо назвать работы А.П. Богданова, Ю.Д. Талько-Грынцевича, В.В. Бунака, Т.А. Трофимовой.

Начиная с 1930-х гг. в России формируется палеоантропологическая школа во главе с Г.Ф. Дебецем, также уделявшему внимание физическому облику средневековых восточнославянских племен. Его ученики и последователи продолжили разрабатывать данную проблематику

– это В.В. Седов, Т.И. Алексеева и отчасти В.П. Алексеев, В.Д. Дьяченко, П.М. Покас. В данной работе остановимся лишь на публикациях Т.И. Алексеевой, как специалисте, наиболее полно разработавшем проблему антропологического состава древнерусских племен, и работах П.М. Покаса, уделившего наибольшее внимание именно Черниговскому Подесенью.

Татьяна Ивановна Алексеева (1928–2007) – выдающийся российский антрополог, доктор исторических наук, академик РАН, вклад которой в современную антропологию невозможно переоценить, автор гипотезы об «адаптивных типах» как норме наследственно закрепленной биологической реакции на воздействие окружающей среды.

Т.И. Алексеева обобщила все палеоантропологические материалы по древнерусскому населению, в том числе –

с территории Черниговского Подесенья, накопленные с 1860-х гг. Результаты ее исследований опубликованы в монографии «Этногенез восточных славян по данным антропологии» [Алексеева, 1973]. По данным, которые получила Т.И. Алексеева, население Полянской землицы в целом характеризуется выражено европеоидным обликом – долихомезокранией, средними размерами лица, сильной горизонтальной профилировкой лица при среднем выступании носа. Группа киевских полян отличается от черниговских и переяславских бóльшим черепным указателем. Характеристика, данная Т.И. Алексеевой полянам, может в значительной степени быть отнесена и к северянам, однако последние отличаются выраженной долихокранией и более узким лицом [Там же, с. 60-61].

Вклад Т.И. Алексеевой в изучение вопросов антропологии средневековых славян недавно подробнейшим образом был охарактеризован М.М. Герасимовой, рассмотревшей его в сравнительном освещении [Герасимова, 2012].

Обратимся к научному наследию Павла Михайловича Покаса (1958–1997), украинского палеоантрополога, существенно продвинувшегося в изучении интересующей нас тематики после публикации фундаментального труда Т.И. Алексеевой.

П.М. Покас родился в Киеве, в семье офицера и врача. В 1965–1975 гг. учился в средней школе № 167, по окончании которой один год работал в Киевском областном бюро судебно-медицинской экспертизы. Затем П.М. Покас поступил на должность лаборанта в Институт археологии АН УССР, параллельно обучаясь на заочном отделении

исторического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, который он окончил в 1982 г. С этого времени он становится младшим научным сотрудником сектора антропологии Института археологии АН УССР, 1983–1986 гг. – период наибольшей экспедиционной активности молодого антрополога. В 1987 г. П.М. Покас поступил в аспирантуру, где его научным руководителем была Т.И. Алексеева. Тема диссертационного исследования – «Древнерусское население Среднего Поднепровья по данным палеоантропологии». В Институте археологии Павел Михайлович трудился до 1993 г., а затем перешел работать в Центр охраны памятников Управления культуры Киевской областной администрации. В феврале 1997 г. жизнь П.М. Покаса трагически оборвалась, тем не менее, он успел внести существенный вклад в палеоантропологию Украины, в особенности – Черниговской земли [Покас, 1985 а; 1985 б; 1987; 1988; 1993].

Остановимся на некоторых археологических памятниках, палеоантропологические материалы из которых были детально изучены П.М. Покасом. Например, на материалах могильника *Зеленый Гай* им был проведен палеодемографический анализ. Было определено 25 мужских захоронений, 37 женских и 7 детских (в 5-ти случаях половую принадлежность определить не удалось). Меньший процент мужских скелетов, вероятно, отражал особенности функционирования могильника или характер «профессиональной деятельности» в данной группе населения. Быть может, мужчины, как более мобильная социальная группа (воины, купцы), в ряде случаев

оказывались похороненными в других регионах. Детская смертность (всего 9,8%), очевидно, нехарактерна для средневековья, и может объясняться или плохой сохранностью костей, или захоронением не всех детей по общепринятому обычаю. Так, другие представительные синхронные серии имеют значительно более высокий процент детских захоронений. Средняя продолжительность жизни взрослого населения – 37,2 года, но и здесь заметна определенная специфика: средний возраст мужчин значительно выше, чем у женщин (43,3 и 33,7 лет соответственно), и процент мужчин, умерших после 55 лет, достаточно высокий (49,4 %). Длина тела у мужчин, захороненных в Зеленом Гае, в среднем равна 166,5 см (n=19), а у женщин – 160,4 см (n=34) [Покас, 1985, с. 36–37].

Краниологические особенности серии из этого памятника – долихомезокrania, невысокое, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо – позволили П.М. Покасу выявить небольшие, но определенные различия между индивидами, сгруппированными согласно специфики погребального обряда. Так, если черепа из подкурганных захоронений на горизонте и черепа из погребений в ямах почти идентичны по основным признакам, то группа из грунтовой части могильника имеет меньшую длину черепной коробки, более низкое и не резко профилированное, особенно на уровне переносицы, лицо. Вероятно, эти различия можно было бы объяснить эпохальными процессами брахикефализации и грацилизации, но хронологическая близость этих групп и их территориальная общность позволили

допустить появление в XII в. несколько отличного по антропологическим признакам контингента, который и оставил грунтовой некрополь вблизи с. Зеленый Гай. Было предположено, что приток населения происходил из Правобережного Поднепровья и процесс его смешения с местным населением был прерван монголо-татарским нашествием. Межгрупповой анализ исследуемой серии позволил говорить о ее близости к выборкам из курганных групп Левобережной Украины, оставленных северянами [Покас, 1993, с. 25–26].

Могильник Липовое. Длина тела мужчин, проживавших на поселении, в среднем достигала 170,5 см, а женщин – 166,7 см. В 14 случаях на костях были обнаружены следы травм (11 – у мужчин, 3 – у женщин). Среди захоронений было зафиксировано только 5% детских могил. Средний возраст взрослого населения составил 41,5 лет, при этом у мужчин он достигал 43,7 лет, а у женщин только – 38.

В краниологическом отношении серия характеризовалась мезодолихокranией с большим продольным, средним поперечным и средним высотным диаметрами мозговой коробки. Лицевой отдел мезогнатный, относительно узкий, невысокий, в целом хорошо профилированный в горизонтальной плоскости. Краниологические и одонтологические особенности позволили П.М. Покасу говорить о выборке из Липового, как о местном, северянском населении [Покас, 1987, с. 21–22].

Могильник Автуничи. Каждую группу захоронений данного некрополя П.М. Покас, опираясь на антропологические

данные, связывает с одним из жилых комплексов XII в. Таких комплексов в западной части поселения в этот период было три. Количество захоронений в группах – 7, 6 и 8. В каждой из групп есть мужские, женские и детские захоронения, что свидетельствует, по его мнению, о принадлежности групп захоронений отдельным семьям. В соответствии с количеством захоронений в одной группе, время существования могильника он определял 30-40 годами. Данное кладбище, безусловно, не было общим для всех жителей. Его соседство с жилыми комплексами, расположенными за оградой, отделяющей их от остального поселения, оправдано только в том случае, если оно было предназначено для определенного круга лиц [Моця, 2007, с. 167].

Заключение. Труды Т.И. Алексеевой позволяют узнать не только то, какими антропологическими особенностями обладало средневековое население Черниговского Подесенья, но и выяснить отдельные вопросы его происхождения, понять, что в формировании древнерусского населения днепровского Левобережья участвовали выходцы из правобережных районов бассейна Днепра. Их присутствие, правда, на достаточно ограниченной территории, фиксируется частью материалов из переяславских земель, опубликованных исследовательницей, и представляют преимущественно население, погребенное в Переяславле Южном и его окрестностях, а также в Чернигове. О присутствии выходцев из Правобережья можно говорить также по материалам П.М. Покаса из Среднего Подесенья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. – М., 1973. – 330 с.
2. Герасимова М.М. Палеоантропология восточных славян эпохи средневековья (через призму взглядов Т.И. Алексеевой и В.В. Седова) // Вестник антропологии. – М., 2012. – Вып. 22. – С. 141–160.
3. Моця О.П. Населення південно-руських земель IX–XIII ст.: за матеріалами некрополів. – К., 2007. – 262 с.
4. Покас П.М. (1985 а) Антропологический состав средневекового городского населения Левобережного Поднепровья по данным палеоантропологии // Тезисы докладов советской делегации на V-ом Конгрессе МУСА. – М., 1985. – С. 35–38.
5. Покас П.М. (1985 б) Антропологічна характеристика середньовічного і сучасного населення Чернігівщини // Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. – Чернігів, 1985.
6. Покас П.М. Антропологическая характеристика материалов из могильника XI–XIII вв. у с. Липовое // 2-а обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. – Чернігів, 1987. – С. 21–22.

7. Покас П.М. Средневековое население Среднего Подесенья по данным антропологии // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: сб. научных трудов. – К., 1988. – С. 118–127.

8. Покас П.М. Деякі особливості антропологічного складу населення давньоруської Чернігівщини за матеріалами Д.Я. Самоквасова // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова (14–16 вересня 1993 р., м. Новгород-Сіверський). – Чернігів, 1993. – С. 25–26.

PALEOANTHROPOLOGICAL STUDIES OF BURIAL MOUNDS MATERIALS FROM CHERNIGOV DESNA REGION IN XX CENTURY

© M. M. Gariga-Grihno

The article considers the level of studies of paleoanthropological material from the medieval mounds of Chernigov region. The task of the author is to analyze some publications of Soviet paleoanthropologists. The results of the study allow to suggest that the population of the Desna basin region belongs to mesocranial morphotype with medium face. This is typical also for quite significant part of the population from the territory of the ancient Rus tribes.

Key words: physical anthropology, craniology, Chernigov region, Desna basin, ancient Rus tribes, Polyane, Severyane.

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ЖЕНЩИН В ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI–II ВВ. ДО Н. Э.)

© 2014 г. А.Х. Гильмитдинова

Статья посвящена анализу наборов инвентаря женских погребений савроматского и раннесарматского периодов на территории Южного Урала со второй половины VI по II вв. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, ранние кочевники, Южный Урал, военные действия, женские погребения.

Благодаря сведениям античных авторов о социальной организации кочевого общества раннего железного века, в современной науке сформировался устойчивый образ женщины в среде кочевников. Геродот и Псевдо-Гиппократ обращали внимание на воинственный нрав женщин сарматского общества, уравнивающий их с мужчинами-воинами. В частности, упоминается, что женщины наравне с мужчинами ездили верхом, выезжали на охоту, ходили на войну и носили мужскую одежду [Геродот, IV; Псевдо-Гиппократ, 1992, с. 70]. Со временем идея о равенстве женщин с мужчинами в военном деле утвердилась как общепризнанная [Стрижак, 2006 а, с. 91]. Но до сих пор остается дискуссионным вопрос об участии женщин в военных действиях. Особенно интересен характер их вовлеченности в войну: была ли это профессиональная деятельность или же женщины брали оружие исключительно в крайних случаях, по необходимости? Если савроматские женские захоронения изучались ранее [Стрижак, 2006 а, 2006 б], то погребения раннесарматского времени на территории Южного Урала в подобном ключе ранее еще

не рассматривались и нуждаются в исследовании.

Социальный статус погребенного мог находить отражение в том наборе инвентаря, которым он пользовался при жизни, а связи между вещами, существовавшими в жизни, в определенной степени должны были проецироваться на вещи, использованные при совершении погребальных церемоний [Багаутдинов, Мышкин, 2013 а, стр. 7–8]. Поэтому для реконструкции роли женщины в обществе ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–II вв. до н.э. необходимо, прежде всего, исследовать захоронения, уделив особое внимание погребальному инвентарю. Важно привлечь антропологические исследования костяков для возможного выявления следов участия в военных действиях. Антропологические определения были сделаны Л.Т. Яблонским, С.Г. Ефимовой и Е.П. Китовым.

Всего проанализировано 141 женское захоронение, содержащее 150 костяков из могильников ранних кочевников Южного Приуралья: Переволочан [Пшеничнюк, 1995, с. 64–77], Пятимары I, Мечетсай, Тара-Бутак, Близнецы, Увак [Смирнов, 1975], Покровка 1, 2,

7, 8 [Курганы..., 1993–1996], Лебедевка 4, 5, 6, 7 [Древности..., 2006], Старые Кишши [Садыкова, Васильев, 2001], Прохоровка [Прохоровка..., 2010] и 3 Ново-мусинский курган [Васильев, Сиротин, 2004, с. 173–183]; и из Южного Зауралья – могильник Кичигино I [Таиров, 2006, 2007].

Среди проанализированного количества захоронений к раннесарматскому периоду относятся 89% погребений, остальные – савроматские.

К настоящему времени исследовано 16 женских захоронений савроматского времени, датируемых второй половиной VI до V вв. до н. э.

Оружие и конская сбруя в женских захоронениях савроматского времени встречаются чрезвычайно редко. Для большинства женских погребений типичны: посуда (50%), личные украшения (43%), железные ножи (20%), бисер и пряслица (12,5%), предметы культа и туалета (43%). Предметы вооружения (наконечник стрелы, бронзовая литая «булава» и незначительные обломки копья) найдены в одном коллективном с мужчиной захоронении [Смирнов, 1975, с. 29–30]. Конская сбруя была обнаружена в двух женских захоронениях. В центральном погребении кургана 2 могильника Тара-Бутак была погребена женщина 50–60 лет с железными удилами и 5 железными бляшками от конской уздечки [Смирнов, 1975, с. 41]. Во впускном захоронении 1 кургана 5 могильника Переволочан в погребении женщины были обнаружены удила со стержневидными псалиями [Пшеничнюк, 1995, с. 64]. Ребро в левой части грудной клетки женского костяка было пробито бронзовым наконечником стрелы, что, вероятно, может свидетельствовать об участии женщины в военном действии.

Раннесарматский период представлен 125 исследованными женскими погребениями, которые были датированы концом V–II вв. до н.э. Из них одиночных женских погребений всего 108.

Чтобы быть уверенными в принадлежности инвентаря конкретному индивиду, в дальнейшем анализе принимались во внимание лишь индивидуальные женские захоронения.

Инвентарь в женских погребениях в основном состоит из украшений (69,5%), посуды (62%), предметов культа и туалета (42%).

В 15 раннесарматских женских захоронениях было обнаружено оружие (14%). Предметы вооружения наиболее часто представлены одиночными наконечниками стрел [Курганы, 1993, 1994, 1995], колчанами со стрелами [Курганы, 1995; Древности, 2006], железным кинжалом [Курганы, 1993]. В трех случаях в захоронениях были обнаружены комплексы вооружения: колчан плюс копьё [Прохоровка, 2010, с. 21–25] и колчан плюс кинжал [Курганы, 1993, с. 30–31, с. 47–48]. Конская сбруя не была найдена ни в одном погребении. Возраст погребенных с вооружением варьирует от 20 до 60 лет.

Таким образом, инвентарь в женских погребениях ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–II вв. до н.э. можно разделить на две основные группы: набор инвентаря не типичный для женщин (наконечники стрел, кинжал, колчаны) (17%) и стандартный женский набор инвентаря (украшения, предметы туалета и культа) (83%).

Для сравнительного анализа были проанализированы мужские захоронения раннесарматского времени, среди которых в 74% погребений было обнаружено оружие, другие категории инвентаря, например, украшения, были встречены в 14% захоронений. То

есть основной неотъемлемой частью мужского погребального обряда являлись предметы вооружения.

Несмотря на то что типичным погребальным инвентарем в женских погребениях являлись украшения, а в мужских – оружие, наличие вооружения в женских захоронениях должно иметь какое-то объяснение. Некоторые исследователи полагают: наличие оружия в женских погребениях может свидетельствовать о военной деятельности погребенной, что могло быть обусловлено ее индивидуальными склонностями и возможностями [Стрижак, 2006б, с. 41–42, Берсенева, 2011, с. 78].

Другие исследователи полагали, что женщины не могли принимать участие в военных действиях, а предметы вооружения в женских погребениях это «не настоящее» оружие, потому что предметы вооружения не характерны для женских захоронений, а единичные наконечники стрел, скорее всего, являлись амулетами [Багаутдинов, Мышкин, 2013б, с. 47].

Противоположная точка зрения у Е. В. Вдовченкова, который, опираясь на античные источники, полагал, что женщины действительно могли принимать участие в боях и воевать на коне [Вдовченков, 2013, с. 294].

Преобладающее количество женских захоронений с «женским» инвентарем говорит о том, что женщины не принимали активного участия в военных действиях. Однако наличие «настоящего» вооружения в могилах женщин нельзя отрицать. 17% женских захоронений с оружием – это слишком мало для того, чтобы утверждать о массовом характере вовлеченности женщин в войну, но и слишком много, чтобы отказываться от образа женщины-воительницы в обществе кочевников. Вероятно, для женщины воинская деятельность не являлась профессиональной как для мужчины. Тем не менее, часть женщин, очевидно, владела искусством верховой езды и стрельбы из лука, что соответствует отчетам античных авторов и материалам погребений.

Возможно, возрастание вооруженности женщин от савроматского периода до раннесарматского связано с увеличением плотности населения в степи и соответственно с повышением уровня военной опасности. Как следствие, в рамках надвигающейся угрозы могла появиться необходимость и в женщинах-воинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. (2013 а) К проблеме исследования мужских возрастных групп у кочевников Самаро-Уральского региона (по материалам могильников VI–IV вв. до н.э.) // Вестник СамГУ. – 2013 а. – № 8/2 (109). – С. 7–12.
2. Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. (2013 б) Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н. э. // Вестник СамГУ. – 2013 б. – № 2. – С. 44–48.
3. Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1(14). – С. 72–79.

4. Богаченко Т. В., Максименко В.Е. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2008. – Вып. 9. – С. 48–61.
5. Васильев В.Н, Сиротин С.В. Ново-мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 173–181.
6. Вдовченков Е.В. «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // Преподаватель XXI века. – 2013. – № 4. – С. 287–294.
7. Геродот. История. – М., 2002. – 752 с.
8. Древности Лебедевки (VII–II вв. до н.э.). – М., 2006. – 159 с.
9. Курганы левобережного Илека. – М., 1993. Вып. 1. – 128 с.
10. Курганы левобережного Илека. – М., 1994. Вып. 2. – 178 с.
11. Курганы левобережного Илека. – М., 1995. Вып. 3. – 175 с.
12. Курганы Левобережного Илека. – М., 1996. Вып. 4. – С. 35–36
13. Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2001. – Вып. 1. – С. 142–160.
14. Таиров А.Д. Отчет о проведении археологических исследований памятника археологии «Курганы у с. Кичигино» в Увельском районе Челябинской области. – Челябинск, 2006.
15. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. – М., 2010. – 384 с.
16. Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб., 1992. – 185 с.
17. Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа, 1995. – С. 62–96.
18. Садыкова М.Х. Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2001. – Вып. 3. – С. 55–81.
19. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., 1975. – 175 с.
20. Стрижак М.С. (2006 а) К вопросу о женских погребениях Приуралья и Поволжья VI–IV веков до н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2006 а. – С. 90–92.
21. Стрижак М.С. (2006 б) К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // НАВ. – 2006 б. – Вып. 8. – С. 35–49.

TOWARDS INVOLVEMENT OF EARLY NOMADIC WOMEN IN WAR ACTIVITIES (SOUTH URALS, 6TH – 2ND c. BC)

© 2014 A.K. Gilmitdinova

The article is devoted to analysis of female grave goods in the Sauromatian and Early Sarmatian periods in the South Urals in the first half of 6th – 2nd c. BC.

Key words: Early Iron Age, early nomads, South Urals, war, female burials. УДК

НАХОДКИ КИТООБРАЗНЫХ В РАСКОПКАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

© 2014 г. Е.В. Гладилина

В результате проведения раскопок на территории Херсонеса Таврического были обнаружены костные остатки трех видов черноморских китообразных: морской свиньи *Phocoena phocoena*, обыкновенного дельфина или белобочки *Delphinus delphis* и афалины *Tursiops truncatus*. Всего идентифицировано не менее 62 особей по более чем 250 фрагментам скелета. Большая часть материала принадлежит морской свинье (85% фрагментов костей; 55% от общего числа особей), белобочке – 7% и 22,5%, а афалине – 8% и 22,5% соответственно. Костный материал представлен всеми отделами скелета, но большую часть составляют позвонки. На некоторых позвонках морских свиней и афалин обнаружены следы механической обработки, что говорит об их использовании в пищу. Предположительно источником добычи китообразных была случайная гибель в орудиях рыболовства.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Черное море, морская свинья, афалина, обыкновенный дельфин, прилов, рыболовство, античность.

Древний город Херсонес Таврический расположен на юго-западе Крыма на берегу Черного моря, ныне в черте города Севастополь. В районе херсонеситов большое значение имела черноморская фауна, свидетельством чему являются находки остатков скелета крупных рыб (тунец, камбала-калкан, осетровые, скат морская лисица) и наличие в рыбозасолочных цистернах большого количества мелких костей [Тихий, 1917; Семенов-Зусер, 1947]. Помимо остатков ихтиофауны, морских моллюсков, крабов во время раскопок обнаруживаются остатки скелетного материала китообразных. В Черном море обитает три вида китообразных: морская свинья *Phocoena phocoena* (Linnaeus, 1758), обыкновенный дельфин или белобочка *Delphinus delphis* (Linnaeus, 1758), и обыкновенный бутылконосый дельфин или афалина *Tursiops truncatus* (Montagu, 1821). Все три вида часто

регистрируются у берегов Севастополя и представлены в материалах раскопок (рис. 1).

В рамках данного исследования обработан костный материал, полученный во время раскопок на территории Херсонеса в 2011–2013 гг. Отдельно по каждой выборке произведены идентификация вида китообразного, подсчет минимального числа особей, определение возрастного состава (по степени срастания эпифизов позвонков и черепных швов). Определение видов производилось путем сравнения материала с эталонной коллекцией скелетов черноморских китообразных.

Остатки китообразных обнаружены в 45 выборках, абсолютное большинство которых относится к позднеантичному археологическому памятнику Базилика Крузе (44 выборки) (предварительная датировка – V в. н.э.). Число

диагностичных фрагментов для всех трех видов составило более 250 единиц, относящихся к 62 особям.

Морская свинья. Самый мелкий представитель черноморских китообразных. В исследуемом материале остатки морской свиньи составили 85% от общего числа идентифицируемых фрагментов и 55% по количеству особей от всех видов (34 особи), из них 10 особей идентифицированы как ювенильные (сеголетки?) и 1 особь новорожденная. Костные остатки представлены из всех отделов скелета, как краниального, так и посткраниального, в т.ч. обнаружены три тазовые кости. Большая часть находок – позвонки разных отделов позвоночника. Краниальный отдел обычно сильно фрагментирован, но имеются находки двух достаточно хорошо сохранившихся черепов. На некоторых позвонках имеются следы механической обработки, что говорит об использовании морских свиней в пищу.

Обыкновенный дельфин. Остатки не менее 14 особей белобочек (22,5%) обнаружены в исследуемом материале, 3 особи из них – молодые. Большая часть находок представлена краниальным скелетом (фрагменты рострума, нижней челюсти). Посткраниальный скелет представлен позвонками, фрагментами ребер, лопатки.

Афалина. Самый крупный представитель китообразных, обитающих в Черном море. В исследуемом материале костные остатки принадлежат минимум 14 особям этого вида, что составляет 22,5% от всей выборки. Две особи из них относятся к категории молодых животных. Число фрагментов скелета афалин составляет всего 8% от общего числа и представлено единичными позвонками, фрагментами

ребер, зубами и одним фрагментом рострума. На одном позвонке имеется след механического воздействия – ровный срез на теле позвонка.

Все найденные остатки китообразных были обнаружены в ямах с пищевыми отходами, большая часть которых представляла собой фрагменты скелета домашнего скота и диких животных, употреблявшихся в пищу. Место находки, а также следы механической обработки на некоторых костях, говорят о том, что морских свиней и дельфинов жители древнего Херсонеса употребляли в пищу. Судя по составу ихтиофауны исследованного фаунистического комплекса, вероятно, китообразные были объектами случайного прилова в донные сети, в прибрежные ставные неводы или на крупные крючья, которые применялись для ловли рыбы (камбалы, скатов, осетровых, тунца, пелагиды) [Read et al., 2006]. Такая причина гибели и сейчас свойственна морской свинье, которая большую часть времени охотится у дна. Белобочка предпочитает более открытые воды, удаленные от берега, поэтому находки этого вида малочисленны. Афалина регулярно встречается в прибрежной зоне, в пределах которой осуществлялась рыбная ловля и херсонеситами, но этот крупный представитель дельфинов редко гибнет в прибрежных орудиях рыболовства, чем, скорее всего, и обусловлена малочисленность находок фрагментов скелета данного вида.

Автор выражает благодарность П.Е. Гольдину за помощь в обработке и анализе материала; А.В. Иванову и Л.В. Седиковой за организацию работ; С.В. Ушакову за предоставленный костный материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов-Зусер С.А. Рыбный рынок в Херсонесе // Вестник древней истории. – 1947. – № 2. – С. 237–246.
2. Тихий М.И. Анчоус Херсонеса Таврического // Вестник рыбной промышленности. – 1917. – № 1–3. – С. 1–41.
3. Read A.J., Drinker P., Northridge S. Bycatch of marine mammals in US and global fisheries // Conservation biology. – 2006. – Т. 20. – № 1. – С. 163–169.

FINDS OF CETACEANS REMAINS IN THE EXCAVATIONS OF TAURIC CHERSONESOS

© E.V. Gladilina

As a result of excavations in the ancient city of Chersonesos, bone remains of three Black Sea cetaceans were discovered: the harbour porpoise *Phocoena phocoena*, the common dolphin *Delphinus delphis* and the bottlenose dolphin *Tursiops truncatus*. In total, at least 62 individuals and more than 250 fragments of skeleton were identified. Most of the material was represented by harbour porpoises (85% of bone fragments, 55% of the total number of individuals), common dolphins (7% and 22.5%), and bottlenose dolphins (8% and 22.5%). Bone material is represented by all parts of the skeleton, but mostly by vertebrae. Some vertebrae of harbour porpoises and bottlenose dolphins showed signs of mechanic treatment that is the evidence of their cooking. The source of cetacean takes possibly was their by-catch.

Key words: Tauric Chersonesos, Black Sea, harbour porpoise, common dolphin, bottlenose dolphin, by-catch, fishing, antiquity.

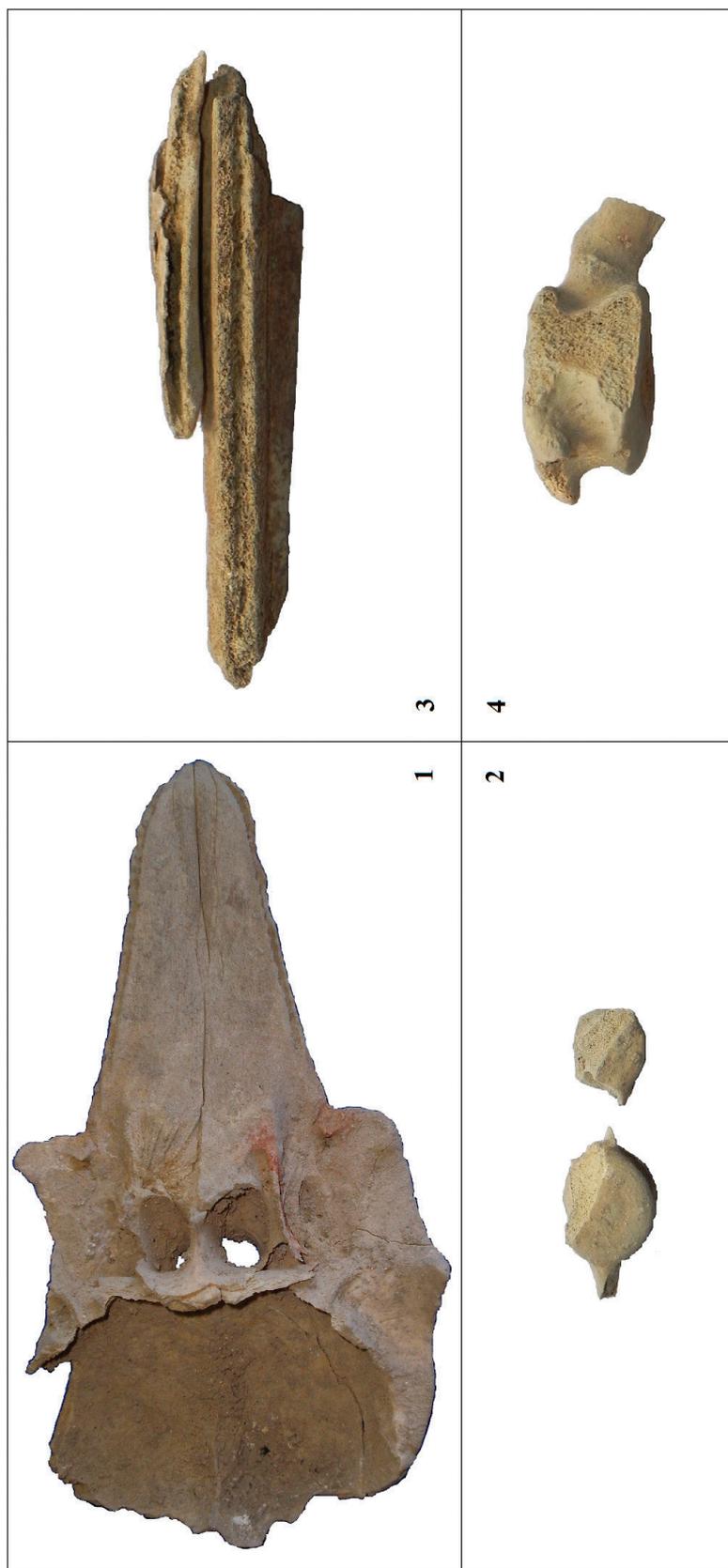

Рис. 1. Фрагменты скелета китообразных из раскопок на территории Херсонеса Таврического.
Примечание: 1 – череп морской свиньи (вид снизу); 2 – позвонки морской свиньи со следами механической обработки; 3 – фрагменты нижней челюсти и роострума белобочки (сверху вниз); 4 – позвонок афалины со следами механической обработки.

АРХИТЕКТУРА БОЛЬШОГО БАКАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. Е.В. Гущина

Статья посвящена описанию остатков архитектурных сооружений на эпонимном памятнике бакальской культуры – Большом Бакальском городище у г. Шадринск в Курганской области. Впервые была изучена napольная часть бакальского городища (посад). Эта часть поселения была наиболее густо заселена. Были выявлены конструкции хозяйственного, жилого и военного назначения. Исследователями было получено около 30 радиоуглеродных дат, которые, совместно с анализом артефактов, позволили проследить этапы застройки городища, расширив датировку памятника от эпохи раннего железного века до рубежа I и II тысячелетия н.э.

Ключевые слова: фортификации, вал, ров, саргатский историко-культурный горизонт, бакальский историко-культурный горизонт.

Большое Бакальское городище расположено на территории современного Шадринского района Курганской области, на правом берегу р. Исеть. Это мысовое городище с фортификацией в виде двух пар валов и рвов. Валы в 60-е гг. XX в. были полностью разрушены, рвы – частично.

Большое Бакальское городище впервые было описано А.А.Спицыным в 2006 г. [Спицын, 1906, с. 219]. Он описал внутреннюю линию укреплений протяженностью около 70 м, которая ограничивала с юга треугольную мысовую площадку с длиной сторон порядка 100 м.

В 1940 г. памятник был обследован К.В. Сальниковым в ходе разведки по р. Исеть, результаты которой были опубликованы в 1956 г. [Сальников, 1956, с. 189–214]. В 1961 г. В.Ф. Генинг и Т.М. Потемкина провели раскопки цитадельной части городища, а также заложили

траншею через обе линии фортификаций [Потемкина, 1964, с. 257]. В 2006–2009 гг. на Большом Бакальском городище проводились раскопки под руководством М.П. Вохменцева, Е.В. Гущиной (Тидеман) и С.Г. Боталова [Боталов, Гущина, Кайдалов, Сечко, 2013, с. 14–38].

Большое Бакальское городище расположено в подзоне северной лесостепи в среднем течении р. Исеть, на мысу подтреугольной формы, глубоко вдающемся в пойму правого берега р. Исеть. Южная часть мыса занята огородами и жилыми домами пос. Осеево г. Шадринска по ул. Рябиновая. В 0,5 км к востоку-юго-востоку расположена дер. Бакалда¹, по которой памятник получил свое наименование.

¹ Кроме традиционного на сегодняшний день именования городища Большим Бакальским, в литературе встречается его старое наименование Большое Бакалдинское (или 1-е Бакалдинское), данное еще А.А.Спицыным.

Мыс, на котором расположено городище, имеет довольно крутые склоны, возвышаясь над уровнем поймы на 7–10 м. На момент начала исследований в 2006 г. поверхность мыса была хорошо задернована и покрыта густой травяной растительностью. Исключение составлял лишь небольшой отрезок северной оконечности мыса, где на поверхность выступали пятна материкового желтого суглинка, покрытого достаточно бедной растительностью. С указанных мест получено небольшое количество подъемного материала, свидетельствующего о частичном нарушении здесь культурного слоя.

Судя по описаниям предыдущих исследователей, данным космо- и аэрофотоснимков и воспоминаниям местных жителей большая часть мыса (его северная и западная части) уничтожена работой карьера по добыче глины для строительства Осеевского моста через р. Исеть в 1960-е гг.

В 1961 г. большая часть цитадели была уже скрыта карьером и ее площадь составляла не более 750 м², из которых 396 м² было вскрыто УАЭ в 1961 г. Примечательно, что разногласий относительно длины валов и рвов (около 70 м – внутренний, 120 м – внешний) между исследователями, описывавшими памятник в прошлом, нет. Опыт соотнесения современного состояния памятника с планом 1961 г. дает возможность сделать заключение, что карьер, расширившись к юго-западу, полностью уничтожил «цитадель» городища, включая ее укрепления и значительную часть укрепленного «посада», срезав всю западную часть мыса полосой около 50-60 м шириной, а, расширившись к юго-востоку, разрушил значительную часть культур-

ного слоя «посада», оставив на долю современного исследователя лишь узкую полосу территории поселения внутри второй линии укреплений, с максимальной шириной ориентировочно 40–50 м.

Исследования Большого Бакальского городища показали, что значительная часть площади памятника к настоящему времени уничтожена. Это, в первую очередь, касается территории, расположенной внутри оборонительных линий. В то же время, была открыта неизвестная по результатам предыдущих исследований часть поселения вне второй линии укреплений. Работы на памятнике позволяют очертить границы вновь открытой зоны, отступив от предполагаемой линии второго вала и рва на 40-45 м к югу.

Изучение неукрепленного посада позволяет сделать вывод о его преимущественно хозяйственном характере в жизни населения городища.

Всего на Большом Бакальском городище в 2006–2009 гг. было изучено 6 крупных сложных сооружений, большое количество ям разного размера и два рва, внешний из которых состоял из трех отрезков, разделенных проездами, шириной около 1 м.

Сооружение 1 расположено в южной части раскопа.

Выявлению данного сооружения способствовало заметное отличие культурного слоя в стратиграфии южной бровки участка А/13, где наряду с глинистыми и супесчаными включениями, была отмечена мелкая керамическая и керамзитовая крошка. Расширение раскопа к югу позволило выявить на глубине +25 см подпрямоугольную яму правильных очертаний размерами 3,5x2 м, ориентированную по линии юг-юго-восток – север-северо-запад. Яма прорезала

материк на 0,2–0,25 м и фиксировалась, главным образом, на уровне материка. Данное сооружение включает не только углубление в материке, но и вышележащие слои.

Углубленная в материк часть сооружения имеет почти правильную прямоугольную форму, несколько нарушаемую примыкающими к контуру трещинами в материке. Стенки ямы – отвесные, дно – практически плоское. С южной стороны сооружение имеет продолговатый желоб шириной 0,8 м с поперечным углублением в привходовой части. Контур желоба фиксируется также на участке Б'13, где он теряется в сетке «морозобойных трещин».

Интерпретация данного объекта вызывает определенные затруднения.

В заполнении объекта, в северо-восточной части, рядом с проколом, обнаружена большая точильная плита подквадратной формы, размером 20,3х21,5 см, поверхности которой сильно сточены. Один угол плиты потемнел, так как, вероятно, попал в огонь. Еще один прокол расположен в центре конструкции.

Только в радиусе сооружения 1 на городище встречены железные капли.

Вероятнее всего, данная конструкция может интерпретироваться как кузница. Она расположена на периферии поселения, вдали от других объектов. В заполнении полностью отсутствуют остатки, характерные для жилых помещений. К югу и западу от сооружения культурный слой Большого Бакальского городища резко прерывается (отсутствуют артефакты и меняется структура гумуса, как на участках, на которых не велась хозяйственная деятельность), несмотря на то, что коридорообразный выход направлен на юг-юго-восток (у единственного

сооружения в напольной части Большого Бакальского городища).

Датируется сооружение серединой III – концом IV века н.э.

Реконструировать внешний вид сооружения 1 не представляется возможным. Не исключено, что конструкция была срубной, так как отсутствуют столбовые ямки, и была обмазана глиной.

Интересно, что в заполнении сооружения 1 не зафиксированы фрагменты керамики. Однако в верхних слоях найдено скопление фрагментов от сосудов саргатского и бакальского историко-культурных горизонтов, залегающих совместно. Вероятно, это связано с тем, что к этому периоду конструкция не только уже была руинирована, но и читалась на поверхности как углубление, куда и сбрасывались отжившее свое сосуда (место углубления образовалось на наиболее сгоревшем участке).

Сооружение 2 имеет округлую форму с размерами 3,2х3,5 м. На уровне погребенной поверхности (-15 см) контуры сооружения имеют форму неправильного четырехугольника темно-серого гумуса. Глубина котлована от уровня материка в южной части – 0,6 м, в северной – 0,35 м. Стенки котлована в южной части почти отвесные, в северной – пологие. Дно в разрезе округлое по периметру и плоское в центре. В юго-западной, юго-восточной и северо-восточной частях объекта выявлены материковые уступы (нары?). В юго-западной и юго-восточной частях склоны уступов отвесные, в северо-восточной – пологие.

Основное заполнение – светло-серый гумус с мелкой керамической крошкой и остатками кальцинированных костей размерами менее 0,01 м, отдельными бессистемными углистыми скоплен-

ями. В центре фиксируются следы от столбов.

Столбовые ямы расположены парно и имеют внутри пар аналогичное строение. Заметны следы «ремонта», при котором были заменены столбы. Речь идет именно о ремонте, а не о перепланировке, поскольку новые столбы были вбиты рядом со старыми. То, что для них были выбраны новые ямки, говорит о существовании на момент ремонта еще старых столбов. Ремонт в помещении наталкивает на мысль о существовании постройки на протяжении нескольких десятилетий.

В южной части в нише расположен очаг 0,85x0,82 см. Очаг располагался не только в углублении на дне хозяйственного объекта 2, но и на довольно крутой южной стенке. Очаги подобной конструкции фиксируются археологами при раскопках средневековых сооружений.

Артефакты в заполнении сооружения 2 отсутствуют, но наличие очага и нар свидетельствует в пользу жилого назначения сооружения. С большей долей вероятности можно реконструировать крышу, которая была двускатной, о чем свидетельствует наличие опорных столбов. Вход в жилище располагался, скорее всего, в северной, более пологой, части.

Время функционирования сооружения 2 – середина I в. до н.э. – середина II в. н.э. При этом для горизонтов 4–7 на глубине 0–88 см, включая нижнюю часть заполнения сооружения 2, даты уже иные – конец IV – середина VII вв. и соотносятся они с бакальским историко-хронологическим горизонтом.

В верхних слоях, перекрывающих сооружение 2, встречаются фрагменты бакальских сосудов. Эти слои фиксиру-

ют время заполнения более ранней конструкции культурным слоем бакальского периода.

Сооружения 3 и 4 имеют схожие формы с коридорообразным выступом, размеры и ориентировку по направлению юг-юго-восток – север-северо-запад.

Данные сооружения функционировали в течение довольно длительного времени, но не перестраивались. Имеющиеся аналогии, выявленные в ходе изучения Рафайловского, Коловского и Прыговского городищ, позволяют идентифицировать описанное сооружение как типовое жилище раннего железного века [Матвеева, Ларина и др., 2005, с. 103–104]. Описанные объекты имеют аналогии с саргатскими жилищами-полуземлянками каркасного типа, так как столбы, судя по форме разрезов столбовых ям, стояли строго вертикально.

Центральная часть посада насыщена прокалами, линзами древесного тлена и т.д., выявить последовательность или взаимосвязь которых в настоящее время не представляется возможным.

Исключением является зольник на участках В/4-5, расположенный в центре предполагаемого наземного жилища (сооружение 6), контуры которого четко не фиксируются. Подрезка материка на данных участках отсутствует. Жилище определено по изменению цветности слоя от темно-серого к коричневому, наличию зольника, и зафиксированным рядом с ним железному ножу и развалу бакальского сосуда. Форму и размеры жилища установить невозможно. Скорее всего, это была временная постройка типа юрты.

Следует отметить весьма интересный факт, что в окружающем пространстве хозяйственных объектов фиксиру-

ется слой, содержащий керамическую крошку. Аналогичный слой был выявлен и при раскопках цитадельной части Большого Бакальского городища в 1961 г., однако не был отождествлен В.Ф. Генингом и Т.М. Потемкиной с остатками наземных сооружений.

Фортификационные сооружения на городище изначально были представлены двумя линиями валов и рвов, выгнутыми в сторону посада. Валы были уничтожены в 60-х гг. XX в. Согласно описанию А.А. Спицына, в начале XX в. [Спицын, 1906, с. 219] высота внутреннего вала достигала 3,5 м, внешнего – 1 м, длина – 70 и 115 м соответственно. Основанием внутреннего вала служили бревенчатые клетки, зафиксированные в 1961 г. [Генинг, Потемкина, 1962, с. 6].

Внутренний ров расположен в северной оконечности современного мыса, к югу от уничтоженного внутреннего вала. В настоящее время материк в этом месте снят техникой во время разработки карьера не менее чем на 1 м и глубина рва от измененной дневной поверхности составляет 0,9-1,5 м. Ров выгнут к югу. Ширина рва около 8 м. Согласно отчету В.Ф. Генинга и Т.М. Потемкиной ширина внутреннего рва достигала 12 м, как и вала [Генинг, Потемкина, 1962, с. 5]. Заполнен ров серым золистым грунтом с мелкими фрагментами керамики. Датируется VII в. н.э.

Внешний ров представляет собой углубление серповидной в плане формы, вытянутый в широтном направлении. Изученная раскопками часть рва состоит из трех отрезков, разделенных перемычками (проездами) шириной около 1 м.

Ширина рва 2,4х4 м. Глубина рва трапецевидной формы составляет 0,5–0,7 м от уровня материка. Южная стенка рва

пологая, северная – отвесная. В заполнении рва встречаются довольно крупные углистые фракции и прокалы.

Датируется по наконечникам стрел III–V вв. н.э., что подтверждает и радиоуглеродное датирование.

К югу, вплотную к центральному отрезку внешнего рва, прилегает вытянутое сооружение 5 овальной формы, с большим количеством прокалов, зубов животных и развалов сосудов. Время функционирования несколько более позднее, чем постройки рва.

Проанализировав данные археологии, мы можем реконструировать жизнь на поселении.

В раннем железном веке во II–IV вв. до н.э. на мысу впервые появляется долговременное поселение. Первые посещения площадки будущего городища происходили еще во времена финальной бронзы представителями бархатовской культуры, но они носили спорадический характер.

В начале первого тысячелетия н.э. на мысу уже было расположено стационарное неукрепленное поселение, насчитывающее несколько хозяйств.

Чересполосно селятся носители воровьевских, прыговских, кашинских и собственно саргатских традиций. Напольная часть городища застраивается стихийно, без четкой планировки, но с преимущественной ориентировкой построек по линии ССЗ-ЮЮВ. Из сооружений приобладают полуземлянки каркасного типа с тамбурообразным входом.

Чересполосное проживание носителей разных культур является характерной чертой данного времени. Аналогичная ситуация прослеживается на материалах Коловского и Рафайловского

городищ, где зафиксирована взаимовстречаемость гороховских, кашинских и саргатских материалов.

Со II–III вв. н.э. военное напряжение возрастает, обстановка в крае накаляется, начинается эпоха великого переселения народов.

Поселение подвергается набегам либо их угрозе. Прекращают существование некоторые сооружения, в III в. н.э. возводится внешняя линия укреплений.

Поселение первоначально имело одну линию укреплений (внешнюю), состоящую из рва, шириной 4 м и глубиной от дневной поверхности 1 м, и вала шириной 2–3 м и высотой до 2 м. Вал имел дополнительные деревянные укрепления. Во внешнем рву, в слое оплывания вала, были обнаружены два наконечника стрел, датируемые в пределах III–V вв. н.э., имеющие аналогии в таштыкских и верхнеобских памятниках Южной Сибири.

Не исключено, что сооружения располагались по обе стороны укреплений, ближе к краю мыса и на напольной части городища. Сведения о сооружениях внутри укрепленной части приводятся В.Ф. Генингом и Т.М. Потемкиной, однако изучить конструкции не представилось возможным в связи с разрушением площадки памятника [Генинг, Потемкина, 1962, с. 2]. Напольную и укрепленную часть городища связывали проезды шириной 1 м, два из которых были зафиксированы в 2007–2008 гг. и упомина-

лись еще К.В. Сальниковым [Сальников, 1956, с. 189–214].

Постепенно, саргатские традиции на поселении замещаются бакальскими, контакты с другими культурами носят относительно мирный характер. Совместно проживают как представители местного лесостепного населения, так и выходцы с Иртыша и более северных областей. Население Большого Бакальского городища еще с эпохи раннего железного века разводит скот, изготавливает керамику, ткани, развивается кузнечное дело. Так на участке Б'6 были обнаружены зубы животных, датированные второй половиной VI–VII вв. н.э.

На смену полуземлянкам саргатского историко-культурного горизонта приходят наземные жилища типа юрт.

VII в. н.э. знаменуется резким осложнением политической ситуации. С этого времени повсеместно на территории Западной Сибири и Зауралья возводятся фортификации, мощность которых не знала аналогов в предыдущие эпохи. Аналогичная система вал-ров с дополнительными укреплениями была возведена и на Большом Бакальском городище.

Последний этап существования городища связан с юдинской культурой VIII–X вв. н.э. Фиксируется на основании фрагментов керамики как в цитадельной, так и в напольной частях городища. Сооружений этого периода на городище не зафиксировано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боталов С.Г., Гущина Е.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта // II-й Международный Мадыарский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск, 2013. – С. 14–38.

2. Генинг В.Ф., Потемкина Т.М. Большое Бакальское городище: Отчет о работах УАЭ в 1961 г. Фонд 2, дело 23. – Свердловск, – 1962. – С. 36.

3. Матвеева Н.П., Ларина Н.С. и др. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). – Новосибирск, 2005. – С.103–104.

4. Потемкина А.А. Большое Бакальское городище // Археология и этнография Башкирии. – Т. II. – Уфа, 1964. – 257 с.

5. Сальников А.А. Исетские древние поселения // СА, XXV. – М., 1956. – С. 189–214.

6. Спицын А.А. Зауральские древние городища // Записки отделения русской и славянской археологии Российского Археологического общества. Т. VIII. – СПб., 1906. – Вып.1. – 219 с.

ARCHITECTURE OF BOL'SHOYE BAKAL'SKOYE HILLFORT ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA

© E.V. Gushchina

The article describes the architectural remains of structures on the eponymous monument of Bakal culture – Bol'shoeye Bakal'skoye hillfort near Shadrinsk, Kurgan region. The outside settlement of the hillfort was first studied. This part of the settlement was populated most densely. Economic, residential and military constructions were identified. About 30 radiocarbon dates received by researchers together with the analysis of artifacts allowed to reveal the stages of settlement development and expanded the chronological frame of monument from the early Iron Age to the border of the I and the II millennium AD.

Key words: hillfort, fortification, rampart, moat, Sargat historical and cultural horizon, Bakal historical and cultural horizon.

НЕОБЫЧНОЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ХЕРСОНЕСЕ

© 2014 г. С.А. Данилова

Статья посвящена рассмотрению погребения из некрополя Херсонеса с необычным инвентарем – кандалами на ногах. Представлена история обнаружения находки и некоторые антропологические выводы по костным останкам погребенного.

Ключевые слова: эллинистическое погребение, некрополь, Херсонес, кандалы.

На протяжении многих лет визитной карточкой Херсонеса являлась не только «базилика 1935 г.» и туманный колокол, но еще и так называемый «кандальник», который много лет развлекал посетителей музея античной истории Херсонеса Таврического (рис. 1). Почему-то с научной точки зрения захоронение в кандалах никого не заинтересовало и на протяжении многих лет обрастало разными выдуманными историями и фактами. Видимо пришло время рассказать историю необычной находки.

В 1961 году в северо-западной части херсонесского городища работала экспедиция Уральского государственного университета и Государственного Херсонесского историко-археологического музея (ныне Национальный заповедник «Херсонес Таврический») под руководством Е.Г. Сурова [Суоров, 1961, с. 3–4].

Годом ранее (в 1960 г.) в углу, образованном Западной и Северной оборонительными стенами, в слое с позднеэллинистическим материалом, было обнаружено 14 погребений в амфорах [Суоров, 1961, с. 5]. Однако для дальнейшего изучения участка «мешали» средневековые постройки, которые были снесены, и в 1961 г. в материковой глине

был случайно обнаружен грунтовый некрополь [Суоров, 1961, с. 5]. В поставленные перед экспедицией задачи не входило изучение некрополя, поэтому было исследовано около 7 кв. м. в траншее, идущей вдоль восточной части западной оборонительной стены [Суоров, 1961, с. 10–11].

На раскопанном участке некрополя было обнаружено 30 захоронений из которых 24 грунтовых и 6 в амфорах. Некоторые костные останки из грунтовых погребений находились под оборонительными стенами, и не все в анатомически правильном порядке [Суоров, 1961, с. 5]. Е.Г. Суоров, опираясь на данные стратиграфии, определил, что грунтовый некрополь предшествовал захоронениям в амфорах [Суоров, 1961, с. 5]. Таким образом, по данным отчета, некрополь, вероятно, можно широко датировать эллинистическим временем.

При зачистке квадрата 4 «в» было открыто погребение под № 21 со скелетом с кандалами на ногах [Суоров, 1961, с. 9]. Погребенный находился практически на скале. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на северо-восток. Погребение в значительной части было закрыто культурным

слоем соседнего квадрата 4 «г» [Суров, 1961, с. 6]. Судьба этого захоронения была определена еще на раскопе – погребенный с кандалами на ногах должен был попасть в экспозицию музея античной истории Херсонеса [Суров, 1961, с. 6].

Работами по консервации, подъему и реставрации материала захоронения руководил, тогда еще работавший реставратором О.Я. Савеля. Для того чтобы поднять монолит с останками, костяк был разделен на три части (два распила: один в области локтевых, другой в области коленных суставов). Каждая часть костяка была обернута фольгой, укреплена, перевернута и поднята. В момент помещения «кандальника» в экспозицию музея большеберцовые и малоберцовые кости были немного укорочены, так как погребенный целиком не помещался в витрину (выражаю благодарность за консультацию О.Я. Савеле). После закрытия музея античной истории Херсонеса на реставрацию, костные останки из погребения 21 были сданы в фонды Национального заповедника «Херсонес Таврический» на хранение.

О чем же «говорят» сами останки? Череп разрушен, со следами реставрации, нижняя челюсть представлена левой частью тела и ветви. Череп небольших размеров, мышечный рельеф развит средне. Сосцевидные отростки около 2 баллов. Венечный и сфеноокципитальный швы по наружной поверхности открыты (к сожалению, череп вынимать и реставрировать на данный момент не представляется возможным, поэтому описание не является полным). Зубная система в хорошем состоянии. На верхней челюсти МЗ прорезаны и достигли зубного ряда; МЗ на сохранившемся

участке нижней челюсти не прорезаны. Стертость зубов суммарно около 2–3 баллов (МЗ около 0 баллов). Фиксируется отложение зубного камня.

Посткраниальный скелет в анатомически верном положении. Мышечный рельеф длинных костей скелета развит средне. Головки плотные, гладкие, правильной формы. Таз высокий, крестец узкий и длинный. Процесс синостоза закончен полностью.

Погребенный мужчина *adultus*. Реконструируемый рост индивида составил от 167 до 173,5 см (по данным Троттер и Гезлер).

Если с антропологической точки зрения все более-менее понятно, то вопрос: почему молодой мужчина похоронен в кандалах – вызывает огромный интерес. Про сами кандалы можно сказать совсем немного. Железные кандалы, сильно окислившиеся [Суров, 1961, с. 6], внушительных размеров. Кольца овальной формы, соединенные одной перемычкой (длина около 18 см). Ходило мнение, что это был раб, даже поговаривали о богатом рабе (делая попытки обосновать то, что кандалы не сняли перед погребением). Однако это предположение, возможно, является неверным, так как в этих оковах полноценно передвигаться невозможно. А зачем нужен раб, который не может хорошо ходить?

По всей вероятности, в данном погребении похоронен преступник (кандалы похожи на карцерные). Почему же после смерти с преступника они не были сняты (ведь железо было не дешевым)? На данный вопрос четкого ответа нет, и вряд ли когда-нибудь будет. Возможно, «кандальник» был очень опасен или совершил неимоверно страшное престу-

пленение, что даже после смерти его ноги
не освободили от оков...

ЛИТЕРАТУРА

1. Суров Е.Г. Дневник раскопок Херсонесской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Херсонесского музея. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». – 1961. – Дело № 791, л. 1–26.

2. Суров Е.Г. Отчет о раскопках в Херсонесе и в совхозе Севастопольский в 1961 году. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». – 1961. – Дело № 790/1, л. 1–30.

UNUSUAL HELLENISTIC BURIAL FROM CHERSONESOS

© S.A. Danilova

The article is devoted to a burial from Chersonesian necropolis, bearing unusual funeral set - shackles on the man's feet. The history of its unearthing and some anthropological conclusion on bone remains are presented.

Key words: burial, necropolis, Chersoneses, shackles.

Рис. 1. Эллинистическое погребение. Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

КЕРАМИКА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДОВ АЗАК И САРАЙ АЛ-ДЖЕДИД

© 2014 г. М.И. Зыкова

Статья посвящена различным классификациям керамики Золотой Орды, а также ее типам на материале городов Азак и Сарай ал-Джедид. Приведен краткий обзор литературы по данному вопросу.

Ключевые слова: керамика, классификация, сграффито, афтоба.

Впервые золотоордынская керамика была классифицирована в 1925 году К.Н. Папа-Афанасопуло. [Папа-Афанасопуло, 1925]. В качестве основного признака ею был избран состав глиняного теста. Импорт был впервые выделен Э.Д. Кверфельдом в 1947 году. [Кверфельдт, 1947]. Он также обратил внимание на влияние традиций Китая, Ирана, Хорезма и Египта на керамику Золотой Орды. Позже влияние этих стран отмечали и другие ученые (А.Ю. Якубовский, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Ю. Коваль). В 1978 году А.А. Бобринский предложил методику технико-технологического анализа [Бобринский, 1978]. В частности, он предложил понятие «этап развития функций гончарного круга», которое связало керамическое производство с экономическим развитием общества.

В настоящее время существует несколько общих классификационных схем и множество более подробных классификаций керамики для различных городов Золотой Орды. Г.А. Федоров-Давыдов разработал технологическую классификацию по таким признакам, как состав теста и полив, способ нанесения

росписи и подбора цветов и т.д. [Федоров-Давыдов, 1976]. Позже им же была разработана характеристика орнаментации керамики на материале городищ Селитренного, Царевского, Водянского, Увекского, Маджар и др. [Федоров-Давыдов, 1984; 2001]. Также на материале поволжских городищ С.Е. Михальченко была составлена классификация глиняной посуды по формам – кухонная, столовая, специального назначения. [Михальченко, 1973]. Была разработана типология не только бытовой, но и архитектурной керамики – А.С. Воскресенский проанализировал полихромные майолики золотоордынского Поволжья и выделил несколько новых типов и подтипов. [Воскресенский, 1967.].

Сарай ал-Джедид (Новый Сарай), основанный в середине XIII века ханом Берке, с начала XIV века является столицей Золотой Орды. Многие ученые локализуют Сарай ал-Джедид на месте Царевского городища (близ современного села Царев Волгоградской области).

С.А. Курочкина разработала классификацию керамики этого города [Курочкина, 2006]. Она разделила матери-

ал на местный и импортный. Местная керамическая школа была поделена на две группы мастерских. Первая группа имела низкий производственный уровень и изготавливала только неполивную керамику из ожелезненных глин с примесью органики, песка и карбоната (известковой крошки). Часть изделий имеет индекс РФК-3-4, часть – РФК-5. Способ конструирования полого тела – спирально-жгутовой налеп без вытягивания. Обжиг сквозной, неравномерный. Используются рифление, валики, врезные фестоны. К этой группе относятся такие категории изделий, как: амфоровидные кувшины, хумы, хумчи, корчаги, одноручные тарные кувшины, кувшины, афтоба, горшки, миски, тазы, тагора, туваки. По способу обработки группа делится на 3 подотдела:

- 1) без ангоба и лощения;
- 2) с ангобом;
- 3) с лощением.

Вторая местная группа включает как неполивную, так и поливную керамику. Используются те же ожелезненные глины с примесью карбоната, песка и редкого, но крупного, шамота. Для крупных форм индекс РФК-5-6, для малых – РФК-6-7.

Неполивная красноглиняная керамика делится на 4 подотдела:

1) без ангоба и лощения. Включает в себя такие категории, как: корчаги, кувшины, кувшинчики, афтоба, чаши, пиалы, тарелки, миски, лампы-светильники, лампы-подсвечники, туваки, копилки, крышки;

2) с ангобом. Включает в себя такие категории, как: чаши, лампы-подсвечники, крышки;

3) с лощением. Единичный фрагментарный материал;

4) с ангобом и лощением. Единичный фрагментарный материал;

Полivная красноглиняная керамика со свинцовыми поливами делится на 8 подотделов:

1) с зеленой поливой без ангобной подгрунтовки. Категории: альбарелло, тувак;

2) с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Категории: кувшины с петьчатými ручками, афтоба, альбарелло, чаши, лампы-светильники;

3) с зеленой поливой с росписью ангобом. Категории: чаши на кольцевом поддоне;

4) с зеленой поливой с графировкой и резервом (сграффито). Категории: чаши, альбарелло;

5) с желтой поливой по ангобной подгрунтовке. Категории: кувшины, чаши;

6) с желтой поливой с росписью ангобом. Категории: чаши, поддон;

7) с желтой поливой с графировкой и резервом (сграффито). Категории: чаши, миски;

8) с бирюзовой поливой с росписью ангобом. Категории: чаши с поддонами;

Импорт составляет порядка 10% от общего объема керамики. Импортная керамика происходит из Маджара, Отрара, городов Северного Кавказа, Крыма, Хорезма и Руси. Она появляется на территории столицы не как самостоятельный товар, а в результате перемещения населения из этих районов.

Азак (ныне город Азов Ростовской области) был основан в конце XIII века, во время правления Менгу-Тимура. К началу XIV века он превратился в крупный торговый и культурный центр Золотой Орды. Этому в значительной мере способствовало его выгодное расположение – через Азак пролегали не толь-

ко сухопутные, но и морские торговые пути. В этот период наблюдается мощный всплеск миграций. Вместе с переселенцами и беженцами сюда попадает множество предметов материальной культуры, в том числе и керамики.

И.В. Волков разработал классификацию керамики Азака. [Волков, 1992]. Он разделил имеющийся материал на местный и импортный и выделил следующие группы.

Первая группа местной керамики изготовлена из местных глин с естественными примесями, формовочные массы использовались без специальной подготовки, в тесто добавлялся шамот. Способ конструирования полого тела – спирально-жгутовой налеп без вытягивания. Изделия имеют индекс РФК-3-6. Обжиг трехслойный. К этой группе относятся такие категории изделий, как: амфоры, двуручные пифосообразные сосуды, двуручные тарные кувшины, кувшины, горшки с ручкой, афтоба, тарелки, тагора, подойники, туваки, копилки, трапцевидные формочки, полые шары. По способу обработки поверхности эта группа делится на 4 отдела:

- 1) гладкая, без дополнительной обработки;
- 2) покрыта красным ангобом;
- 3) вертикальное или перекрестное лощение;
- 4) ангоб и лощение.

Вторая группа местной керамики имеет идентичные первой группе состав формовочной массы, РФК и способ формовки. Отличие состоит в том, что изделия этой группы являются продукцией мастерских. Используется полива. Обжиг сплошной, нет крупных форм. Присутствуют следы скульптурной лепки. Группа делится на 5 отделов:

- 1) неполиванная;
- 2) поливная без орнамента;
- 3) поливная с гравировкой по ангобу (сграффито);
- 4) поливная с росписью ангобом;
- 5) поливная штампованная.

Категории неполивной керамики: кувшины, горшки с ручкой, афтоба, тагора, светильники, туваки, копилки, дигири, водопроводные трубы, полые шары. Категории поливной керамики: кувшины, кувшины с петельчатыми ручками, горшки с ручкой, альбарелло, чашки, тарелки, туваки.

Импортная керамика также делится на несколько групп:

- 1) трапезундская группа;
- 2) триллийская группа ;
- 3) критские группы;
- 4) группа Юго-Западного Крыма;
- 5) группа Восточного Крыма;
- 6) Маджар;
- 7) поволжские группы;
- 8) Хорезм;
- 9) редкие импорты.

В последние десятилетия была исследована золотоордынская керамика Волжской Болгарии, Крыма, Закавказья, Тамани, Саркела, Укека и других территорий. Было опубликовано множество работ, посвященных знакам, рисункам и тамгам на керамике, символике орнаментации. Появилась литература об отдельных видах золотоордынской керамики – кашинной, красноглиняной, поливной. Совершенно ясной становится необходимость фундаментального труда, в котором были бы обобщены результаты исследований золотоордынской керамики последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978. – 272 с.
2. Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (история производства и импорта): автореферат дис. канд. ист. наук. – М., 1992.
3. Воскресенский А.С. Полихромные майолики золотоордынского Поволжья // СА. – 1967. – № 2. – С. 79–86.
4. Кверфельдт Э.Д. Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий. – Л., 1947. – 144 с.
5. Курочкина С.А. Керамика города Сарай ал-Джедид (Своеобразие керамического комплекса): автореферат дис. канд. ист. наук. – Казань, 2006.
6. Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. – 1973. – № 3. – С. 118–132.
7. Папа-Афанасопуло К.Н. Золотоордынская керамика (опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Ученые записки СГУ. – Т. III. – Вып. 3. – Саратов, 1925. – С. 52–74.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1976. – 228 с.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1984. – 224с.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. – М., 2001. – 256 с.

THE GOLDEN HORDE CERAMICS AND IT IS CLASSIFICATION BASED ON MATERIALS OF AZAK AND SARAY AL-JEDID CITIES

© M.I. Zyкова

The article deals with Golden Horde ceramics and its classification based on archaeological data of Azak and Saray Al-Jedid cities. A brief review of literature on the subject is presented.

Key words: ceramics, classification, sgraffito, aftoba.

УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА¹

© 2014 г. А.Л. Кашникова

В статье рассматривается специфика изучения, сохранения и популяризации археологического наследия Увекского городища на примере работ археологической экспедиции Саратовского областного музея краеведения. Отмечена значимость культурных напластований средневекового города Укека для современной науки. Обозначена проблема застройки территории памятника частным сектором и неэффективность законодательной базы в данном случае. Приводятся некоторые методологические аспекты исследований в условиях застройки частным сектором. Обозначена необходимость учета интересов местных жителей при проведении исследований и важность популяризации знаний для формирования адекватного общественного мнения.

Ключевые слова: Увекское городище, Золотая орда, XIII–XIV вв., сохранение, изучение, популяризация археологического наследия, средневековый город, фестиваль исторической реконструкции.

Увекское городище находится на южной окраине современного г. Саратова, на территории поселка Увек. Во второй половине XIII – конце XIV вв. на этом месте, на полпути между Болгаром и Сараем, располагался золотоордынский город Укек [Коновалова, 2009, с. 125]. Изучение Увекского городища началось еще в XIX в. [Саблуков, 1884; Голицын, Краснодубровский, 1890] и сопровождалось эпизодическими раскопками, носившими зачастую сенсационный характер [Кротков, 1915; Баллод, 1923]. Л.Ф. Недашковским в конце 1990-х гг. были проведены разведки на Увекском городище и обобщен богатейший археологический материал с этого памятника [Недашковский, 2000]. Разведочные шурфы

и небольшие раскопы были заложены в 2002–2006 гг. Р.А. Сингатулиным [Сингатулин, 2008].

Ежегодные исследования здесь стали проводиться с 2005 года экспедицией СОМК под руководством старшего научного сотрудника Д.А. Кубанкина. За 9 лет исследований, помимо исламского некрополя, гидротехнического сооружения и жилища ювелира, обнаружен христианский квартал с двумя храмами, датируемый последней третью XIII в. – концом XIV в. [Кубанкин, 2012, с. 129]. В процессе исследований экспедициями музея, в которых принимал участие автор статьи, четко обозначилась специфика изучения Увекского городища.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-31-01246, тип а2

Увекское городище является до сих пор памятником регионального значения и не входит в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации [Юдин, 2003, с. 70]. Практически все городище располагается под частной застройкой поселка Увек. В сложившейся ситуации приходится учитывать интересы местных жителей, проживающих на территории археологического памятника.

С 2010 г. раскопки проводятся, как правило, во дворах частных домов. Площадь раскопа ограничена не только территорией землевладения, но и присутствующими во дворе постройками, а нередко – деревьями и даже грядками. Глубина раскопа составляла более 3 м, поэтому приходилось вывозить землю за пределы участка и организовывать отвал на участке, находящемся в стороне от проезжей части, а после завершения раскопок завозить землю таким же образом обратно. Из-за нехватки площадей использовались модули – условно выделенные участки, содержащие в себе не менее двух квадратов 2х2 м. Появление модулей на столь небольшой площади связано с ограниченной территорией участка, где значительную часть занимал отвал. По мере продвижения раскопок отвал вывозился с участка при использовании погрузчиков и самосвалов, а на его месте разбивался следующий модуль. В зонах, где раскопки были завершены, отводился участок под новый отвал. Проблема этого способа проведения раскопок заключается в том, что небольшие площади модулей не дают возможности проследить планиграфию на всей площади раскопа одновременно.

В 2010 году был обнаружен фундамент православного храма, уходящий за

пределы одного участка на территорию дороги и соседних домов [Кубанкин, 2013, с. 129]. Подобная ситуация произошла в 2013 г., когда фундамент второго православного храма продолжался на территории соседнего землевладения. К сожалению, не все жители поселка отнеслись с пониманием к работе археологов, и возможности проследить фундаменты на других участках не получилось. Территория дороги также не могла быть раскопана, так как в результате было бы заблокировано движение транспорта.

Еще одной проблемой исследований на территории поселка является невозможность сохранить обнаруженные фрагменты фундаментов зданий именно из-за расположения раскопов на частной территории. Здесь ведется активная хозяйственная деятельность, в том числе строительство, а выкупать участки для этой цели на данный момент не представляется возможным.

Камни из фундамента были оставлены хозяевам участка, таким образом имевшим свою выгоду в проведении раскопок на их участке. Кроме того, по завершении раскопок удалось завести на территорию участка плодородный грунт. В этом экспедиции была оказана помощь местного депутата и городских властей.

В 2012–2013 гг. раскопки также проводились в центральной части поселка, недалеко от предыдущего места исследования. Хозяин участка планировал пристройку к дому. Здесь также применялась модульная система, в результате которой удалось вскрыть почти всю территорию участка. На данном раскопе проблема с отвалом решалась иным способом. Местными властями была предоставлена техника для вывоза отвала за

пределы поселка. В процессе рекультивации земля возвращалась обратно. Для осуществления раскопок на таких небольших территориях требуется около 8–15 человек.

Таким образом, при проведении раскопок на территории жилого сектора необходимо учитывать интересы местных жителей, для того, чтобы археологические раскопки не воспринимались как угроза. В условиях не действующей законодательной базы, это единственная возможность сохранить археологическое наследие средневекового города в пределах землевладений физических лиц. В результате наших раскопок владельцы участков получили свободную от археологического материала землю, строительные материалы в виде камней от фундаментов зданий, слой плодородной почвы, а также, при желании, трудоустроивались на время экспедиции в качестве землекопов.

Важной проблемой исследования Увекского городища является сохранение археологического наследия. В данный момент доступно только сохранение находок путем их передачи в фонды музеев. Весь археологический материал, обнаруженный в результате раскопок нашей экспедиции, поступает в фонды СОМК и активно исследуется совместно с автором раскопок ведущими специалистами: А.Н. Масловским, С.Г. Бочаровым, В.Ю.Ковалем, Л.В. Яворской, Е.Ю. Лебедевой, А.А. Евтеевым и др. Проводятся палеоантропологические, археозоологические, палеоботанические исследования. Особое внимание уделяется керамическому материалу. При исследовании находок применяются рентгенофлюоресцентный, радиоуглеродный и прочие методы анализа. В

условиях ограниченности площади раскопа территорией землевладения и при наличии мощных культурных напластований, всестороннее научное исследование материалов раскопок является одной из главных задач.

Для популяризации культурного наследия Увекского городища в 2011 г. в музее краеведения состоялась выставка «Тайны древнего города», рассказывающая о городе Уеке, на которой были представлены находки из раскопок. Каждый год перед началом полевого сезона в музее проходит пресс-конференция, посвященная раскопкам на Увекском городище, на которой освещаются результаты предыдущих исследований. В 2013 г. был выпущен буклет «Уек – город Золотой Орды» [Кубанкин, 2013 а]. Второй год издаются презентационные календари, посвященные Увекскому городищу.

В сентябре 2012 года на окраине поселка Увек был проведен фестиваль исторической реконструкции «Один день из жизни средневекового города». Для участия в фестивале были приглашены мастера исторической реконструкции из Саратова, Ростова-на-Дону, Ставрополя и Тулы. Были организованы экскурсии, рассказывающие о средневековом городе на фоне сцен, разыгранных реконструкторами. Гости могли самостоятельно отчеканить сувенирную монету, попробовать себя в изготовлении глиняной посуды, стрельбе из лука и арбалета, а также увидеть выставку находок с ежегодных раскопок археологической экспедиции СОМК на Увекском городище.

Фестиваль посетило более трех тысяч человек. Цель проведения мероприятия – повышение интереса к родной истории и Увекскому городищу, в частности. Пропагандировалась идея

многонационального населения золотоордынского города Укека в качестве положительного примера для современного многонационального населения Саратова. В 2014 г. фестиваль «Один день из жизни средневекового города» стал победителем Второго Всероссийского конкурса событийного туризма в номинации «Исторические реконструкции». Конкурс проходил в Москве, в рамках ежегодной Всероссийской открытой ярмарки событийного туризма «Russian Open Event Expo» под эгидой Министерства культуры РФ. В сентябре 2014 года планируется провести второй фестиваль на Увекском городище, а также провести выставку, посвященную 10-летию раскопок экспедиции СОМК.

Увекское городище – это неординарный археологический памятник второй

половины XIII – конца XIV в. Раскопки последних лет показали, что археологические слои частично сохранились и имеют большое научное значение. Застройка территории археологического памятника частным сектором ставит перед исследователем ряд проблем и необходимость выработки особой методики раскопок. Проведение продуктивных исследований на территории частных земельных владений возможно при поддержке местных властей и положительном настроении местного населения. Активная популяризация информации об Увекском городище, формирование общественного мнения способствуют созданию и поддержке подобного настроения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.-Пг., – 1923. – 123 с.
2. Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С. Укек. Доклады и исследования по археологии и истории Укека. – Саратов, 1890. – 102 с.
3. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинения арабских географов XIII – XIV вв: текст, перевод, комментарий. – М., 2009. – 223 с.
4. Кротков А.А. Раскопки на Увекке в 1913 году // Труды САУК. – 1915. – Вып. 32. – С. 111–133.
5. Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2005-2011 гг. // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 2012. – Вып. 9. – С. 124–138.
6. Кубанкин Д.А. Археологические исследования СОМК на Увекском городище // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. – Саратов, 2011. – С. 417–425.
7. Кубанкин Д.А. Древнерусский слой золотоордынского города Укека (материалы археологических исследований 2010-2012 гг.) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.). – Самара, 2013. – С. 129–132.

8. Кубанкин Д.А. (2013 а) Укек – город Золотой Орды. Историческое эссе (бу-клет). – Саратов, 2013 а. – 24 с.
9. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000. – 224 с.
10. Саблуков Г.С. Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // ИОАИЭ. – 1884. – Т. III. – С. 298–322.
11. Сингатулин Р.А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 8. Саратов, 2008. – С. 139–155.
12. Юдин А.И. Увекское городище: правовой статус, проблемы охраны и исследования // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Материалы научно-практической конференции. – Саратов, 2003. – С. 67–75.

UVEK SETTLEMENT: EXPERIENCE OF RESEARCH, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE MEDIEVAL TOWN

© **A.L. Kashnikova**

In the article the specific of research, preservation and popularization of the archaeological heritage of the Uvek settlement is considered in the context of archaeological expedition of the Saratov Regional Museum of Local Lore. The importance of the Ukek settlement's medieval cultural beddings for the modern science is pointed out. The problem of private building development in the heritage's territory and legislation inefficiency is marked. The methodological aspects of researches held in conditions of private building development are presented. The necessity of considering the interests of locals during the researches and the importance of knowledge popularization in order to generate adequate public opinion is designated.

Key words: Uvek settlement, Golden Horde, XIII-XIV century, preservation, research and popularization of the archaeological heritage, medieval town, festival of historical reconstruction.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕМОРДОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ I – НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

© 2014 г. М.С. Королева

В данной статье рассмотрены основные стадии изучения древнемордовских памятников I – начала II тысячелетия н.э. Подробно описаны вещи, характерные только для древнемордовских племен. Произведена классификация археологических памятников по принципу их расположения вблизи рек. Отмечены археологи и их публикации по проведенным раскопкам.

Ключевые слова: мордва, средневековье, историография, эрзя, мокша, памятник, культура.

Древнемордовская культура, как и культура любого другого народа, имеет свои неповторимые отличительные черты. Одной из главных является расположение древних памятников в Окско-Сурско-Цнинском междуречье. Другой особенностью служит процесс формирования древнемордовской культуры, который относят ко II–III вв. Согласно проведенным исследованиям, археологи выделяют верхнесурские и окско-сурские племена, отличающиеся друг от друга ориентировкой головы в захоронениях. Так, с IV в. у окско-сурских племен ярко проявляется северная ориентировка, а у верхнесурских в промежутке V–VII вв. складывается южная. Отличительными чертами данных племен становятся височная привеска с бипирамидальным грузиком и спиралькой, сюлгамы, неорнаментированная керамика.

Еще П.С. Рыков отмечал, что привески встречаются в наряде даже в самых бедных погребениях [Рыков, 1933, с. 60]. Это украшение характерно только

для мордвы и являлось частью головного убора женщины. Со временем происходили изменения формы грузика: с III в. – биконический, во второй половине IV в. – конический, с IV–V вв. – бипирамидальный. Частой находкой в мужских и женских захоронениях является особая застежка-украшение – сюлгама. В.И. Вихляев отмечает, что у верхнесурских племен в VI в. появляются сюлгамы с «усами», причем длина их «усов» не превышает 1/3 диаметра кольца. С конца VII в. «усы» становятся длиннее [Вихляев, 2000, с. 66]. Мордовская посуда изготовлялась лепным способом и не орнаментировалась. Хотя встречаются экземпляры с косыми и прямыми насечками по венчику (Селиксенский могильник), изображения в виде креста (Лядинский могильник) и т.д. Наиболее распространены находки горшков, чаш и мисок. По функциям посуду подразделяют на бытовую и ритуальную, отличающуюся друг от друга размерами.

К верхнесурским племенам можно отнести череду пензенских памятников,

исследованных известным археологом М.Р. Полесских. К ним относятся ранние Пензенские памятники III–VII вв. такие как Ражкинский, Армиевский, Михайлово-Тезиковский, Степановский, Трофимовский, Алферьевский могильники [Полесских, 1979; 1974]. Одним из ранних изученных памятников стал Армиевский могильник, который исследовал еще П.С. Рыков, где было вскрыто 128 погребений.

К числу окско-сурских можно отнести памятники бассейнов рек Теша и низовья Суры. Еще в конце XIX в. Нижегородская ученая архивная комиссия провела учет мордовских памятников, зафиксировав на карте места Погиблово и Кужендеево Ардатовского уезда. В 1920-е годы проводит экспедиции Антропологический институт МГУ, в которых принимают участие А.Е. Алихова, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, А.А. Кротков и Н.И. Спрыгина. Ими были исследованы памятники у Перемчалки, Кужендеево, Погиблово [Археологический сборник, 1948]. В 1950-е гг. М.В. Жигановым осуществлялись раскопки Погибловского и Кужендеевского могильников VII–VIII вв., затем Волчихинского и Абрамовского могильников IV–VII вв. В 1970-е гг. чебоксарская экспедиция занялась Иваньковским могильником Чувашии, который был исследован еще П.П. Ефименко. Было вскрыто 97 погребений, датированных V–VIII вв.

В процессе становления древнемордовской культуры исследователи выделяют VII в., когда происходило образование новых этнических групп – эрзи и мокши. Отличаются они друг от друга северной и южной ориентировкой погребений. В вещевых комплексах больших отличий не наблюдается. Однако

происходит эволюция уже известных привесок с сильным удлинением в IX–X вв. стержня и грузика, а также увеличивается количество оборотов спирали. У сюлгам концы «усов» с XI в. слегка расплющиваются.

Тесно связан с историей изучения памятников мордвы-эрзи в бассейне реки Теша профессор Арзамасского ГПИ им. А.П. Гайдара В.Н. Мартьянов. С 1980 г. он обнаружил и исследовал такие памятники, как Заречное 2, Пятницы 7, Красное 1 и 2, Выползово 1, 2, 4, Личадеево 2, Стексово 5 [Мартьянов, 2004]. В дальнейшем этими памятниками заинтересуется Ю.А. Зеленева, продолжив изучение Красного 3 и Стексово. В 1970-е гг. В.И. Вихляев исследует поселение Заречное. В 1990-е гг. проводится Марийская экспедиция во главе с С.И. Алексеевым. Вскрыто 3 погребения у села Стексово и обнаружено поселение у села Саконь. Работа с данными памятниками продолжается и в наше время.

История изучения памятников мордвы-мокши более насыщена. Так, еще в 1896 году проходили раскопки частично разрушенного могильника у села Ляда близ Тамбова. Позже за его раскопки взялся Ястребов, датировавший памятник VIII–XI вв. [Альбом древностей мордовского народа, 1941]. В 1970-е гг. раскопки 78 погребений были проведены под руководством Института археологии Академии наук и Тамбовского краеведческого музея.

Раскопки в среднем течении Цны проводил сам директор Моршанского краеведческого музея П.П. Иванов. Были исследованы Елизавет-Михайловский, Пановский, Крюково-Кужновский могильники.

Много памятников обнаружено в бассейне реки Вад. Еще в 1957–1959 гг. М.Ф. Жиганов во главе экспедиции МНИИ-ЯЛИЭ изучал могильник у пос. Заря, вскрыв 85 погребений VII–X вв. В 1955 г. неподалеку от озера Имерка местный житель обнаружил 2-й Журавкинский могильник, который через 10 лет исследовал местный краевед Б.Е. Смирнов. И лишь в 1974–1975 гг. МНИИЯЛИЭ и Мордовское отделение общества ВО-ОПИК во главе с И.М. Петербургским проводили раскопки могильника, которые возобновились лишь в 1993 г. экспедицией МГУ им. Н.П. Огарева с В.И. Вихляевым. Всего было исследовано 76 погребений XIII–XI вв. [Петербургский, 2010]. Кроме того, И.М. Петербургским изучены 2-й Старобадиковский могильник VIII–IX вв. и Старобадиковское поселение.

В районе реки Мокша в XIX веке Г.П. Петерсон обнаружил городище у села Стародевичья. В 1892 г. проходила первая научная археологическая экспедиция А.А. Спицына по изучению данного памятника. В 1970-е гг. В.И. Вихляев исследовал уже могильник, в комплексе которого встречались красные пастовые бусы и керамика. В 1990–1993 гг. экспедиция МНИИЯЛИЭ продолжила раскопки Стародевиченского могильника при участии И.М. Петербургского, датировавшего памятник XI–XIV вв. [Петербургский, 2009].

С 1890 г. В.М. Терехин, А.П. Смирнов, А.А. Спицын и А.О. Хейкель развили активную деятельность по раскоп-

кам Ефаевского могильника. В 1936 г. МНИИЯЛИЭ также проводил раскопки 29 погребений, опубликованных Е.И. Горюновой [Археологический сборник, 1948, с. 112–172].

Кельгининский могильник – один из самых богатых и наиболее исследованных памятников – был открыт краеведом Б.Е. Смирновым. В 1963 г. Поволжская археологическая экспедиция, затем МГУ и МНИИЯЛИЭ приступили к совместным раскопкам памятника. Возглавляли исследования 1963–1966 гг. Р.Ф. Воронина, А.Е. Алихова, А.В. Циркин. За это время было вскрыто 111 погребений. В 1994–1996 гг. работы над памятником возобновились МГУ и краеведческим музеем. Активная работа проводилась в 1998 г. под руководством В.И. Вихляева [Кельгининский могильник, 1998].

Продолжаются работы А.В. Винничека на пензенских памятниках у села Васильевка, где найдены предметы X–XI вв., и В.В. Гришаковым совместно с МГПИ на могильнике III–IV вв. у с. Усть-Уза.

Однако современное состояние памятников на территории Мордовии оставляет желать лучшего. Большой вред наносят хозяйственная деятельность, грабительские непрофессиональные раскопки, отсутствие финансирования на проведение реставрационных и охранных работ. В последнее время экспедиции на территории Мордовии не проводятся из-за отсутствия финансирования и недостатка в квалифицированных кадрах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологический сборник. – № 1. – Саранск, 1948. – 259 с.
2. Альбом древностей мордовского края. – Саранск, 1941. – 162 с.
3. Археология мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. – Саранск, 2008. – 552 с.
4. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 119–160.
5. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. – Саранск, 2000. – 132 с.
6. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. – Саранск, 1998. – 168 с.
7. Мартянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. – Арзамас, 2004. – 443 с.
8. Материалы по истории мордвы VII–XI в. – Моршанск, 1952. – 232 с.
9. Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. – Саранск, 2010. – 132 с.
10. Петербургский И.М. Мордва Среднего Примокшанья в XI–XIV вв. – Саранск, 2009. – 238 с.
11. Петербургский И.М. Состояние археологических памятников Республики Мордовия на современном этапе // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. – Саранск, 2011. – С. 3–6.
12. Полесских М.Р. Армиевский могильник // МНИИЯЛИЭ Труды. Археологические памятники мордвы первого тысячелетия н.э. – Вып. 63. – Саранск, 1979. – С. 5–56.
13. Полесских М.Р. Новые памятники древней мордвы // МНИИЯЛИЭ Труды. Материалы по археологии и этнографии. – Вып. 45. – Саранск, 1974. – С. 12–32.
14. Рыков П.С. Очерк по истории мордвы. По археологическим материалам. – М., 1933. – 112 с.

FEATURES OF STUDYING THE ANCIENT MORDOVIAN MONUMENTS OF THE I - EARLY II MILLENNIUM AD

© M.S. Korolyova

This article discusses the main stages of studying the ancient mordovian monuments of the I – early II millennium AD. The artifacts characteristic for the ancient mordovian tribes only are described. The classification of archeological monuments based on their location was produced. The archaeologists and their publications of excavations materials are marked.

Key words: Mordovians, the Middle Ages, historiography, Ersa, Moksha, archaeological monument, culture.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ФИНАЛА АНАНЬИНСКОЙ – НАЧАЛА ПЬЯНОБОРСКОЙ ЭПОХИ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ (По материалам Барановского III поселения)

© 2014 г. А.Е. Митряков

Статья посвящена проблеме хронологии керамики позднеананьинского и раннепьяноборского времени в Удмуртском Прикамье. На материалах Барановского III поселения рассматривается вопрос о соотношении шнуровой и ямочной посуды и обозначаются основные проблемы, связанные с их интерпретацией.

Ключевые слова: керамика, ранний железный век, Прикамье, ананьинская культура, пьяноборская культура.

Несмотря на значительное количество памятников эпохи раннего железа, раскопанных в Удмуртском Прикамье, хронология их керамических комплексов разработана крайне неравномерно. Наряду с подробной (с точностью до 150-200 лет) схемой, предложенной для ананьинского времени Л.И. Ашихминой [Ашихмина, 1985], с альтернативной интерпретацией В.Н. Маркова [Марков, 2006] и сравнительно подробным описанием посуды мазунинского времени [Останина, 1997], остаются практически неразработанными проблемы, связанные с эволюцией керамических комплексов пьяноборского времени. Как правило, конец бытования комплексов, орнаментированных ямочно-шнуровым орнаментом, относится к IV–III вв до н.э., но практически ни один комплекс, в котором они присутствуют совместно с керамикой, орнаментированной ямками без шнура (т.н. пьяноборской) в Удмуртском Прикамье не имеет устойчивой верхней даты. Суммарные описания пьяноборской посуды, сделанные

на материалах Чегандинского I городища [Генинг, 1970] и Быргындинского IV поселения [Клюева, 1984] практически не содержат значимых диагностических признаков ее датировки.

Для автора эта проблема в полной мере обозначилась в ходе работы с обширной коллекцией Тарасовского святилища в Удмуртском Прикамье [Голдина и др., 2013], в которой датирующие материалы присутствуют только для V–IV вв. до н.э., в то время как сам памятник содержит обширную коллекцию нешнуровой посуды, традиционно относимой к более позднему времени. Ситуацию осложнял и тот факт, что памятник был вначале разрушен могильником пьяноборско-мазунинского времени, а позже активно распахивался, что практически уничтожило его возможную стратиграфию.

В свете вышесказанного существенный интерес представляет керамический комплекс Барановского III поселения, расположенного в Каракулинском районе Удмуртской Республики на пра-

вом берегу р. Камы в 1,8 км к ЮЗ от д. Нырғында. Памятник открыт в 1969 г. разведочной группой НКАЭ под руководством А.В. Прокопова. Позднее поселение обследовалось разведочными отрядами КВАЭ (рук. Р.Д. Голдина): в 1977 г. Г.Н. Ключевой, в 1995 г. Л.Д. Макаровым. В 1996 году Н.А. Лещинской на этом памятнике были проведены стационарные работы, в результате которых была получена информация о нескольких археологических объектах разного характера, располагавшихся в пределах раскопа, а также коллекция керамики и вещевого инвентаря. Помимо предметов, относящихся к эпохе раннего железного века, в коллекции представлены поздние материалы, относящиеся к периоду строительства и функционирования Барановской пристани (XIX–XX вв.).

Керамический комплекс Бараново III представлен по коллекционной описи 621 фрагментом (из 689 единиц описи, в том числе 295 фрагментов верхних частей). Материал сильно фрагментирован: только фрагменты верхних частей 60 сосудов представляют интерес в качестве материала для анализа морфологии и орнаментации. Диаметры по венчику и шейке фиксируются для 44 сосудов, диаметр по тулову – для 36 из них.

Морфология посуды. Формализация посуды как массового материала была проведена по методике В.Ф. Генинга: замерены основные линейные размеры частей сосуда, на их основе рассчитаны показатели формы посуды.

Ручная выделка и сильная фрагментация посуды, в сочетании с погрешностями при измерении, дают погрешность, которая, как показала практика, может составлять до 15–17% от абсолютного значения показателя. Такая ситуация, на

наш взгляд, позволяет корректно дать общую характеристику морфологии комплекса, но делает бессмысленными попытки выделения различающихся по корреляции показателей групп посуды.

Статистические характеристики показателей горшковидных сосудов:

Указатель ФБ колеблется в пределах от 0,43 до 1,85; среднее значение показателя – 0,96. Большинство сосудов относятся к низкогогорлым (ФБ2, 39 экз., 88,6%); кроме того в коллекции присутствуют среднегорлые (ФБ3, 4 экз., 9,1%) и очень низкогогорлый сосуд (ФБ1, 1 экз., 2,3%).

Указатель ФГ колеблется в пределах от 0 до 0,71; среднее значение показателя – 0,16. Преобладают слабопрофилированные сосуды (ФГ1, 28 экз., 63,6%), представлены также сосуды с прямым горлом (ФГ0, 7 экз., 15,9%) и среднепрофилированные сосуды (ФГ2, 9 экз., 20,5%).

Указатель ФЖ колеблется в пределах от 0 до 0,43. Среднее значение показателя – 0,25. Комплекс разделяется на сосуды с очень слабовыпуклым плечиком (ФЖ1, 16 экз., 44,4%) и сосуды со слабовыпуклым плечиком (ФЖ2, 20 экз., 55,6%)

В целом характеристика морфологии комплекса выглядит следующим образом: верхние части сосудов обладают невысокими слабопрофилированными шейками, сохранившиеся тулова, как правило, со слабовыпуклыми плечиками. Профиль подавляющего большинства сосудов плавный, без резких перегибов.

Помимо горшковидных форм, в коллекции присутствуют фрагменты двух открытых чаш (рис. 1–2).

Оформление края венчика. Для 20 сосудов можно достаточно уверенно

говорить о том, что венчик был срезан горизонтально. Еще у 13 сосудов край венчика явным образом скошен наружу под тем или иным углом, его плоскость перпендикулярна не оси вращения сосуда, а плоскости стенок в профиле. Кроме того, для 11 сосудов хорошо видно, что форма венчика была нестабильной и могла быть на разных участках венчика проинтерпретирована по-разному.

Орнаментация посуды. В целом, как и любой (в современном понимании) позднеананьинский или пьяноборский комплекс, комплекс Бараново III не отличается богатством орнаментации.

Два сосуда выборки не орнаментированы (рис. 1–2,4), остальные украшены рядом одиночных ямок, проходящих по линии основания венчика, либо чуть выше/ниже ее. Ямки в известной мере различаются как формой отверстия, так и глубиной и формой дна. 13 сосудов орнаментированы ямкой правильной округлой формы, еще в 28 случаях контуры ямки имеют неправильную форму. Кроме того, на одном хорошо сохранившемся сосуде отмечены как ямки правильной округлой формы, так и ямки с неправильными контурами, что позволяет говорить о том, что сам по себе контур ямки на ананьино-пьяноборской посуде не является каким-либо диагностическим признаком.

Пять сосудов (11,4%, рис. 1–3,6,7) орнаментированы горизонтальными отрисками шнура, в «ананьинской» традиции, в одном случае – в сочетании со шнуровой «волной».

Пять других сосудов орнаментированы очень нехарактерной для прикамской посуды деталью: «жемчужинами» на внешней поверхности, располагающимися выше ряда ямок (рис. 1–9). Ско-

лотые жемчужины на одном из сосудов показали, что под ними находится узкое отверстие, не достигающее до внутренней поверхности стенки.

Примеси к тесту. Для большинства сосудов выборки характерна примесь толченой раковины к тесту. Размер и доля примеси довольно разнообразны; в некоторых случаях раковина выступает на поверхность, в других на ее месте остаются пустоты характерной формы. Как минимум для одного сосуда в комплексе характерны оба случая одновременно – на разных его фрагментах. Не вполне понятно, является ли это результатом положения сосуда при обжиге или же процесса археологизации, но видится неоспоримым, что различия в облике примеси раковины для данного комплекса не являются диагностическим признаком.

В двух случаях примесь толченой раковины к тесту не фиксируется, вместо нее обнаружена примесь песка. Еще в двух случаях визуально отмечаются сразу оба варианта примеси.

Обработка поверхности. Подавляющее большинство сосудов после придания формы проходили дополнительную обработку поверхности, следы которой фиксируются на обеих сторонах черепка, следы обработки визуально не читаются только на черепках с запесоченным тестом. В остальных случаях они имеют два варианта: более или менее тщательное заглаживание, оставляющее узкие (шириной до 0,5 мм) параллельные полосы с заостренными концами, идущие вдоль поверхности фрагмента, и выполненное после него т.н. «подлощение» (16 экз.) – полосы шириной 1,5–2 мм, с очень ровной поверхностью, иногда с матовым блеском в косом свете. На мно-

гих сосудах комплекса хорошо видно, что обработка поверхности проводилась уже после нанесения ямки, в результате чего тонкий слой глины по краю ямки сдвигался и нависал над ее пространством, придавая ямке «неправильную» форму. Впрочем, для некоторых сосудов, в частности, для всех орнаментированных шнуром, характерна обратная ситуация: ямка, очевидно, нанесена после обработки поверхности и ее край не нарушен.

Анализ пространственного залегания комплекса в слое не дает основания выделить в нем какие-либо хронологические группы или зафиксировать более раннюю хронологическую позицию шнуровой посуды относительно ямочной. Более того, к достоверно наиболее раннему слою памятника однозначно приурочены крупные фрагменты типично «пьяноборского» сосуда с ямочной орнаментацией вытянутых пропорций (рис. 1–8). Стратиграфическое распределение выборки по разным признакам (указатели формы, наличие лощения, тип ямочного орнамента, оформление венчика) также не дает оснований для выделения каких-либо из этих признаков в качестве хронологических маркеров.

Как уже указывалось, в настоящее время не представляется возможным сколько-нибудь точно определить абсолютную хронологию памятника. Ответ на вопрос о длительности формирования культурного слоя памятников типа Бара-

ново III позволит определить, отражает ли облик комплекса памятника широкую вариативность внешних признаков на коротком (по-видимому, раннепьяноборском) отрезке РЖВ в Прикамье, либо же показывает устойчивость традиции на протяжении более длительного периода. Если в первом случае следующим шагом в исследовании видится поиск и анализ посуды памятников рубежа тысячелетий с целью их сравнения и выявления тенденций развития керамической традиции, то во втором – остро встает вопрос о поиске диагностирующих хронологических признаков пьяноборской посуды, которые, по-видимому, следует искать в области технологии: состава формовочных масс, методов формовки сосуда и дальнейшей его обработки.

Завершая настоящую работу, необходимо заметить, что масса процедурных трудностей в обработке материала и невысокая его информативность, отсутствие «красивых» результатов, не должны становиться препятствием для публикации небольших по объемам ананьино-пьяноборских комплексов. Напротив, небольшие объемы позволяют характеризовать их достаточно детально и благодаря этому получать материал для сопоставления не только в «брутто»-формализованном виде, но и специфических особенностях, которые могут оказаться ключевыми для решения насущных проблем истории керамики раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Коми филиал АН СССР, серия препринтов «Научные доклады». – Вып. 119. – Сыктывкар, 1985. – 26 с.
2. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. ч.1. // ВАУ. – Ижевск, 1970. – Вып. 10. – 224 с.
3. Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 26. – Ижевск, 2013. – 184 с.
4. Ключева Г.Н. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Сб. науч. тр. – Вып. 2. – Ижевск, 1984. – С. 20–35.
5. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 4. – Казань, 2007. – 136 с.
6. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 327 с.

CERAMIC ASSEMBLAGES OF THE FINALE OF ANANYINO – THE BEGINNING OF PYANOBORYE EPOCH IN UDMURT PRIKAMYE

© А.Е. Mitryakov

The paper is dedicated to chronological problems of late-Ananyino and early-Pyanoborye ceramics in Udmurt Prikamye. Using materials of Baranovo III settlement, the questions of cord-decorated and pit-decorated vessels correlation are considered and main problems of its interpretation are marked.

Key words: ceramics, early Iron Age, Prikamye, Ananyino culture, Pyanoborye culture.

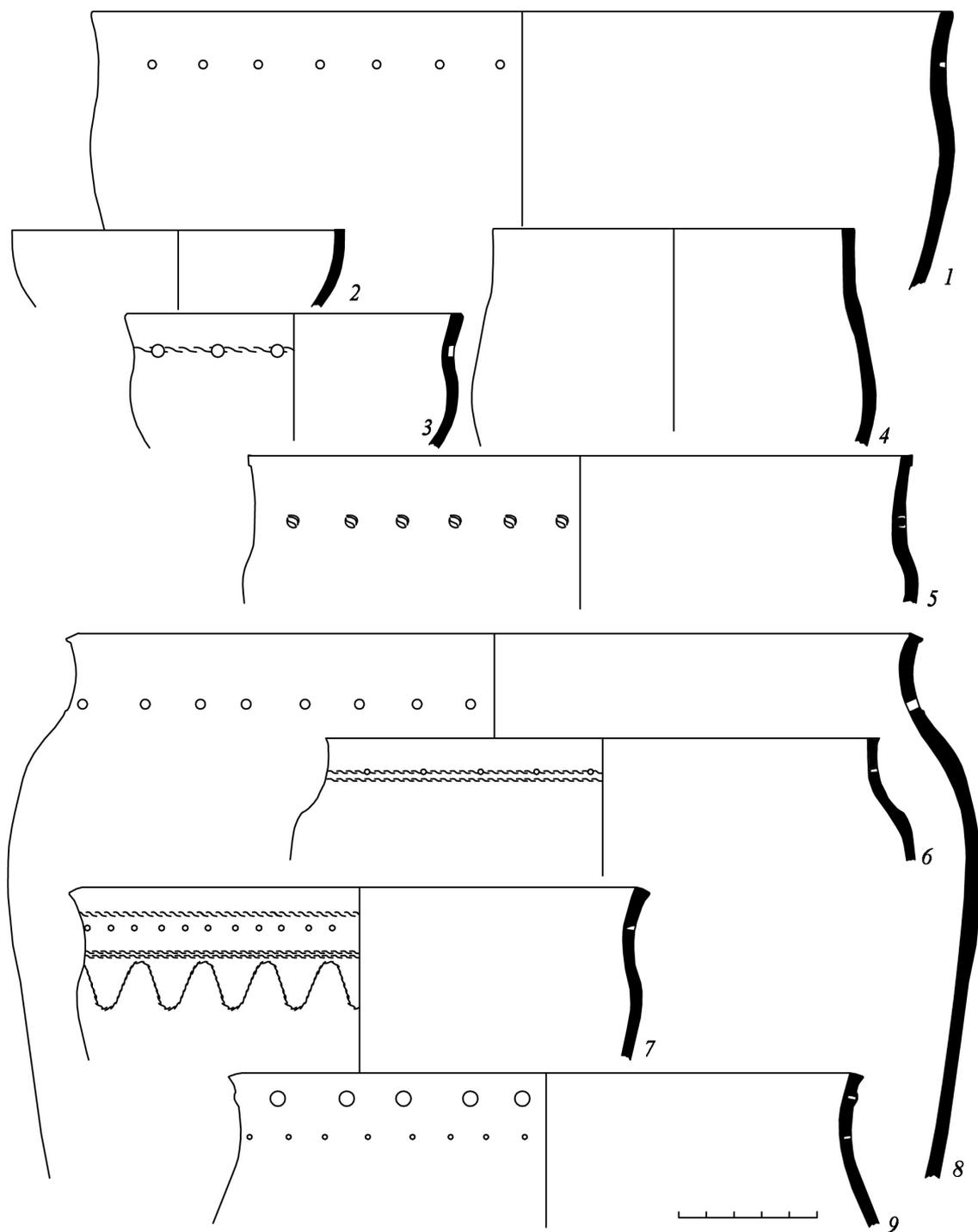

Рис. 1. Глиняная посуда. Барановское III поселение.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ПЛАНОВО-ВЫСОТНОГО ОБОСНОВАНИЯ И ТОПОСЪЕМКИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПРИМОРЬЯ

© 2014 г. А.П. Михальченко

В статье рассматриваются методы проведения геодезических работ на примере средневековых памятников Приморского края. Проанализированы особенности создания планово-высотного обоснования и специфика топосъемок.

Ключевые слова: археология, геодезия, средневековье, топосъемка, съемочное обоснование.

Хотя археология и считается гуманитарной наукой, тем не менее значительная часть полевой работы археолога связана с линейными, угловыми и высотными измерениями на местности. Соответственно при проведении полевых археологических исследований немаловажную роль играет их геодезическое обеспечение. Оно является необходимой составляющей при проведении археологических раскопок, включая заложение опорных точек для дальнейшей увязки отдельных объектов и детальной съемки элементов раскопок [Стариков, Алексеев, 2004, с. 42–44].

На сегодняшний день основным нормативным документом при проведении археологических исследований является «Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» от 27 ноября 2013 г. Но никаких требований к геодезическим работам, за исключением масштабов съемки, в нем нет. В связи с этим, чаще всего выполняется инструментальная съемка без соблюдения геодезических правил, инструкций и нормативов. Говорить о какой-либо точ-

ности и достоверности полученных таким способом планов, за редким исключением, когда археологи обращаются за помощью к профессиональным геодезистам, к сожалению, не приходится.

Учитывая вышесказанное, при проведении геодезических работ на средневековых памятниках Приморья мы обычно придерживаемся инструкции по крупномасштабным съемкам ГКИНП-02-033-82. И, хотя формальное использование в НиГОАЭИ нормативов для выполнения других геодезических работ приводит к необоснованным затратам времени, сил и средств [Вергунов, Крейдун, Постнов, 2004, с. 42–51], с учетом сложности рельефа и площади съемки (от 0,1 до 200 га), такой подход выглядит наиболее целесообразным.

Планово-высотное съемочное обоснование создается с целью сгущения существующей геодезической плановой и высотной основы до уровня, обеспечивающего выполнение топографических съемок необходимых масштабов, а также привязки отдельных объектов. Развитие съемочного обоснования производится от пунктов государственной

геодезической сети, геодезических сетей сгущения 1 и 2 разрядов. Если участок съемки не превышает площадь в 1 км², то обоснование можно создавать как свободную геодезическую опорную сеть [ГКИНП-02-033-82].

По масштабу топографическая съемка подразделяется на мелко-, средне- и крупномасштабную. Крупномасштабная топографическая съемка (масштабов 1:200; 1:500; 1:1000; 1:2000 и 1:5000) является одним из наиболее востребованных видов работ при инженерно-геодезическом сопровождении археологических работ.

Результатом выполнения такой инженерно-топографической съемки является топооснова в цифровой, графической, фотографической и иной форме, на которой, в первую очередь, отражена современная ситуация на археологических памятниках, а также отображены здания, строения, сооружения, элементы планировки, благоустройства и озеленения, ограждения, дороги, гидрография и гидросооружения, растительность, рельеф и пр.

Топографические планы крупных масштабов создаются различными геодезическими методами, но основным методом съемки памятников археологии был и остается метод тахеометрической съемки. Данные спутниковой привязки при таких работах даются, чаще всего справочно, при помощи обычных туристических GPS-навигаторов с невысокой точностью (от нескольких метров до нескольких десятков метров, в зависимости от условий приема). Это связано, прежде всего, с высокой ценой геодезического GPS-оборудования и отсутствием специализированной подготовки в данном направлении среди археологов.

В настоящее время для создания съемочного обоснования и топосъемки на археологических памятниках мы применяем оптические нивелиры, теодолиты и электронные тахеометры различных марок с различной угловой и линейной точностью.

В последние годы наметилась тенденция к использованию высокоточных ГНСС-систем, но, ввиду частого расположения средневековых памятников Приморья в гористой местности с густым лесным покровом, топосъемка такими методами значительно затруднена и в основном такое оборудование используется для создания планово-высотного обоснования.

Метод наблюдения, используемый при построении таких сетей, рекомендован инструкцией ГКИНП (ОНТА)-02-262-02 для съемок масштаба 1:2000, 1:1000, 1:500, высотой сечения рельефа 0,5 м. Это статика и быстрая статика, при которых наблюдения подвижным приемником (ровером) на точке, выполняются одним приемом продолжительностью от 30 мин. до 1 часа. Такой способ позволяет минимизировать ошибки и потери данных, вызванные затуханием и переотражением спутниковых сигналов.

При проведении геодезических работ нами используются: теодолит 2Т30, нивелир 4НЗКЛ, электронный тахеометр Nikon Nivo 5С, а также комплект спутниковых геодезических приемников TOPCON GB-1000.

Основной принцип формирования точности в геодезии – принцип от общего к частному, т.е. от более точных общих измерений к менее точным частным. При работе на памятниках археологии используется обратный принцип – менее точное определение плановых и высот-

ных координат точек на больших территориях (в рамках разведочного маршрута или общей территориальной области исследования) и более точное определение расположения точек при работе на объектах (памятниках, раскопах). По современным требованиям ориентирование и привязка объектов археологического наследия производится с невысокой точностью, достаточной лишь для их отыскания на местности и нанесения на планы средних масштабов. Исполнительная же съемка, напротив, ведется в масштабах 1:20 и крупнее, с соответствующей точностью [Вергунов, Постнов, 2006, с. 57–75].

В Приморье большинство памятников археологии расположены на пересеченной, залесенной местности и на достаточном удалении от пунктов государственной геодезической сети (от нескольких км до нескольких десятков км). Площадь большинства средневековых памятников не превышает 1 км² (в среднем около 50 га). По археологическим нормативам, при топографической съемке памятников должны получаться планы масштабом 1:1000 или крупнее, в зависимости от площади памятника. Поэтому с экономической и временной точек зрения, а также по причине небольших площадей съемки, съемочное обоснование на памятниках археологии чаще всего создается как самостоятельная геодезическая опорная сеть и не привязывается к пунктам ГГС. Первоначальная ориентировка проводится по буссоли.

Съемка обычно ведется в условной системе координат и высот.

Результатом такой съемки должен стать топографический план памятника, выполненный инструментальным спо-

собом. На нем должны быть обозначены в масштабе все раскопы, шурфы и траншеи как заложенные в отчетном сезоне, так и сделанные в более раннее время. На плане фиксируется репер, от которого в процессе раскопок ведутся все нивелировочные замеры [Положение, 2013, 32 с.].

За репер обычно принимают какую-либо точку твердого контура ситуации, обеспечивающую многолетнее сохранение своего планового и высотного положения. Либо закладывают свой репер, но, как правило, без соблюдения геодезических инструкций.

Большинство средневековых городищ Приморья – это горные памятники, расположенные между мысовидными отрогами горных гряд, либо непосредственно их занимающие. При съемке таких памятников из-за больших перепадов высот (на некоторых памятниках до 600 м), высотные отметки получают путем тригонометрического нивелирования.

Помимо непосредственной съемки довольно часто проводится уточнение существующих планов. Основной причиной уточнения и досъемки планов при проведении археологических работ является обнаружение новых объектов ситуации, не известных ранее по причине густого растительного покрова, труднодоступности места или по иным причинам. При проведении работ на памятниках археологии – досъемка является вполне допустимой, а в некоторых случаях необходимой процедурой.

По требованиям «Положения...» планы раскопов необходимо предоставлять в масштабе не крупнее 1:20. В связи с этим для выполнения исполнительных съемок, получения отметок на раскопах,

а также для съемки рельефа и ситуации в данном масштабе, проводится съемка методом геометрического нивелирования по квадратам.

Суть этого метода состоит в том, что на местности сначала разбивают сеть квадратов размером 1х1 м и ведут одновременно съемку плана. Затем производят геометрическое нивелирование точек, расположенных по вершинам углов квадратов.

На археологических памятниках Приморья устанавливается размер стороны квадратов в 1 м. Съемку ведут, как правило, с одной станции. Станция выбирается таким образом, чтобы можно было снять отметки с наибольшего числа вершин квадратов. Если перепад между вершинами велик и с одной станции снять все отметки не удастся, то снимают с нескольких станций с последующим пересчетом всех отметок в единой системе высот, применяемой на данном памятнике. Отчеты по рейке берутся один раз, с точностью до целых сантиметров с округлением. Нивелирование ведется последовательно, линиями, по вершинам квадратов. В полевом дневнике, на схеме нивелирования указывается направление хода отметок.

Сетку квадратов разбивают одновременно с закладкой раскопа. Раскопы представляют собой прямоугольники, стороны которых разбиты на метровые отрезки стальными или деревянными кольями. На колья, параллельными линиями в продольном и поперечном направлениях, натягивается шнур, физически образующий сетку метровых квадратов. Снятие отсчетов ведется на перекрестиях сетки.

В результате такой съемки получается топографический план раскопа в за-

данном масштабе с объектами ситуации и высотные отметки пластов и культурных остатков.

Суммируя вышесказанное, можно обозначить ряд особенностей создания съемочного обоснования:

Создание обоснования методом проложения теодолитных или тахеометрических ходов, либо спутниковых наблюдений;

Создание обоснования в виде свободной геодезической сети;

Ориентирование на местности по буссоли.

Особенности топографической съемки археологических памятников:

Съемка производится в условной системе координат и высот;

В основном применяются тахеометрическая съемка и нивелирование по квадратам;

При нивелировании применяются сравнительно малые размеры квадратов (1х1 м);

Проводится периодическое уточнение планов и досъемка;

Сезонность съемки (в основном май-октябрь).

Поскольку археологические планы относятся к категории специальных, на них часто применяются специфические условные знаки, отличающиеся либо заменяющие некоторые условные знаки, применяемые в геодезии.

Подводя итог, хочется отметить, что геодезические работы занимают значительное место в археологии. Но, к сожалению, большинство археологов не уделяют им должного внимания, а геодезисты не всегда видят или правильно понимают археологическую ситуацию. Поэтому в ближайшей перспективе предстоят разработка и применение на

практике методики съемки средневековых памятников Приморья, с учетом как геодезических так и археологических особенностей процесса съемки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вергунов Е.Г., Постнов А.В. Проблемы освоения геодезического пространства в археологических исследованиях // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях: Сборник трудов. – Вып. 11. – Новосибирск, 2006. – С. 57–75.
2. Вергунов Е.Г., Крейдун Ю.А., Постнов А.В. Информационное обеспечение полевых археологических и этнографических исследований методами археологической геодезии // Ползуновский вестник. – 2004. – № 3. – С. 42–51.
3. ГКИНП-02-033-82. Инструкция по топографической съемке в масштабах 1:5000, 1:2000, 1:1000 и 1:500. – М., 1982.
4. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации // Институт археологии РАН. – 2013.
5. Стариков, И.Е., Алексеев М.Д. Электронные тахеометры помогают изучать историю // Геопрофи. – М., 2004. – № 4. – С.42–44.

THE SPECIFIC FEATURES OF MAKING COMPILATION SURVEY AND TOPOGRAPHICAL FIELDWORK ON THE MEDIEVAL SITES OF PRIMORYE

© **A.P. Mikhal'chenko**

This article is devoted to the methods of geodetic works in the context of research on the territory of the medieval sites of Primorsky Krai. The specific features of making compilation survey and topographical fieldwork were analyzed.

Key words: archaeology, geodesy, Middle Ages, topographic survey, compilation survey.

АРХЕОЛОГИЯ ЯНАО В КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

© 2014 г. В.Ю. Могрицкая

Статья дает общее представление о специфике северной археологии, ее преимуществах и проблемах. Приводится краткая характеристика памятников на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Указываются основные этапы развития ямальской археологии. Описывается уникальность преемственных связей в традиционной культуре Севера.

Ключевые слова: археология севера, Арктика, вечная мерзлота, традиционная культура.

«Край Земли» – так в переводе с ненецкого языка на русский звучит название полуострова Ямал. Ямало-Ненецкий автономный округ – самостоятельный субъект Российской Федерации, расположенный на севере Западно-Сибирской равнины, занимает 769 тысяч квадратных километров. Более половины территории автономного округа находится за Северным полярным кругом.

Этническое и культурное своеобразие округа определяется тем, что Ямал является родиной коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Аборигенные этносы, заселяя ямальские широты в течение нескольких тысячелетий, сформировали яркую, самобытную культуру, максимально приспособленную к суровым климатическим условиям края. Около 40% коренного населения ведут традиционный кочевой образ жизни.

Столица Ямало-Ненецкого автономного округа и культурный центр территории – город Салехард. Именно здесь расположен один из старейших музеев севера Западной Сибири – Ямало-Не-

нецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского, являющийся хранителем большинства археологических коллекций, полученных в ходе исследований в регионе.

Самые выдающиеся коллекции – археологическую и палеонтологическую, объединяет один «формирующий» фактор – вечная мерзлота. Уникальность археологической коллекции определяется тем фактом, что территория Ямала представляет собой своего рода гигантский «морозильник», хранящий бесчисленное количество артефактов, недоступных в более южных широтах. На различных археологических конференциях часто можно услышать белозавистливые отзывы о раскопках на севере. Но они имеют свою цену: экспедиционный сезон в Арктике непомерно короток, и сами экспедиции имеют мало романтического черта летнего отдыха. А самым сложным в их проведении является то обстоятельство, что, получая массу изделий из органики, исследователи испытывают постоянную потребность в организации большого числа экстренных работ по

консервации и реставрации находок, со всеми вытекающими из этого трудностями. Так, художник-реставратор музейно-выставочного комплекса С.В. Питухин, непосредственно ведущий работу с поступающими артефактами, пришел к необходимости создания своей собственной методики работы с органическими материалами [Могрицкая, Питухин, 2013, с. 60].

Говоря о специфике северной археологии, необходимо отметить ее малоизученность. Действительно, систематические исследования в данной области начались в округе только в начале XXI века. До этого времени раскопки были эпизодическими и велись, как правило, учеными из Москвы и Ленинграда, только в 90-е годы стали организовываться экспедиции из городов Сибири и Урала. Необходимо отметить, что одну из ключевых ролей в истории формирования ямальской археологии сыграл великий советский исследователь В.Н. Чернецов. На сегодняшний день основная часть работ проводится исследователями, живущими и работающими на Ямале либо в соседних регионах. Серьезным прорывом в данном направлении можно считать создание в 2012 г. сектора археологии, в составе Научного центра изучения Арктики, а также принятие долгосрочной окружной целевой программы археологических исследований до 2015 г. В этом учреждении ведет свои исследования Ямальская археологическая экспедиция под руководством Н.В. Федоровой.

Каменный век на территории округа можно считать малоизученным. Обнаружено всего несколько стоянок эпохи мезолита, датируемых VI–V тыс. до н. э. [История Ямала, 2010, с. 28]. Кроме того,

имеются единичные случайные находки каменного инвентаря предположительно эпохи палеолита, но их датировка является крайне спорной [История Ямала, 2010, с. 26].

Памятники эпохи бронзы представлены немногими, но очень яркими объектами. Из коллекций памятников этого периода происходят прекрасные керамические сосуды и каменные орудия высокого качества [История Ямала, 2010, с. 47]. Однако количество выявленных памятников, хотя бы по сравнению с соседним Ханты-Мансийским автономным округом, просто мизерно.

С ранним железным веком ситуация неоднозначна. Всего в округе стационарно исследуется один памятник этого периода и буквально единицы выявлены. Зато исследуемый объект заслуживает отдельного внимания. Это Древнее святилище Усть-Полуй – I в. до н. э. – I в. н. э. [Гусев, Федорова, 2012]. Слово «Усть-Полуй» известно всем западно-сибирским археологам и этнографам, для многих из которых участие в раскопках на Усть-Полуе является предметом особой гордости. Находки из этого места очень разнообразны: иногда это прекрасные произведения искусства, а иногда – мрачные, даже пугающие образы (рис. 1). Насыщенность памятника настолько плотная, что часто, представляет собой буквально поиск предметов среди предметов. На этом древнем капище мы находим искусные изделия из бронзы, берестяные коробки с орнаментом, роговые изделия с художественной резьбой, деревянную антропоморфную скульптуру и многое другое.

Памятники эпохи средневековья представляют собой многочисленные временные стоянки, а также поселения в

бескрайней тундре и в таежной зоне. Находки из стоянок, как правило, представляют собой фрагменты керамических сосудов. А вот на поселениях перечень находок гораздо разнообразнее. Коллекции из таких памятников отражают материальную культуру средневековых оленеводов – это огромное количество разнообразных изделий и орудий труда из кости и рога северного оленя [История Ямала, 2010, с. 60; Кардаш, 2011].

К этому же периоду относятся несколько исследованных могильников. Особенного внимания заслуживает некрополь Зеленый Яр, откуда происходит мумия мужчины воина [Зеленый Яр, 2005, с. 106]. Мумификация останков произошла вследствие взаимодействия мягких тканей тела с медью, так как умерший был накрыт листами развернутого медного котла.

Своеобразными памятниками средневековья являются так называемые клады, в составе которых находятся самые удивительные вещи дальнего импорта: серебряные посуда и украшения из Волжской Булгарии, чаши из Византии, Сирии, Ирана и Западной Европы [Федорова, 2012, с. 127].

К эпохе позднего средневековья относится очень яркая группа памятников, объединенных сходными типами мерзлого культурного слоя и материального комплекса. Это так называемые аборигенные городки. Исследователи называют их резиденциями местных старинных княжеских родов Тайшиных и Карачеевых, а также ремесленными центрами. Подобные поселения просуществовали вплоть до XIX века [Кардаш, 2009; Кардаш, 2013; Федорова, 2006].

Этим же периодом датируется оплот русской государственности – Манга-

зья, первый русский город в Заполярье [Визгалов, Пархимович, 2007]. Он просуществовал всего 71 год, с 1601 по 1672 гг. Но за это короткое время Мангазья успела переправить в Москву огромное количество ценной пушнины, которая составляла тогда 15% от всего дохода царской казны.

Так в самых общих чертах выглядят основные вехи истории Ямальского Севера. Теперь, имея представление о прошлом, можно вернуться в настоящее.

Что первым бросается в глаза приезжему человеку, попавшему в окружающую столицу? Это даже не жуткий мороз и отсутствие деревьев. Это люди в странных нарядных одеждах, весело разделывающие двуручной пилой олени туши в центре города. Самая прелесть Ямальского Севера – в живой, бытующей и ярко демонстрирующей себя традиционной культуре.

На территории автономного округа проживает три коренных малочисленных народа Севера – ненцы, ханты и селькупы. Самым многочисленным (около 30 тыс. чел.) и соответственно титульным этносом являются ненцы, затем в резком убывании следуют ханты (около 10 тыс.) и селькупы (около 2 тыс.).

Большая часть коренного населения занята в традиционных видах деятельности, конечно, уже принявших промышленные черты. Самым очевидным отличием ненецкого населения от большинства северных народов является сохранение исторически сложившегося образа жизни, а именно, кочевого выпаса северного оленя.

Пытаясь соотнести вышеописанные картины прошлого и настоящего, вернемся к проблемам археологии. Что мы, северные «избалованные» археологи,

имеем? Мы имеем идеальную ретроспекцию. Грубо говоря, как оно было раньше, так оно есть и сейчас. Здесь мы наблюдаем органичное уживание многовековых традиций с современными реалиями.

Говоря о культурной перспективе, нам необходимо понимать, что северная культура не оставила после себя письменности. Алфавиты для ненецкого, хантыйского и селькупского языков были составлены в первой половине XX века. Так что заглянуть в историческое сознание этноса мы можем по большей части лишь посредством изучения эпоса и изобразительной культуры. Памятуя же о том, что для археологии эпос не является первоисточником, то получить информацию о знаниях и представлениях в древнем обществе мы можем лишь изучая материальные ценности культуры. Тут в полной мере встает тема искусства как своеобразного способа передачи наследия. Даже погребальный обряд можно рассматривать как своего рода изображение – инсталляцию – повествование. Все эти объекты археологического исследования могут восприниматься как элементы языка, используемого для одностороннего «контакта» с древним обществом.

Но нужно признать, что все равно все наши интерпретации, толкования и аналогии будут бесконечно далеки от того, о чем на самом деле думал человек, сидя на мерзлой земле и выцарапывая микроскопический образ на обломке меди. В этом есть некоторый трагизм археологии как науки – мы никогда не будем знать наверняка.

Оценивая вышесказанное, можно сказать, что раскрытие полярной культуры, кодов к ее пониманию пока еще находится в самом начале многотрудного пути познания. Накопление информации в прошлые годы шло очень медленно, но сегодня его темпы год от года растут в геометрической прогрессии. Взгляды научного сообщества обратились на высокие широты как на своеобразное белое пятно в исторической мозаике. В понимании формирования культурного пространства Севера, куда так называемое «цивилизованное» письменное общество пришло весьма недавно, археология как наука играет ключевую роль. Нашей задачей является постепенное заполнение бесчисленных лакун в истории Арктики, которая, как мы надеемся, подарит нам еще тысячи прекрасных открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 годов). – Нефтеюганск; Екатеринбург, 2007. – 320 с.
2. Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард, 2012. – 59 с.
3. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург; Салехард, 2005. – 368 с.

4. История Ямала: в 2-х томах. Том I: Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы. – Екатеринбург, 2010. – 416 с.
5. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009. – 360 с.
6. Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка. – Екатеринбург; Нефтеюганск, 2011. – 60 с.
7. Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард, 2013. – 380 с.
8. Могрицкая В.Ю., Питухин С.В. Орнаментированные берестяные изделия древнего святилища Усть-Полуй. Новые поступления и опыт реставрации // Материалы Всероссийской научной археологической конференции «Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи». – Екатеринбург; Сургут, 2013. – С. 60–65.
9. Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2008 гг. // Научный вестник. Вып. № 4(41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – Салехард, 2006. – С. 11.
10. Федорова Н.В. Повседневность, война и торговля в археологии Западной Сибири // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 3(36). – С. 124–132.

ARCHEOLOGY OF YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT IN CULTURAL PERSPECTIVE

© V.Y. Mogrinskaya

The article gives a general idea about the specifics of northern archeology, its benefits and challenges. A brief description of monuments in the territory of the Yamal-Nenets Autonomous District is given. The main stages of the Yamal archeology development are revealed. The uniqueness of continuative links in the traditional culture of the North are described.

Key words: northern archeology, Arctic, permafrost, traditional Culture.

Рис. 1. Антропоморфная скульптура из рога северного оленя. Древнее святилище Усть-Полуй (I в. до н. э. – I в. н. э.). Раскопки А.В. Гусева 2009 г.

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КИПЧАКОВСКОГО I КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МОРФОЛОГИЯ ЗУБОВ

© 2014 г. С.Э. Зубов, О.А. Калмина, О.В. Мясникова

В статье представлен первый опыт обработки одонтологического материала при изучении погребальных комплексов Кипчаковского могильника, памятника раннего железного века Иско-Бельского междуречья. По степени сформированности зубов и их стертости, удалось определить с достаточно высокой точностью возраст ребенка, кости которого не сохранились. Изучение одонтологического материала представляется крайне важным для определения болезней и расовой принадлежности населения, оставившего изучаемый памятник.

Ключевые слова: ранний железный век Волго-Уралья, Иско-Бельское междуречье, пьяноборская археологическая культура, естественнонаучные методы в археологии, одонтология.

В 2013 году финно-угорский отряд Средневожской археологической экспедиции проводил работы по археологическому изучению Кипчаковского I курганно-грунтового могильника. Памятник расположен на коренной террасе правого берега р. Сюнь, в 2,5 км к юго-западу от д. Кипчаково Илишевского района Республики Башкортостан. Могильник находится практически напротив городища в урочище «Хан-зиараты», примерно в 70–80 метрах к юго-западу от внешнего, напольного вала. Площадь укрепленного поселения, ограниченная двумя напольными и одним перекрывающим стрелку мыса валом, составляет около 4 га. На сегодняшний день это один из самых крупных среди известных укрепленных поселков пьяноборской культуры. Подъемный материал городища представлен характерными для пья-

ноборской культуры вещами и керамикой [Зубов, 2007].

Могильник представляет собой группу небольших курганов, которые, практически сливаясь друг с другом, образуют рядные цепочки. Археологическими работами выявлено, что межкурганное пространство заполнено грунтовыми захоронениями, имеющими определенную систему расположения. Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили отнести могильник к типу курганно-грунтовых.

Все захоронения совершены в простых могильных ямах. Костяки в могилах расположены вытянуто на спине. В ориентировке погребенных по сторонам света преобладают два направления: южное и восточное, при преобладании последнего.

Погребальный инвентарь из исследованных захоронений имеет многочис-

ленные аналогии в пьяноборских комплексах Икско-Бельского междуречья. Некоторые типы вещей близки инвентарю из погребений кара-абызских могильников среднего течения р. Белая.

При этом следует подчеркнуть, что абсолютно чуждая пьяноборским племенам традиция возведения курганных насыпей над могилами резко выделяет Кипчаковский могильник из всей массы пьяноборских памятников.

По совокупности всего погребального инвентаря, время функционирования исследованной части могильника предварительно определяется II–I вв. до н.э. – I в. н.э. [Зубов, 2007].

Всего на четырех раскопах могильника исследовано 246 погребений. Наиболее информативным является раскоп I, площадь которого на 2013 год составила немногим более 2 тыс. кв. м. В общей сложности на раскопе I в настоящее время под 8 курганными насыпями и в закурганном пространстве насчитывается 164 могилы.

Раскопками 2013 года была вскрыта площадь 106 кв. м (с прирезками), на которой было выявлено 16 могильных ям. Среди них исследовано детское захоронение (погр. 17) с большим количеством вещевого инвентаря. Все находки представляют собой разнообразные украшения одежды, обуви и головного убора.

К первому блоку украшений одежды следует отнести разнообразные бронзовые ажурно-прорезные накладки. Ими были украшены куртка и штаны. Каждый рукав был декорирован системой из трех накладок, расположенных с внешней стороны руки. По подолу рубахи и на груди располагались прямоугольные и квадратные ажурно-прорезные накладки-нашивки. Штаны украшены

одинаковым для каждой штанины комплектом украшений, состоявшим из трех больших плоских ажурно-прорезных накладок, разделенных между собой двумя рядами прямоугольных обжимных пластин с остатками кожи и одним рядом бронзовых трапециевидных подвесок. Верхняя часть украшений штанов была представлена узкими ажурно-прорезными пластинами. Важно отметить, что они были согнуты по форме ноги. Это позволяет отнести весь комплекс вышеописанных украшений, к украшениям штанов.

Обувь имела абсолютно одинаковую систему декорирования. Украшения каждой пары на подъеме стопы состояли из тонкой, слегка изогнутой узкой бронзовой полосы, имеющей на концах по одному отверстию для нашивания. Под ней ряд трапециевидных нашивок с отверстием для пришивания в узкой части. Ниже располагалась аналогичная, но более широкая пластина-нашивка, под которой находился ряд вытянутых треугольных пластин с отверстием для пришивания у основания. Обувь была расшита рядами синего бисера, расположенного между зонами бронзовых украшений.

На груди и в области шеи было найдено большое количество разнообразных по форме и цвету стеклянных бус. В системе украшений были найдены четыре бронзовые спирально-витые височные подвески по две штуки с каждой стороны головы и украшение под тленом черепа, отнесенное нами к накоснику. Накосник состоял из двух комплектов, каждый из которых включал две секции по четыре бронзовых витых трубочки, разделенных между собой желтыми бусинами. На накоснике располагалась

бронзовая накладка в виде стилизованного мифического животного и подвеска в виде скифского лука в горите, уже третья на этом памятнике [Зубов, 2004].

Костяк погребенного ребенка не сохранился. Фиксировался лишь еле заметный глен от черепа и от трубчатых костей конечностей под бронзовыми украшениями. Только зубы имели удовлетворительную сохранность.

Не секрет, что археологи довольно часто сталкиваются с проблемой плохой сохранности остеологического материала и для антропологической характеристики погребенного остаются только зубы.

Одонтологический материал погребения 17 был представлен изолированными зубами сменного прикуса и изолированными коронками непрорезавшихся зубов постоянного прикуса (рис. 1). Одонтологический анализ был выполнен О.В. Мясниковой, аспирантом НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия с консультацией доцента кафедры анатомии человека Медицинского института Пензенского государственного университета, к.м.н. О.А. Калминой.

При описании одонтологического материала использовались методические разработки Р.П. Самусева, С.В. Дмитриенко, А.И. Краюшкина [Самусев, Дмитриенко, Краюшкин, 2002].

Верхние и нижний левые резцы сменного прикуса имеют зеленоватое прокрашивание всех тканей зуба, что, скорее всего, явилось следствием нахождения их рядом с бронзовыми украшениями. Форма коронок резцов низкопризматическая, на лингвальной поверхности имеется слабое выступание краев, «лопатообразность» – 0–1 балл. Режущий край коронок верхних левых

резцов стерт до обнажения полосок дентина, верхушки бугорков клыков и моляров имеют сошлифованные верхушки бугорков, протоконоиды и гипоконулиды – точечные дефекты эмали на фоне сошлифованной поверхности.

Частично сохранные корни моляров и клыков разрушены в верхушечной трети, в шеечной трети всех зубов имеются мелкие дефекты с неровными краями и матовой поверхностью, с истончением шейки зубов различной степени выраженности: корень верхнего первого левого резца резко истончен в шеечной трети, верхушка отсутствует, поверхность матовая, с полным обнажением дентина. Первые моляры верхнего и нижнего рядов имеют максимальное разрушение корня в шеечной трети с атрофией вестибулярных корней.

Эмаль имеет мелкие прижизненные точечные дефекты, умеренную поперечную исчерченность, неравномерное прокрашивание.

Также в материале имеются изолированные коронки непрорезавшихся зубов постоянного прикуса. Эмаль молочно-коричневого цвета, с поперечной исчерченностью.

Коронка верхнего медиального резца крупная (рис. 1), широко-призматической формы. В мезиальной и дистальной нормах определяется бугорок мезиального и дистального контура на границе окклюзионной и средней трети коронки. На лингвальной поверхности бугорок слабо выражен, раздвоен.

Коронки латеральных резцов прямоугольные, коронка левого резца выше, с более выраженным признаком угла коронки. Коронка правого резца имеет низкопрямоугольную форму.

Коронки медиальных нижних резцов высокопризматической формы, признаки латерализации на медиальных резцах не определяют, коронки латеральных нижних резцов несколько шире, признак угла коронки определяется.

Коронки клыков некрупные, пятиугольные. Коронки нижних клыков незначительно меньше верхних, лингвальная поверхность хорошо дифференцирована. На лингвальной поверхности верхних клыков имеются треугольные ямки и слабо заметный промежуточный бугорок дистального ската. Режущий край нижних клыков имеет трехбугорковую форму, более заметен дистальный бугорок.

Коронки первых верхних премоляров имеют крупный вестибулярный бугорок и заметно меньшего размера лингвальный.

Коронки нижних первых премоляров имеют незначительно дифференцированный лингвальный бугорок с латеральным утолщением.

Жевательная поверхность верхнего моляра – четырехбугорковая.

На жевательной поверхности верхнего моляра имеется косой гребень с понижением высоты в центральной части, мелкий мезостиль (между параконусом и метаконусом). Протоконус значительно дифференцирован, лингвальная часть косоугольного гребня образована главным гребнем протоконуса, вестибулярная часть – дистальным гребнем метаконуса. Задняя борозда протоконуса впадает в дистолингвальную борозду и дробит протоконус с формированием дистолингвального стилеподобного бугорка.

Жевательная поверхность нижних моляров пятибугорковая, Y5.

Таким образом, представленный набор изолированных молочных зубов соответствует полностью сформированному молочному прикусу в начале стадии стирания, в возрасте 3–4 лет. Этому возрасту соответствует также набор сформированных коронок постоянных зубов без признаков формирования корней. Неравномерное стирание режущих краев верхних резцов свидетельствует об имевшейся вероятной асимметрии прикуса. Морфология жевательной поверхности моляров относится к достаточно широко распространенному типу, имеющемуся как в архаичных наборах, так и на зубах современных людей, однако наличие мезостыля и высокодифференцированного протоконуса – редко встречающиеся особенности.

В дальнейшем, когда серия обработанных одонтологических материалов будет больше, мы надеемся, что это поможет определить структуру и рацион питания. Определение состава и качества пищи позволит приблизиться к решению вопросов о преобладании земледельческого или скотоводческого направления в экономике, оценить распространенность болезней зубочелюстной системы (кариеса, пародонтоза, воспалительных процессов, опухолей), уточнить расовую принадлежность и таким образом выйти на решение этнокультурной принадлежности населения, оставившего этот яркий и во многом уникальный памятник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zubov S.E. География и хронология подвесок в виде скифского лука // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.: Тезисы докладов. – Волгоград, 2004. – С. 177–182.
2. Zubov S.E. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2007. – Вып. 6–7. – С. 72–88.

CHILDREN'S BURIAL FROM KIPCHAKOVSKY I KURGANNO-GRUNTOVOGO OF THE BURIAL GROUND: ARCHAEOLOGICAL CONTEXT AND MORPHOLOGY OF TEETH

© S.E. Zubov, O.A. Kalmina, O.V. Myasnikova

In the article the first experience of odontological methods usage for studying the antropological material from Kipchakovo burial ground is presented. Kipchakovo burial ground is an archeological monument of the early period of the Iron Age, which is located in the interfluve of the river Ik and the river Belaya. The study of odontoglyphica made possible to determine age of child, whose bones have not remained. This method is very important for specification of food ration, identification of the direction of economy, definition of diseases and race of people, which lived in this area.

Key words: early period of the Iron Age of the Volga-Ural region, an Ik and Belaya interfluve, Pryanoborye archaeological culture, science methods in archeology, an odontology.

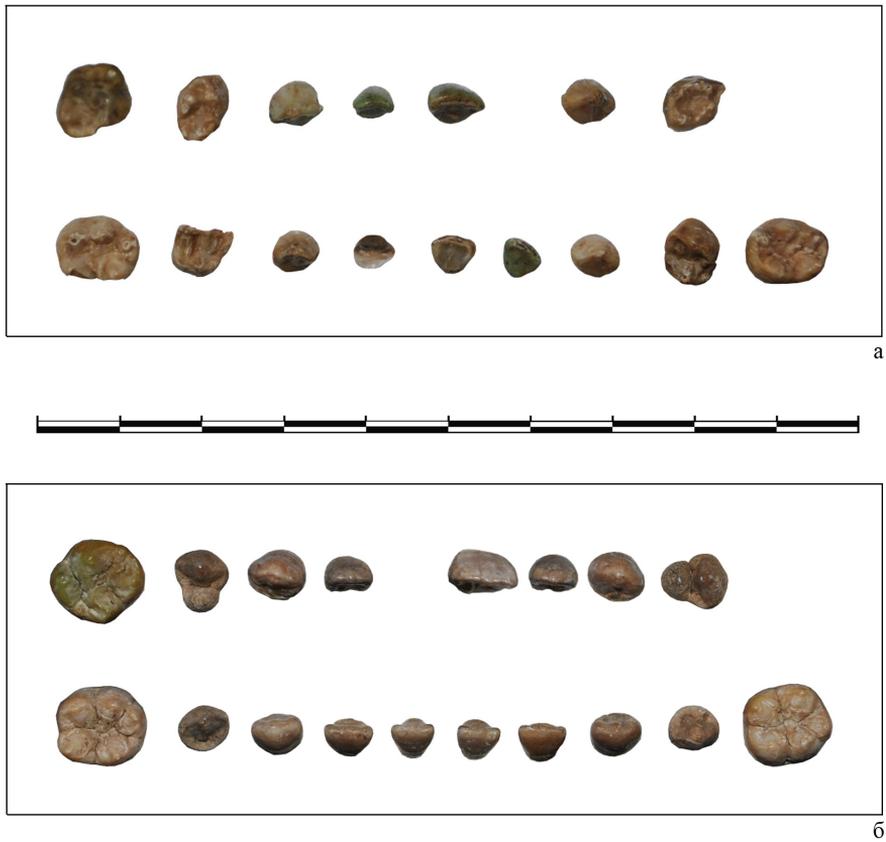

Рис. 1. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник. Раскоп I, погребение 17 (2013).

Примечание:

а – зубы сменного прикуса (окклюзиальная поверхность);

m2 m1 c i2 i1 – 0 0 c m1 0

m2 m1 c i2 i1 – 0 i2 c m1 m2

б – зубы постоянного прикуса (окклюзиальная поверхность)

M1 0 P1 C I2 0 – I1 I2 C P1 0 0

M1 0 P1 C I2 I1 – I1 I2 C P1 0 M1

РУЧНОЕ МЕТАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ РУСИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ ТИПОЛОГО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

© 2014 г. В.А. Плавинский

Работа посвящена всестороннему исследованию формирования и развития комплекса ручного метательного оружия дальнего боя X–XV вв. на территории западных земель Руси. В контексте многочисленности находок наконечников в напластованиях древнерусских и позднесредневековых поселений и, вместе с этим, слабостью изученности проблемы в восточноевропейской археологии, данная работа представляется весьма актуальной. В результате проведенных исследований автором проекта выделено три крупных этапа в развитии комплекса ручного метательного оружия (лука и арбалета), определены подходы к корректировке имеющихся типолого-хронологических схем.

Ключевые слова: оружие, лук, арбалет, стрела

Элементы оружия дальнего боя, в первую очередь наконечники стрел лука и арбалета, являются категорией находок часто встречаемых в напластованиях памятников древнерусского времени и позднего средневековья. Многие группы типов и отдельные типы требуют отдельных исследований. Предлагаемая работа является обзором актуальных проблем, связанных с интерпретацией наконечников стрел с территории западных земель Руси и рассмотрением возможностей их решения.

В значимой степени актуальность подобной работы определяется уровнем исследованности проблематики. Многочисленные работы по истории вооружения Древней Руси и соседних регионов создали детальную картину эволюции комплекса оружия ближнего боя и защитного вооружения. Однако вопросы, связанные с ручным метательным оружием дальнего боя древнерусского периода, остаются слабоосвещенными в восточ-

ноевропейской литературе с середины 1960-х годов. Исследования, связанные с данной проблематикой на территории Беларуси, фактически отсутствуют.

Наиболее монументальной работой, посвященной древнерусскому оружию дальнего боя, в русскоязычной археологии является монография А.Ф. Медведева «Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв.» [Медведев, 1966]. На основе 6,5 тысяч находок со всей территории Руси и прилегающих регионов автором была разработана наиболее мобильная типология средневековых наконечников стрел лука, используемая и сейчас абсолютным большинством исследователей. К находкам с территории Руси системно обращались и обращаются А.Р. Артемьев, А.Н. Кирпичников, С.Ю. Каинов, К.А. Михайлов и др. [Кирпичников, 1976; Каинов, 1999, с. 49–62]. Особый интерес представляет работа О.В. Двуреченского, посвященная позднесредневековым находкам на-

конечников стрел [Двуреченский, 2007]. Самая монументальная работа, посвященная арбалетному вооружению Восточной Европы, сделана Г. Рацкявичусом [Rackevičius, 2002].

В качестве основополагающего метода интерпретации рассматриваемого материала предлагается:

а - систематизация наконечников на основании их морфологических особенностей, стратиграфического и планиграфического положения и археологических контекстов в культурном слое городов, укрепленных и сельских поселений;

б - выделение серий технологически близких наконечников стрел и отдельных несерийных находок и поиск аналогий как на сопредельных территориях, так и в Евразийском регионе в целом, с целью определения основных направлений военно-технических контактов населения;

в - анализ результатов естественнонаучных исследований наконечников стрел с целью выявления групп наконечников разных технических традиций, отражающих как местное производство, так и поступивших извне, в первую очередь, в результате военных конфликтов.

Всего автором собрано и обработано более тысячи наконечников стрел лука и арбалета с территории Беларуси.

Изучение находок наконечников стрел позволяет определить следы военных конфликтов, нападений на поселения. Установление происхождения некоторых типов наконечников стрел позволяет определить направления военно-политических контактов населения западной Руси. К таким типам относятся североевропейские ланцетовидные наконечники, степные и монгольские

стрелы, арбалетные болты, бывшие на вооружении у крестоносцев.

Материал, обнаруженный в напластованиях памятников на территории Беларуси, позволяет определить три этапа эволюции ручного метательного оружия.

X–XI вв. характеризуются доминированием плоских стрел, что связано, в первую очередь, с уровнем развития защитного вооружения. Большинство типов наконечников данного периода не приспособлены для стрельбы из сложносоставного лука. Среди наиболее распространенных форм наконечников – втульчатые двушипные, черешковые плоские с пером ромбовидной и ланцетовидной формы. Ланцетовидные стрелы имели североевропейское происхождение и были распространены в эпоху викингов.

Период XII–XIII вв. характеризуется расширением ассортимента наконечников стрел. Значительно увеличивается количество бронебойных наконечников, предназначенных для поражения противника в доспехе. Также увеличивается количество стрел, предназначенных для стрельбы из сложносоставного лука, что позволяет говорить об его распространении в данный период. С середины XIII в. фиксируются значительные коллекции монгольских типов наконечников, в первую очередь, в городах и укрепленных поселениях, сожженных монголами. Однако находки в напластованиях памятников, жители которых не сталкивались с монголами, позволяют предполагать, что монгольские традиции и технологии были заимствованы и усвоены местными ремесленниками-оружейниками. На данный период приходится наибольшее разнообразие типов и форм наконечни-

ков стрел – втульчатые граненые, черешковые плоские ромбовидные, клиновидные, листоподобные, лавролистные, срезневидные, черешковые граненые шиловидные, килевидные, бронебойные различных форм.

Период конца XIII–XV вв. характеризуется унификацией и сокращением типологического ассортимента наконечников. Главной отличительной чертой периода является появление арбалетного вооружения. Вместе с тем единичность находок арбалетных болтов и деталей арбалетов в крупнейших центрах, жители которых непосредственно сталкивались с крестоносцами, отсутствие таких наконечников в напластованиях других памятников свидетельствует о нешироком распространении арбалета в рассматриваемом регионе.

Имеющиеся факты говорят о проникновении арбалета на территорию Беларуси с северо-запада от немецких рыцарей. Допустив возможность единичных случаев проникновения арбалетов на запад Белорусского Подвинья с первых эпизодов контактов с крестоносцами, с начала XIII в., можно констатировать, что широкого распространения в этот период данное оружие не получило. Как историческая канва, так и морфология болтов свидетельствуют о том, что арбалет начал проникать в рассматриваемый регион вследствие контактов с рыцарями, участвовавшими со второй половины XIII в., и распространился на территории Беларуси в период между серединой XIII – серединой XIV в. Именно так могут датироваться все имеющиеся в нашем распоряжении болты из рассматриваемого региона. Малое количество арбалетных стрел на территории Беларуси, в комплексе с большим коли-

чеством стрел лука самых разнообразных типов, объясняется, вероятно, тем, что широкого распространения арбалет здесь не получил. Вероятнее всего, данное вооружение не получило распространения в регионе вовсе, и воины не только Белорусского Подвинья, но и территории Беларуси в целом, перешли от использования луков к огнестрельному оружию, миновав стадию использования арбалета, доминировавшего в комплексе оружия дальнего боя в Западной Европе XIII–XIV вв.

Таким образом, информативность многочисленных находок наконечников стрел весьма и весьма высока, поэтому эти находки требуют отдельного системного исследования.

Создание новой уточненной типолого-хронологической схемы эволюции наконечников стрел лука и арбалета, верифицированной на основании изучения археологических контекстов и дополненной результатами естественнонаучных исследований, позволит использовать материалы с территории Беларуси в качестве эталонных для изучения вопросов эволюции оружия дальнего боя на территории Древней Руси. Дальнейшая работа может проводиться путем сравнения находок наконечников стрел из других регионов Древней Руси, Юго-Восточной Прибалтики, Центрально-Восточной Европы, Южной Скандинавии с целью выделения региональных особенностей типологического ассортимента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков / О.В. Двуреченский // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. – Вып. 3. – М., 2007. – С. 277–331.
2. Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. - Спб., 1999. – С. 49–62.
3. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв.– Ленинград, 1976. – 136 с.
4. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников СССР. – Вып. Е1–36. – М., 1966. – 184с.
5. Rackevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. – Vilnius, 2002. – 296 p.

HAND THROWING WEAPONS OF POPULATION OF THE WESTERN RUS LANDS: DETERMINATION OF THE APPROACHES TO TYPOLOGICAL AND CHRONOLOGICAL EVOLUTION

© **Ul. Plavinski**

The article is devoted to the study of the formation and development of hand throwing weapon complex from the territory of the western lands of Rus in the 10th-15th c. This work seems to be relevant in the context of the large number of finds of shapes in cultural layers of ancient-rus and late-medieval settlements and, at the same time, the weakness of scrutiny of the problem in Eastern European archeology. As a result of the research three stages of the development of hand throwing weapon complex (bow and crossbow) were identified and the approaches to adjust typological and chronological schemes were defined by the author.

Key words: weapon, bow, crossbow, arrow

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ

© 2014 г. Е.В. Русланов

В статье представлено видение автора на проблемы формирования и выделения такого до конца не ясного явления, как археологический микрорайон (АМР). Приводится основанный на многочисленных публикациях и собственном опыте алгоритм исследования АМР. Дается набор методических приемов, способствующих всецелому изучению и раскрытию внутреннего содержания АМР и получению полноценной картины существования человеческих коллективов на его территории.

Ключевые слова: методика, археологический микрорайон, естественнонаучные методы, миграции.

Необходимо признать, что археологические микрорайоны (далее АМР) это объективно существовавшая историческая реальность. Правомерность данного утверждения объясняется тем фактом, что во все исторические эпохи человеческим коллективам было свойственно заселять наиболее благоприятные экологические ниши и благодаря природе человеческого бытия селиться совместно, образуя компактные группы, ныне фиксируемые в качестве комплексов поселенческих и погребальных памятников, являющихся составными компонентами археологических микрорайонов.

Сам термин «археологический микрорайон» используется отечественными археологами уже более полувека [Кузьмина, 1965, с. 40–51]. К настоящему времени общепринятого определения такой категории, как АМР окончательно не выработано. Часть исследователей считает, что это территория с достаточно четкими геоморфологическими и микроландшафтными границами, насыщенная памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности как

синхронными, так и разновременными, сложившимися на базе благоприятной экологической ситуации [Косинцев, 2004, с. 51–54; Полеводов, Плешкова, 1998, с. 48–53; Бородовская, 2009, с. 15–19; Волков, 2007, с. 117; Сумин, 2006, с. 3; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с. 13.; Зубков, 1994, с. 36; Татаурова, 1994, с. 86]. Другие видят в АМР не ограниченную какими-либо рамками поверхность суши, считая, что площадь археологических микрорайонов может быть достаточно большой [Матющенко, 1997, с. 29–43; Нижнетарский..., 2001, с. 45; Илюшин, 2004, с. 40–44; Татаурова, с. 82–85; Татауров, Татаурова, Тихонов, 2011, с. 42]. По совокупности имеющихся сейчас дефиниций было синтезировано следующее определение: АМР – это ограниченная по площади территория с определенными геоморфологическими и микроландшафтными границами, насыщенная археологическими памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности как синхронными, так и разновременными, сложившимися на базе благоприятной

экологической ниши [Русланов, 2013, с. 41-43]. Модель формирования АМР предполагает следующие этапы:

- наличие оптимальной территории;
- миграция¹ человеческого коллектива;
- хозяйственная деятельность мигрировавшего коллектива, направленная на освоение АМР;
- сакрализация пространства;
- устройство меморативных (погребально - поминальных) комплексов;
- уход (вымирание, уничтожение) первичного коллектива;
- начало археологизации объектов АМР;
- вторичное заселение территории АМР;
- частичное либо полное повторение стадий освоения АМР;
- археологизации объектов АМР и т.д.;
- завершение формирования АМР с началом археологизации самого позднего в хронологическом отношении объекта [Русланов, 2013, с. 110–113].

Приступая к работе с территорией интуитивно относимой к числу АМР, исследователь должен критически подходить к источникам, т.к. не каждое скопление археологических объектов правомерно относить к АМР. На основе анализа всех доступных исследований можно выделить следующие признаки выделения АМР на сегодня.

¹ Миграция - один из наиболее важных факторов формирования АМР. В ходе миграций происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» человеческих коллективов, происходящие миксации вызывают к жизни новые черты материальной культуры, что отражают памятники АМР.

1. Наличие местности, определяемой какими-либо естественными, геоморфологическими границами. Здесь стоит согласиться с новосибирскими археологами, полагающими, что в само понятие микрорайон уже изначально заложена идея весьма ограниченного пространства [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с. 13].

2. Наличие различных ландшафтных типов, способствующих развитию и ведению комплексного хозяйства. Данное обстоятельство, возможно, являлось основополагающим элементом при выборе населением территории АМР.

3. Включение в микрорайон памятников различных видов и культурной принадлежности, отражающих все исторические этапы развития и существования АМР.

Впервые методика изучения АМР была сформулирована А.Т. Синюком. В самых общих чертах она сводится к использованию космических съемок, метода пунктирного зондирования, геофизического и геохимического методов определения параметров объектов и состояния почвенных структур. Каждый археологический объект, в структуре АМР, помимо топографической и функциональной оценки должен получить четкую позицию в системе природно-географических реконструкций (на базе методов палинологии). Только с учетом данных остеологии, спектрального анализа, технологического моделирования и методов точных датировок можно надеяться на осуществление познания АМР [Синюк, 1990, с. 5–7]. Предложенная схема изучения АМР самому исследователю казалась мало выполнимой ввиду отсутствия необходимой на тот момент методической базы. На современном

этапе изучения АМР предложенная А.Т. Синюком схема исследования, с общим развитием археологии и естественнонаучных дисциплин, вполне осуществима [см. напр.: Волков, 2007] и включает в себя кабинетные, архивные, лабораторные и полевые методы изучения.

Является ли избранный для изучения комплекс памятников АМР или нет? С этого вопроса начинается первоначальное изучение территории АМР. А ответить на него помогут методы картографирования, необходимые для создания максимально подробной и точной археологической карты территории АМР, для определения территориальных рамок явления, геоморфологической, ландшафтной нагрузки, возможно, некоторых других природных показателей. И, если эти показатели совпадают с принятыми исследователем критериями, то группу памятников можно считать АМР. До начала полевых работ на памятниках выделенного АМР следует подробно изучить историю изучения памятников АМР, существующую документацию, паспорта памятников, их планы и описания, картографические материалы. Эта процедура применяется в целях устранения неточности в нумерации и привязках памятников, описаниях отдельных объектов, системе выделения памятников. Далее следует этап полевого изучения памятников АМР. Первостепенную роль приобретает археологический поиск с использованием космических снимков территории АМР. Следующим шагом станет топографическая съемка АМР с нанесением геоморфологической ситуации и всех видимых на местности археологических объектов, фотофиксация, подробное описание памятников, определение их приурочен-

ности к ландшафту и формам рельефа. Далее следует этап раскопок памятников разных типов и периодов, шурфовка площади АМР для выявления скрытых объектов, построения хронологической, культурной колонки комплексов, а также для сбора данных, необходимых при реконструкции климата и условий обитания человека в пределах АМР. Все эти методы можно отнести к первичному исследованию АМР. Более глубокое исследование АМР связано с изучением реальной исторической общности людей, оставивших АМР. Этот этап нужно связывать с проблемами особенностей освоения территории локальными группами населения, их экономикой и взаимодействиями, миграциями, применяя методы палеоэкономики, палеоэкологии, геологии, точного датирования, палеодемографии, палеозоологии, почвоведения, территориально-хозяйственного районирования, изучения особенностей зон проживания, освоения «культурных территорий» [Нижнетарский..., 2001, с. 49]. В сложившейся ситуации алгоритм изучения конкретного АМР видится следующим образом:

- 1) использование методов картографии и геоморфологии, позволяющих определить специфику расположения археологических памятников и их вписанности в окружающий ландшафт;
- 2) сбор материала и подготовка работы, использование традиционных археологических методов полевых археологических исследований;
- 3) использование метода сравнительно-типологического анализа, позволяющего произвести корректное сопоставление керамики и инвентаря изучаемых памятников;

4) применение методов комплексного исследования археологического источника, основанных на сочетании археологических методов с методами естественных наук в области экологии, геологии и географии.

В итоге работ исследователь может получить реальную историческую картину жизни населения, оставившего па-

мятника АМР. Таким образом, изучение АМР возможно с помощью всех известных в настоящее время методов. Их использование определяется характером памятников и того материала, который получает исследователь в ходе работы с АМР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородовская Е.Л. Археологические микрорайоны горной долины Нижней Катуни // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2009. – С. 20–24.
2. Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. – Новосибирск, 2007. – 224 с.
3. Зубков В.С. Археологические микрорайоны и их роль в изучении культур палеометалла Хакасско-Минусинской котловины // Археологический микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1994. – С. 36–38.
4. Илюшин А.М. Урской археологический микрорайон в эпоху бронзы // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2004. – С. 40–44.
5. Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. – М., 1965. – № 4. – С. 40–51.
6. Косинцев П.А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2004. – С. 51–54.
7. Матющенко В.И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1997. – С. 29–43.
8. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск, 2003. – 174 с.
9. Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001. – 256 с.
10. Полеводов А.В., Плешкова Е.А. Археологический микрорайон к северу от Больших Крутинских озер // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1998. – С. 48–53.
11. Русланов Е.В. О правомерности выделения Береговского археологического микрорайона в лесостепном Приуралье // XIX Уральское археологическое совещание. – Сыктывкар, 2013. – С. 41–43.
12. Русланов Е.В. Формирование археологического микрорайона как историко-культурной единицы исследования. Выделение Береговского археологического микрорайона // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Ульяновск, 2013. – С. 110–113.

13. Синюк А.Т. Археологический микрорайон: концепции и методологический аспект // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. – Воронеж, 1990. – С. 5–7.

14. Сумин В.А. Крохалевский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья: автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2006.

15. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. – Омск, 2011. – 196 с.

16. Татаурова Л.В. К вопросу об изучении керамики археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1994. С. 86.

METHOD OF ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICTS STUDYING

© E.V. Ruslanov

The article presents the author's view of the problems of the formation and allocation of the archaeological microdistrict. the methods of archaeological study of this phenomenon are analyzed.

Key words: method, archeological microdistrict, science methods, migration.

БАБОЧКОВИДНЫЕ ФИБУЛЫ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: СОСТАВ СПЛАВА И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

© 2014 г. Т.М. Сабирова

На основе рентгенофлуоресцентного анализа состава металлических сплавов застежек и их трасологического анализа определены технологические схемы изготовления бабочковидных фибул Тарасовского могильника.

Ключевые слова: фибулы, рентгенофлуоресцентный анализ, технология изготовления, трасологический анализ.

Фибулы являются застежками одежды, современный аналог которых – броши. Получив большое распространение в Римской империи, фибулы стали предметом товарно-обменных отношений, что позволило использовать их как хронологические маркеры для археологических материалов Восточной Европы.

Материалы Тарасовского могильника I–V вв., расположенного в Удмуртском Прикамье, обладают самой большой коллекцией импортных образцов фибул и их местных вариантов – бабочковидных фибул [Голдина, 2003; 2004]. Комплексное изучение вопросов их изготовления позволит определить уровень развития цветной металлообработки местного населения: сырьевую базу мастеров и их производственные навыки.

Изучение состава металлических сплавов, из которых изготовлены фибулы, проводилось при помощи спектрометра S1 Turbo SD LE (благодарю к.и.н., с.н.с. Института истории и культуры народов Приуралья С.Е. Перевощикова за помощь в проведении измерений). Процедуры проведения исследования и подсчета результатов измерений неодно-

кратно апробированы авторами на материалах синхронных памятников [например: Голдина, Перевощиков, Сабирова, 2012].

Из 147 фибул Тарасовского могильника 62 экземпляра относятся к т. н. бабочковидным фибулам. Согласно классификации Т.И. Останиной, среди этого типа фибул выделяются пять вариантов [Останина, 1997, с. 42–47]. Однако для характеристики технологии их изготовления логично выделить только два варианта – бабочковидные фибулы, выполненные из цветного металла (вариант 1–4 по Останиной) и биметаллические фибулы с железной основой (вариант 5) (рис. 1).

Проведенные измерения двадцати застежек удовлетворительной сохранности позволили выявить шесть типов сплавов, из которых изготовлены тарасовские бабочковидные фибулы, согласно классификации Н.В. Енисовой, Р.А. Митоян и Т.Г. Сарачевой [Коновалов и др., 2008]. Наиболее часто фибулы изготавливались из различных видов латуни: многокомпонентной (CuZnPbSn, 9 экз.), двухкомпонентной (CuZn, 4 экз.),

оловянной (CuZnSn, 2 экз.). Остальные проанализированные экземпляры изготовлены из многокомпонентных бронз (CuSnPb, CuSnZn, CuSnPbZn – 5 экз.).

Основной легирующий компонент латуней – цинк – не встречается в виде природных соединений в Волго-Камском бассейне, так что импортное происхождение прикамских латуней, несомненно. Находки слитков высокоцинковистой латуни в погр. 1679 и 1850 Тарасовского могильника [Перевошиков, Сабирова, 2014] наглядно показывают наличие путей поступления импортного металла к местному населению. Вместе с тем факт изготовления тарасовских бабочковидных фибул из привозного материала доказывает особую важность этого типа украшений, их особую роль как индикатора высокого имущественного положения.

Знания о составе металла фибул важны также при определении технологии их изготовления. В восточных провинциях Римской империи уже с I в. до н. э. латуни активно применяют в производстве украшений и даже монет [Енисова и др., 2000]. Основными традиционными способами обработки этого сырья были литье и чеканка. Трасологический анализ поверхности бабочковидных фибул Тарасовского могильника позволил выделить набор производственных операций, которые применялись при изготовлении фибул. Совокупность и последовательность этих операций составляет технологическую схему производства изделия.

Первая производственная группа фибул имеет отлитую в открытой плоской форме заготовку щитка, пространство которого украшено орнаментом, нанесенным чеканками различной формы. К щитку присоединены при помощи заклепок изготовленные отдельно пружинное устройство и приемник. Вторая производственная группа фибул имеет щиток, раскованный из железной заготовки. Щиток украшался прямыми или изогнутыми пластинками цветного металла с выбитыми на них точками. Пластинки крепились к основе при помощи стерженьков-заклепок. Также декор фибул этой группы представлен горошинами-заклепками, которые пробивают железную основу застежки.

Таким образом, для изготовления бабочковидных фибул использовали такие приемы обработки металла, как литье,ковка, чеканка, резьба, клепка.

Проверить результаты, полученные в ходе трасологического анализа фибул, уточнить последовательность производственных операций поможет экспериментальное воспроизведение процесса изготовления фибулы. Вместе с тем уже сейчас ясно, что производство фибул – трудоемкий и энергозатратный процесс, требующий от мастера использования разнообразных производственных приемов и знаний о свойствах различных типов металлов. Этот факт говорит о достаточно высоком уровне развития цветной металлообработки у населения, оставившего Тарасовский могильник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. II. – Ижевск, 2003. – 721 с.
2. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. I. – Ижевск, 2004. – 319 с.
3. Голдина Р.Д., Перевощиков С. Е., Сабирова Т. М. О составе металла некоторых украшений Нырғындинского I могильника II–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // в книге: Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Нырғындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 22. – Ижевск, 2012. – С. 341–362.
4. Енисосова Н.В, Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 2000. – С. 99–111.
5. Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 326 с.
6. Перевощиков С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского государственного университета. – 2014. – № 1 (в печати).
7. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М., 2008. – 191 с.

FIBULAE FROM THE TARASOVSKY CEMETERY: TYPES OF METAL ALLOYS AND PRODUCTION TECHNOLOGY

© **T.M. Sabirova**

On the basis of XRF analysis of the fibulae's metal alloys and trasology analysis the technological schemes of production of the fibulae from Tarasovsky cemetery were defined.

Key words: fibulae, XRF analysis, production technology, trasology analysis.

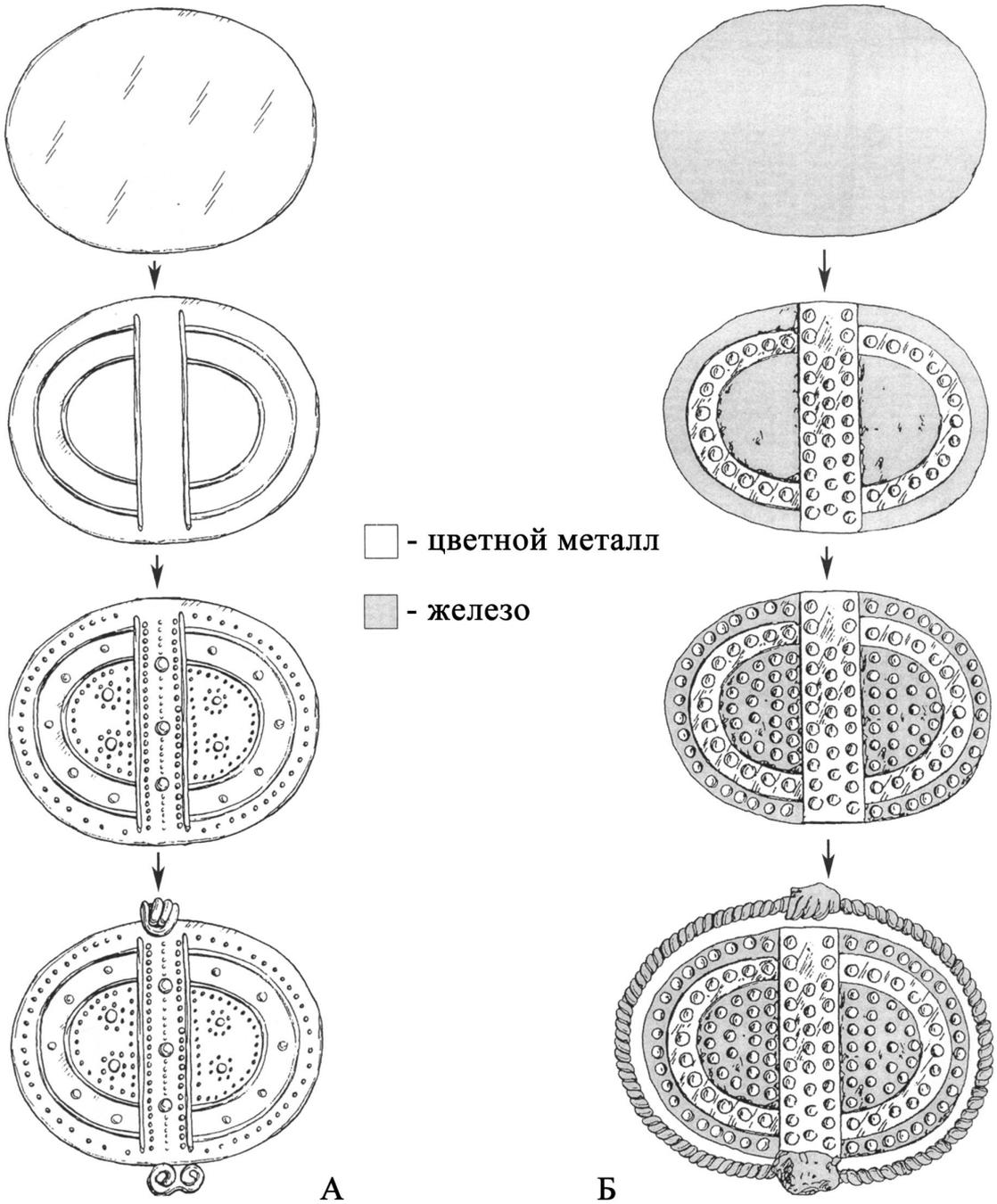

Рис. 1. Этапы изготовления бабочковидных фибул Тарасовского могильника.
Примечание: А – первая производственная схема, Б – вторая производственная схема.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРУГИ

© 2014 г. Е.А. Сапухина

Статья содержит палеодемографическую характеристику популяции Царевского городища и его округа золотоордынского времени. В ней рассматриваются половозрастной состав населения, показаны пики смертности в различных возрастных когортах с интерпретацией факторов, влиявших на ту или иную группу людей. Кроме того, в работе приведен сравнительный анализ демографической картины Царевского городища и округа на фоне синхронных групп, и выделены особенности данной популяции.

Ключевые слова: палеодемография, половозрастные структуры, Царевское городище, Золотая орда.

Царевское городище – крупнейший населенный пункт Золотой Орды. Памятник располагается на западной окраине с. Царев Ленинского района Волгоградской области. Для демографического анализа использованы результаты половозрастного определения 212 индивидов. Материал был получен в ходе одновременных раскопок как самого Царевского городища, так и курганных могильников его округа (Царев, Маляевка, Солодовка, Колобовка и Зубовка). Костные останки 75 индивидов были определены как женские, 72 – мужские, 65 – детские. Соотношение по полу находится в пределах нормы, с небольшим преобладанием в сторону женщин (49% : 51%).

Дети и подростки составляют 30,6% от общего числа индивидов в серии. На возрастную группу от рождения до 5 лет приходится 21,7% смертей по всей выборке и 64,6% от общего числа детей. Высокая смертность в возрасте первого детства отмечается практически для всех популяций начиная с верхнего палеоли-

та и до средневековья. Причиной могут служить инфекционные заболевания и стрессовые ситуации, связанные с недостатком в организме микроэлементов (цинга и рахит) [Перерва, 2013, с. 562].

Средний возраст смерти в популяции с учетом детей (28,4 лет). Средний возраст смерти взрослого населения довольно высокий (39 лет), что свидетельствует об успешном преодолении большей частью популяции стрессовых ситуаций детского возраста.

Наибольшее количество смертей в исследуемой группе Царевского городища и его округа приходится на детский (до 5 лет) и на старческий возраст (50+). Для серии характерен несколько заниженный процент смерти в молодом возрасте (15–35 лет) и по объединенной выборке составляет 27%. Повышение кривой смертности, кроме крайних возрастных когорт, наблюдается в возрастной группе 20–24 лет, после чего зафиксирован пик смертности в интервале 25–29 лет. Еще один пик смертности заметен в возрасте 35–39 лет, что, скорее

всего, связано с естественной убылью населения (рис. 1).

Более точную демографическую картину дают показатели смертности отдельно для мужской и женской групп.

Мужчины Царевского городища и округа в среднем жили дольше женщин. Их продолжительность жизни составила 40,2 лет, у женщин – 37,2 лет. Такое распределение, как отмечают авторы, является характерным для средневековых популяций [Алексеев, 1972, с. 17–18; Бужилова, Медникова, Козловская, 2002, с. 168; Балабанова, 2011, с. 31].

Кривая смертности мужской группы демонстрирует пик в интервале 25–29 лет. Впоследствии мужская смертность снижается, а с 35 лет обнаруживается прямая зависимость смертности от возраста. Возможно, гибель мужчин молодого возраста была связана с воздействием инфекций или последствиями тяжелого физического труда [Перерва, 2011, с. 150]. Можно также предположить, что мужская смертность в молодом возрасте была вызвана внутривосполнительными процессами, происходящими в Золотой Орде, о чем свидетельствуют письменные источники.

Кривые смертности, показывающие динамику вероятности женской смертности, обнаруживают повышения в возрастных интервалах 20–29 лет и 35–39 лет. Обычно высокую женскую смертность в молодом возрасте (15–35 лет) исследователи связывают со стрессами, которые сопровождают беременность и роды [Яблонский, 1987, с. 188; Бужилова, Медникова, Козловская, 2002, с. 170; Алексеева и др., 2003, с. 22; Балабанова, 2011, с. 29]. Однако повышение кривой смертности в этой же возрастной когорте (25–29 лет) у мужчин позволяет пред-

положить воздействие того же неблагоприятного внешнего фактора, который одинаково мог влиять и на мужчин, и на женщин.

В возрастном интервале 35–39 лет зафиксирован примерно равный уровень смертности мужчин и женщин. Далее смертность среди мужчин продолжает расти, что связано с естественными процессами старения и убыли населения, а смертность женщин резко снижается. Это говорит о том, что женщины благополучно доживали до старости, преодолев данный возрастной барьер.

Исследуемая серия Царевского городища и округа демонстрирует очень высокую смертность в старческом возрасте (50+). Этот показатель составляет 18,9% от всей выборки и 27, 2% от общей численности взрослого населения. Дифференцированный по полу он равен: у мужчин – 23,6%, у женщин – 30,7%.

Наиболее полную картину особенностей половозрастной структуры населения Царевского городища и его округа можно получить при сравнении с другими средневековыми группами. Для сравнительного анализа были использованы результаты палеодемографических исследований Селитренного, Красноярского (некрополи Маячный и Вакуровский бугор), Водянского городищ, а также синхронных могильников Новохарьковский и Усть-Иерусалимский.

Группа Царевского городища и его округа по отдельным демографическим параметрам близка к приведенным средневековым сериям. Средняя продолжительность жизни с учетом детей по исследуемой серии составляет 28,4 лет. Близкие показатели обнаруживаются в группах из некрополей Красноярского (Маячный бугор) – 25,3 лет, Селитрен-

ного – 32,2 лет и Водянского – 32,0 лет городищ. Схожесть с населением Селитренного городища обнаруживается при сравнении средней продолжительности жизни взрослого населения (царевская серия – 39 лет, серия Селитренного – 37,3 лет).

Другой показатель – детская смертность. В серии Царевского городища и округа она достаточно высокая – 30,6% и находит аналогии в выборках могильников Красноярского городища (Маячный бугор – 30,1% и Вакуровский бугор – 36,0%).

Характерной чертой, сближающей группу Царевского городища и его округа с нижеволжскими синхронными сериями, является большая продолжительность жизни мужчин по сравнению с женщинами. Новохарьковский могильник выглядит на этом фоне несколько обособленным (средняя продолжительность жизни мужчин и женщин здесь оказалась примерно одинаковой).

Половая структура определяется соотношением полов. В сравниваемых группах этот показатель находится в пределах нормы с небольшим преобладанием либо мужской части населения над женской, либо наоборот. Серия Царевского городища и его округа с незначительной дисгармонией в пользу женщин сходна с группами из могильников Маячный бугор и Новохарьковский.

Особенностью половозрастной структуры населения Царевского городища и округа является значительный процент индивидов, умерших в финаль-

ной возрастной группе – 18,9%. Ближе остальных к нему находится показатель по населению Селитренного (10,9%) и Водянского (12,5%) городищ.

Отличается исследуемое население от нижеволжских серий и долей умерших в молодом возрасте (15–35). Ближайшие аналогии по данному показателю суммарная царевская серия находит в группах Новохарьковского и Усть-Иерусалимского могильников. Но стоит отметить, что доля молодых людей обнаруживает значительные расхождения, когда рассматриваются отдельно мужская и женская части серий: и в новохарьковской, и в усть-иерусалимской она на порядок выше царевской.

Высокая доля доживших до старческого возраста индивидов и низкая смертность в молодом возрасте может свидетельствовать о хорошей адаптации населения к внешним условиям среды, благоприятной климатической ситуации и социальной обстановке на территории Царевского городища. С другой стороны, всё названное не исключает наличие пищевых стрессов в детском возрасте, инфекций, распространявшихся в средневековом городе, не могут опровергнуть наличие стрессовой для населения ситуации в молодом возрасте. Но, при условии преодоления всех негативных факторов среды, и мужчины, и женщины благополучно доживали до престарелого возраста. В свете полученных данных можно сказать, что Царевское городище было одним из наиболее благоприятных мест для проживания в Золотой Орде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. – М., 1972. – Вып. 1. – С. 3–21.
2. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Власти. Антропо-экологическое исследование по материалам средневекового некрополя Мистихали. – М., 2003. – 131 с.
3. Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. – Волгоград, 2011. – 179 с.
4. Бужилова А.П., Медникова М.Б., Козловская М.В. Демографическая и социальная структура средневековой популяции // Новохарьковский могильник эпохи Золотой орды. – Воронеж, 2002. С. 168–175.
5. Перерва Е.В. Патологические отклонения на костных останках детей из грунтового могильника Царевского городища золотоордынского времени // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2013. – Вып. 10. – С. 557–568.
6. Яблонский Л.Т. К палеодемографии средневекового города Сарай Бату (Селитренное городище) // Советская этнография. – М., 1980. – № 1. – с. 142–148.

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF TSAREV SETTLEMENT AND ITS SURROUNDING AREA

© Е. А. Sapukhina

This article considers the paleodemographic characteristic of Tsarev settlement population and its surrounding area during the Golden Horde period. It deals with the age and sex structure of the population, shows the peaks of mortality in different age cohorts with the interpretation of the factors influenced on a particular group of people. In addition, the demographical characters of the population of Tsarev settlement and its surroundings were compared with the synchronous groups, and features of this population were defined.

Key words: paleodemography, sex and age structure, Tsarev settlement, the Golden Horde.

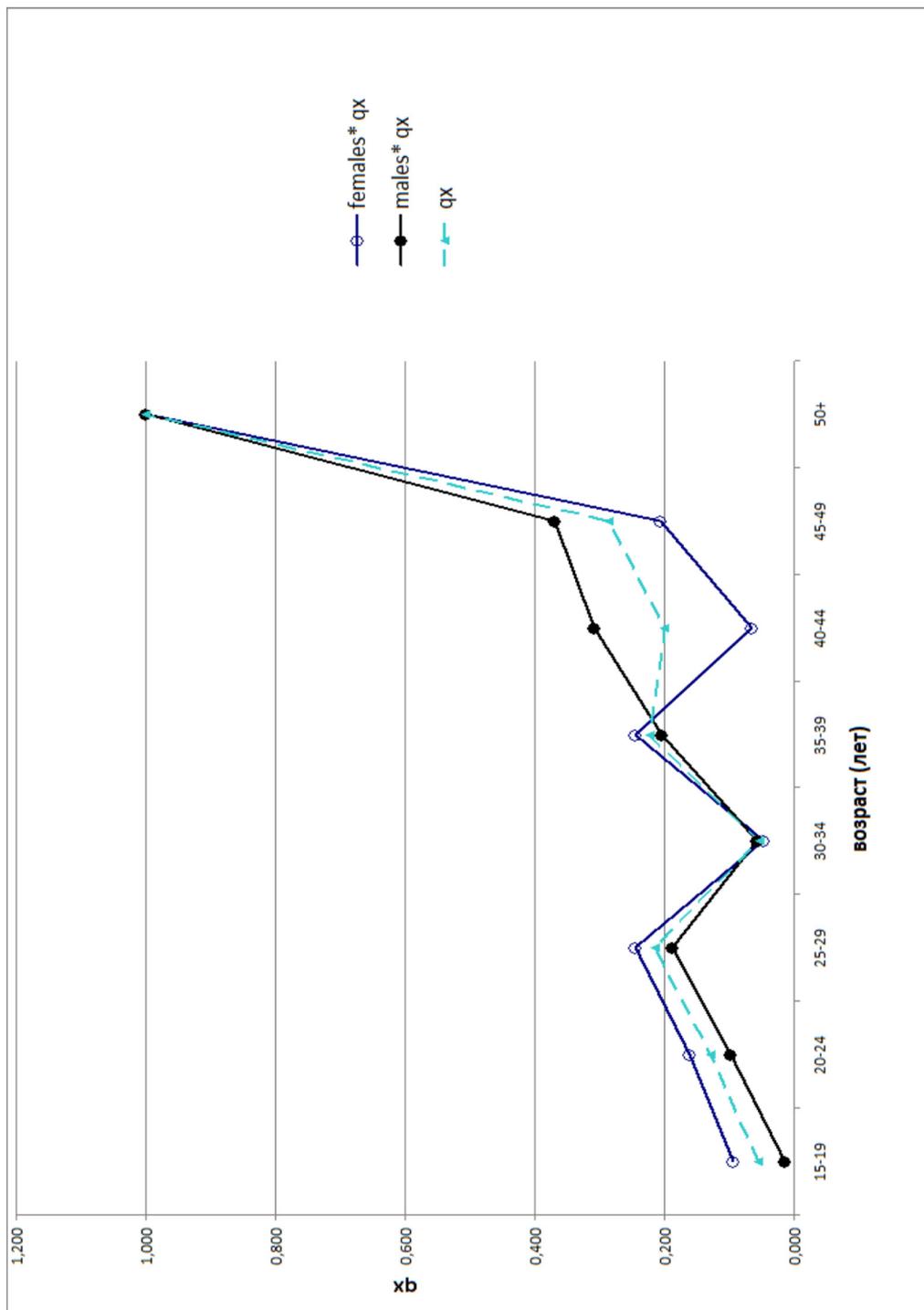

Рис. 1. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) населения Царевского городища и округа.

К ВОПРОСУ О КАРА-АБЫЗСКИХ ИМПОРТАХ В ПАМЯТНИКАХ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2014 г. Р.Р. Саттаров

Автор, рассматривая кара-абызско-пьяноборское взаимодействие через предметы импортного производства, приходит к выводу о том, что они малочисленны, т.е. о торговых отношениях на основе данной категории находок говорить не приходится.

Ключевые слова: Икско-Бельское междуречье, ранний железный век, кара-абызская культура, пьяноборская культура, импорты, заимствование форм.

Взаимодействие хронологически близких археологических культур всегда вызывает огромный интерес. Пьяноборская культура на протяжении своего существования взаимодействовала как с кочевым, так и с оседлым миром. Основные аспекты взаимодействия с кочевым миром продемонстрированы в некоторых публикациях автора данной работы [Саттаров, 2014, с. 156–159; 2013, с. 79–83; Зубов, Саттаров, 2014, с. 314–320]. В настоящей небольшой работе, в рамках изучения импортных вещей, рассматривается взаимодействие населения пьяноборской и кара-абызской археологических культур.

Импортные вещи, произведенные в кара-абызской культуре, предметом специального изучения не становились, лишь приводились аналогии вещей, показывающие принадлежность упомянутых культур к родственным группам населения [Генинг, 1970; Иванов, 1985, с. 95–96; Агеев, 1992, с. 104–106]. Таким образом, изучение кара-абызских импортов является актуальным и не вызывает сомнений.

Кара-абызская культура сложилась, с одной стороны, на основе местного, ананьинского, компонента, с другой – на основе пришлого, кочевнического, компонента («гафурийский тип» или «гафурийский культурный комплекс») [Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2007, с. 134; 2011, с. 56]. Период существования кара-абызской культуры определяется IV–III вв. до н. э. – началом IV в. н. э.

Анализируя погребальный инвентарь пьяноборской культуры, мы фиксируем некоторые типично кара-абызские вещи. К таковым следует отнести: конькообразные ременные накладки, умбоновидные пряжки, петлевидные подвески.

Конькообразные ременные накладки представлены в Ново-Сасыкульском (2 экз., погр. 322) (рис. 1-2) и в Юлдашевском (18 экз., погр. 51) (рис. 1-4) могильниках. Их классификация по форме изделий разработана Б.Б. Агеевым [Агеев, 1992, с. 43–45, тип. 2]. Поясные накладки кара-абызской культуры отличаются большим разнообразием типов. Первоначальная характеристика этой категории находок была дана А.Х. Пшеничнюком, выделившим накладки

с изображением голов грифонов [Пшеничнюк, 1973, с. 183]. Анализ накладок с грифонами проведен также В.В. Овсянниковым, сделавшим вывод о том, что подобные изделия являются «визитной карточкой кара-абызской культуры» [Овсянников, 2006, с. 175–176; 2014, с. 175]. На сегодняшний день данная категория накладок достаточно тщательно проработана С.Л. Воробьевой¹ [Воробьева, 2010, с. 56–63; 2012, с. 124–129]. По ее типологии данная категория находок определена как бронзовые накладки с противопоставленным изображением голов грифонов на лицевой стороне (т. н. «двухлучевая свастика»). Несмотря на плохое качество публикаций и невозможность работы с первоисточником, по независящим от автора данной публикации обстоятельствам, пьяноборские накладки можно идентифицировать по типологии С.В. Воробьевой, как тип А1, подтип 1, вариант б (Юлдашевский мог.) и как тип А1, подтип 2, вариант а (Ново-Сасыкульский мог.). Для анализа С.Л. Воробьевой были привлечены материалы с обширной территории – от ареала распространения кара-абызской культуры и вплоть до Северного Китая. Всего было проанализировано 1855 накладок из 236 кара-абызских погребений (включались и единичные находки вне комплексов) [Воробьева, 2012, табл. 132], также показана трансформация, включая интересующие нас поясные накладки [там же, рис. 45]. С.Л. Воробьева приходит к выводу, что литые изделия (подтип 1) появились и существовали относительно короткий промежуток времени – в III–II вв. до н.э. и подверглись

быстрой трансформации, во II в. до н.э. появляются штампованные накладки (подтип 2) со стилизованным изображением голов грифонов [там же, с. 133]. В пьяноборскую же культуру данная категория находок попала в II–III в. н.э. [Агеев, 1992, с. 106].

Умбоновидные пряжки представлены в Ново-Сасыкульском (погр. 29, 242, 265), Старо-Чекмакском (погр. 10) и Юлдашевском (погр. 69) могильниках (рис. 1-1, 3).

По мнению одного из исследователей кара-абызской культуры, «умбоновидные пряжки, так же как и эполетообразные застёжки пьяноборской культуры, были местным, локальным элементом убранства кара-абызского костюма», приводя при этом возможную трансформацию пряжек [Воробьева, 2012, с. 81, 84, рис. 27]. Однако прежде чем отнести названные пьяноборские пряжки к импортам, стоит оговориться. Обувные застёжки похожего типа, широко представленные в пьяноборской культуре, но меньших размеров, к кара-абызским импортам не относятся. Эти распространенные изделия имеют явно местные пьяноборские корни [Генинг, 1970, табл. VIII: 9, 10; Агеев, 1992, с. 41, тип 8, 10] 2. Среди них часто встречаются бракованные. Вряд ли такие обувные застёжки могли быть импортом. Об этом свидетельствуют два экземпляра застёжек из Кипчаковского I курганно-грунтового могильника [раскопки 2012 г., автор С.Э. Зубов, погр. 14].

Умбоновидные пряжки, по типологии Б.Б. Агеева соответствующие типу 9 (аналогичные пряжки крупных размеров с отверстиями в центре или много-

¹ Благодарю моего друга и коллегу к.и.н. С.Л. Воробьеву за возможность использовать материалы неопубликованной диссертации.

² Видимо, здесь речь идет о заимствовании форм.

лепестковой розеткой, иногда неподвижный крючок помещен на самой бляхе), на наш взгляд, являются импортными. Видимо, эти кара-абызские пряжки были трансформированы в пьяноборское время в обувные застёжки меньших размеров.

Петлевидные подвески представлены в Ново-Сасыкульском (8 экз., погр. 135, 142, 178, 259, 377) могильнике (рис. 1-5). Петлевидные подвески не редки в синхронных комплексах кара-абызской культуры. По сводке С.Л. Воробьевой они найдены в 26 погребениях кара-абызской культуры [Воробьева, 2012, табл. 31, рис. 19. 14]. Аналогий в других культурах раннего железного века найдено не было. Видимо эти подвески имеют кара-абызское происхождение. Учитывая, что данная категория находок была найдена только в Ново-Сасыкуль-

ском могильнике, стоит предположить импортный характер данных вещей.

Имея малочисленное количество кара-абызского импорта в пьяноборской культуре, мы также видим некоторое количество экспорта в кара-абызской культуре. Наличие характерных предметов для пьяноборской культуры в кара-абызской (например, эполетообразные застёжки) подтверждает это суждение. Однако, несмотря на это, говорить о торговых отношениях между названными культурами не приходится, так как речь идет об единичных вещах.

Малочисленность импортов не отрицает формирование пьяноборской культуры под влиянием кара-абызской, когда происходило заимствование форм [см. определение – Зубов, Саттаров, 2014, с. 314–315] (ромбовидные накладки, некоторые виды пряжек, подвесок).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура – Уфа, 1992. – 140 с.
2. Воробьева С.Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. Вып. 10. – Уфа, 2010. – С. 56–63.
3. Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – IV в. н. э.): дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 2012. – с. 291.
4. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск, 1970. – 224 с.
5. Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2014. – Том 16. – № 3. – С. 314–320.
6. Иванов В.А. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985. – С. 85–99.

7. Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничука. – Уфа, 2006. – С. 171–179.

8. Овсянников В.В. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Педуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киишкинских и Бишунгаровских курганов) // Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблема сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 168–177.

9. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. – Т. V.– Уфа, 1973. – С. 162–243.

10. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в.н.э.) // Древности Южного Урала. – Уфа, 1976. – С. 35–149.

11. Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. – Уфа. Гилем, 2007. – 260 с.

12. Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. – 2011. – № 2. – С. 56–66.

13. Саттаров Р.Р. Предметы импортного производства как индикатор этнокультурного взаимодействия в раннем железном веке Волго-Уралья (к проблеме торговых отношений населения пьяноборской культуры) // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сборник статей. – Самара, 2013. – С. 79–83.

14. Саттаров Р.Р. Торговые отношения в среде пьяноборских племен Западного Приуралья // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–7 февраля 2014 г., Ульяновск): тез. докл. – Ульяновск, 2014. – С. 156–159.

CONCERNING KARA-ABYZ IMPORTS IN PYANY BOR CULTURE SITES OF IK-BELAYA INTERFLUVE

2014 R.R. Sattarov

The author analyses the interaction between Kara-Abyz and Pyany Bor according the evidence of imports distribution. He makes a conclusion that the imports are thin, and this category of finds does not give the base for reconstruction of trade relations.

Key words: Ik-Belaya interfluve, early Iron Age, Kara-Abyz culture, Pyany Bor culture, imports, adoption of forms.

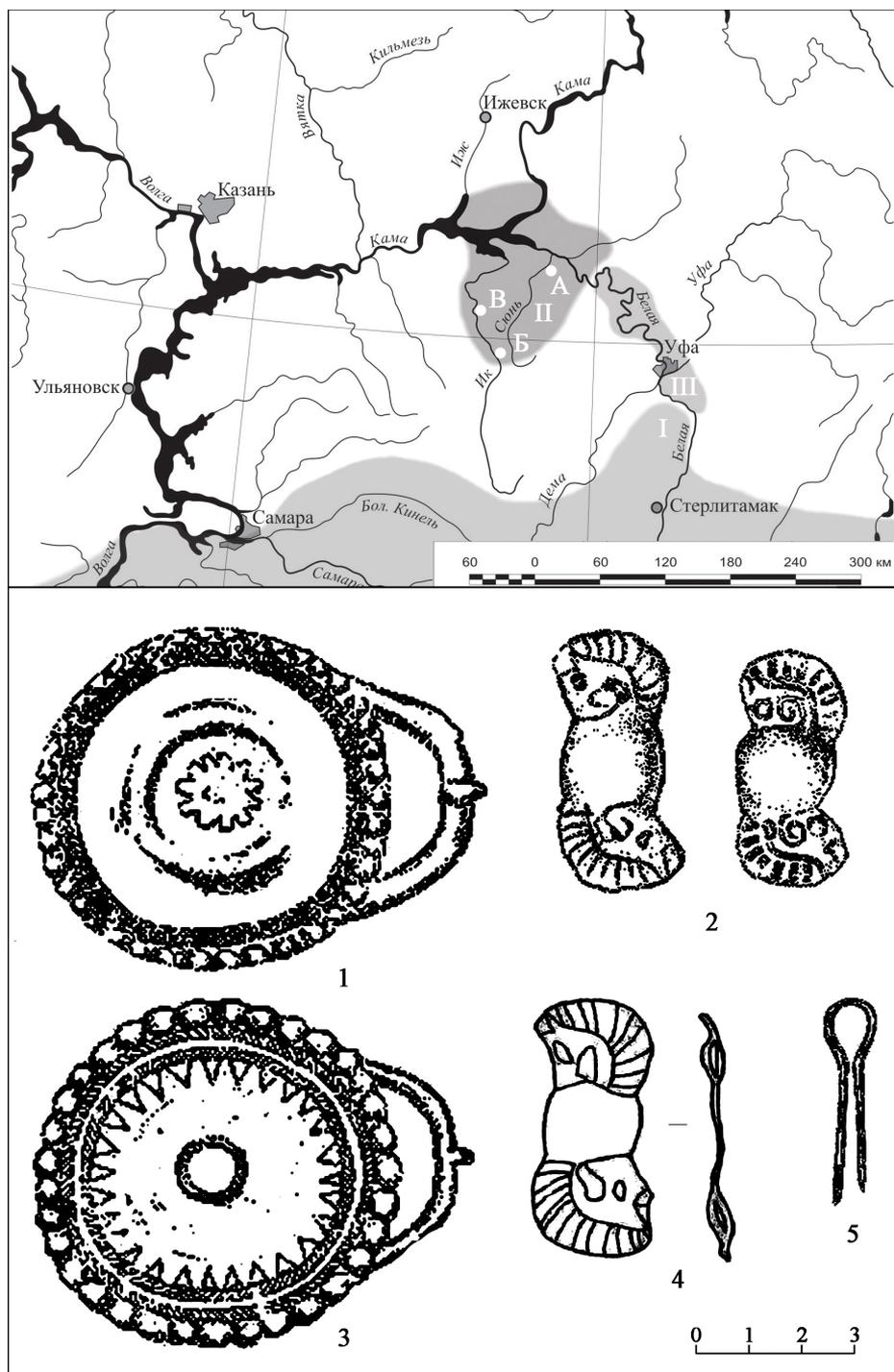

Рис. 1. Ареал распространения памятников кочевников-сармат (I) и оседлого населения пьяноборской (II) и кара-абызской (III) культур.

Примечание: А – Юлдашевский мог., Б – Ново-Сасыкульский мог., В – Старо-Чекмакский мог. 1,3 – умбовидная пряжка; 2,4 – конькообразная ременная накладка; 5 – петлевидная подвеска.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВАРИАТИВНОСТИ НА ПАМЯТНИКАХ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. П.А. Снитковская

В статье рассмотрена проблема изучения вариативности погребальных обрядов синташтинской культуры на примере памятников Зауралья. При помощи методов эволюционной археологии объясняется причина отхода от стереотипов, который выражается в материальной атрибутике.

Ключевые слова: Синташтинская культура, погребальный обряд, культурная вариативность.

В процессе развития археологической науки исследователи для изучения и интерпретации археологических фактов применяли различные теоретические подходы. Среди них наиболее заметными являются культурно-исторический, процессуальный, постпроцессуальный, эволюционистский. Все они сменяли друг друга в течение десятилетий или использовались одновременно. Для объяснения изменений в культуре, которые отражаются в археологическом материале, археологи привлекают различные теории. В последнее время, особенно в зарубежной археологии, популярностью пользуется эволюционная археология, основанная на дарвиновском подходе. Введенное Дарвином понятие «естественный отбор» подразумевало, что в процессе воздействия факторов окружающей среды выживали наиболее приспособленные виды, изменение этих видов шло под влиянием изменений условий окружающей среды. В процессе биологической эволюции человека его социо-культурная среда также была подвержена постоянным изменениям,

в связи со сменой образа жизни, рода деятельности коллективов и т.д. Например, одомашнивание животных и употребление в пищу молочных продуктов (изменение поведенческой системы и системы питания), привело к изменению вариантов в человеческой популяции на молекулярно-генетическом уровне, а также к закреплению социо-культурных навыков и изменению типа хозяйства [Jablonka, Lamb, 2005]. Такого рода инновации формируются изнутри и генерируют вариации в культуре, их можно рассматривать как мутации. Как и в биологии, социо-культурные мутации могут возникать, как результат ошибки копирования в процессе культурной трансмиссии и как целенаправленное действие, для решения какой-либо проблемы. «Инновационная мутация» оказывается полезной не только ее «изобретателю», но и повышает групповой репликативный «успех» [Корякова, Молодин, 2012, с. 83].

Подобные рассуждения об инновациях применимы к погребальной практике, проявляющейся в материалах различных

археологических культур. Погребальная практика отражает социо-культурный уровень популяций, а разнообразие этих практик может свидетельствовать об их эволюции на протяжении длительного времени. Мифологическая картина представляется как сюжеты, которые разворачиваются в виде последовательных обрядовых действий, при этом можно выделить наличие «традиционных» и «новационных» элементов обрядности. Так, на примере памятников абашевской культуры можно проследить за изменениями в структуре похоронного обряда: в определенное время могильники стали включать в себя ограды, жертвенники; отмечена большая роль огня; появление сложных деревянных сооружений. Все эти элементы отсутствовали на памятниках, относящихся к более раннему периоду существования абашевской культуры [Мерперт 1961, с. 143].

Вопросы, связанные с вариативностью погребального обряда среди памятников синташтинской культуры, начали рассматриваться относительно недавно. В ходе изучения погребальных комплексов Южного Зауралья (Большекараганский могильник, Кривое Озеро, Солнце II, Каменный Амбар – 5) я сочла возможным остановиться на следующих признаках обрядности:

- 1) способы организации подкурганного пространства;
- 2) способы захоронения умерших;
- 3) традиции, связанные с использованием огня;
- 4) жертвоприношения.

По первому признаку отмечается доминирование круговой планировки подкурганного пространства. Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что такая планировка соответ-

ствует форме поселений, расположенных неподалеку. Однако при сравнении форм поселения Каменный Амбар – 5 и одновременных ему курганов можно отвергнуть эту идею. Кроме того, среди рассматриваемых памятников отличительными чертами обладали курганы Солнце II № 11 и Кривое Озеро № 9. Во всех могильных ямах, содержащих человеческие останки, превалировал такой вид захоронения, как ингумация. Умершие лежали в скорченном положении на боку. Интересно отметить, что сторона, на которой лежал человек, зависела от его гендерной категории: на правом боку – женщины, на левом – мужчины. Однако встречаются захоронения, в которых женщина лежала на левом боку (например, в седьмой яме кургана Кривое Озеро № 9 или в третьей яме Большекараганского кургана № 20) [Епимахов, Берсенева, 2012, с. 159].

Для абсолютного большинства синташтинских могил характерны жертвоприношения. Как правило, жертвенники относились к конкретным погребениям и сопровождали отдельные группы людей или индивидуальные захоронения. Однако в ряде случаев они могли представлять собой отдельный вид захоронения, относящийся ко всему могильному комплексу, а не к конкретной его части. Подобный случай представлен на Большекараганском кургане № 24 – кости животных были расположены во рву, маркируя своим положением стороны света (север и юг). Состав жертвенных комплексов был достаточно подробно проанализирован Д.Г. Здановичем. Первое место по количеству особей занимает МРС, второе – КРС, третье – лошадь. Четвертое место занимает собака [Зданович, 2005, с. 13–17]. Правила выбора

приносимых в жертву животных были, по-видимому, едины и очень устойчивы [Епимахов, Берсенева, 2012, с. 164].

Еще одним элементом, используемым в погребальном обряде, являлся огонь. Наличие огня говорит о высокой степени ритуализированности действий, совершенных по отношению к умершим. Наиболее высокая степень обрядности проявляется на курганах, в которых присутствовали надмогильные сооружения, сожженные впоследствии. Свидетельства такой практики зафиксированы на могильниках Большекараганский № 20 и 24 и на Кривом Озере № 9. В остальных случаях отмечено присутствие одного из элементов обряда. Например, на курганах Большекараганский № 11, 22, Солнце II № 4 и 11, Каменный Амбар – 5 № 2, 3, 4 возведение надмогильного сооружения осуществлялось без сожжения, а на Большекараганском кургане № 25, наоборот, надмогильное сооружение отсутствовало, а следы огня присутствовали.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии сходных черт в структуре погребального обряда, позволивших объединить рассмотренные нами памятники в одну культурную группу. Наиболее очевидным ответом на вопрос о причинах разнообразия является хронология. Если общие границы существования синташтинских древностей установлены довольно надежно, то внутренняя хронология остается слабо изученной. [Епимахов, Берсенева, 2012, с. 164]. Отход от стереотипов, по-видимому, связан с внешними контактами, а также с факторами наследования тех или иных правил поведения и его ритуализации, выразившейся, в том числе, в материальной атрибутике. Эти факторы еще предстоит выявить и изучить. Вариативность обрядности может быть результатом не только внешних контактов, но и постепенным изменением традиции при передаче накопленного опыта из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. – Т 3: Археология и этнография. – Новосибирск, 2012. – С. 148–170.
2. Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 23.
3. Корякова Л.Н., Молодин В.И. Изучение культурной изменчивости в археологии. // Вестник НГУ. – Т 3: Археология и этнография. – Новосибирск, 2012. – С. 83–102.
4. Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. – № 97. – М., 1961. – С. 111–156.
5. Jablonka E., Lamb M.J. Evolution in Four Dimensions: Genetic, Epigenetic, Behavioral, and Symbolic Variation in the History of Life. – Cambridge, 2005. – 467 с.

CONCERNING THE VARIABILITY IN SINTASHTA CULTURE SITES

© 2014 P.A. Snitkovsaya

The article considers the problem of studying the variability of funeral traditions of the Sintashta culture on the example of Trans-Urals monuments. The cause of breaking the stereotypes which is expressed in the material attributes is explained using methods of evolutionary archaeology.

Key words: Sintashta culture, funeral traditions, cultural variability.

СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С ЧЕРНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ ХЕРСОНЕСА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАХОДКИ

© 2014 г. Е.В. Струкова

В статье рассмотрена недостаточно исследованная группа материала из Херсонеса – сероглиняная керамика с черным покрытием, напоминающим черный «лак». Представлены основные категории этой керамики, найденные как на территории городища, так и на ближней и дальней хоре этого полиса: кувшины, гуттусы, солонки, чаши, рыбные блюда, светильники. Суммируя результаты многолетних исследований, предлагается датировать время бытования этого вида столовой посуды как вторая половина V – начало III вв. до н.э. Однако вопрос о центре (центрах) их производства остается открытым.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, сероглиняная керамика с черным покрытием, керамический комплекс.

Херсонес Таврический, который возник на далекой границе греческого и варварского миров, в течение всей своей истории пытался хранить эллинские традиции. Археологическим отражением его материальной и отчасти духовной культуры является керамический комплекс, изучение которого позволяет решить ряд кардинальных проблем истории этого полиса. В настоящее время он изучен очень неравномерно. До сих пор основное внимание уделялось прежде всего морфологии и хронологии транспортной тары, чернолаковой и расписной керамики.

Среди этих материалов недостаточно исследованной представляется такая группа находок, как сероглиняная керамика с черным покрытием (СКЧП), напоминающим черный «лак». В научной литературе до сих пор нет единой точки зрения ни по одному из кардинальных вопросов ее изучения: центра (или цен-

тров) производства, типологии и хронологии.

Традиция относить ее к местному херсонесскому производству, обоснованная С.Ф. Стржелецким, Г.Д. Беловым [Белов, 1938], находит поддержку в работах Т.В. Егоровой [Егорова, 2009]. Исследователи Ольвии (например, А.В. Буйских) считают возможным говорить об ольвийском происхождении хотя бы части этой керамики. М.И. Золотарев, а вслед за ним и Д.Ю. Коробков считали ее исключительно импортной продукцией. Эта точка зрения нашла поддержку С.В. Ушакова и Е.В. Струковой, которые опубликовали ряд находок из раскопок херсонесского городища [Ушаков, Струкова, 2009; 2013].

Археологический контекст сероглиняной керамики из раскопок ХСVII квартала Херсонеса позволил говорить о хронологических рамках бытования этой керамики, как о второй половине-конце V – середине-третьей четверти IV

вв. до н.э. Были выделены и основные находки пяти основных типов. Дополнительный просмотр полевых Отчетов и коллекций находок из раскопок С.Г. Рыжова (из северо-восточного и северного района херсонесского городища) позволил выявить и там несколько форм сероглиняной керамики.

Археологические комплексы (не менее 13) из северо-восточного района Херсонеса (раскопки М.И. Золотарева) содержали многочисленные находки сероглиняной керамики. Также она достаточно представительна в комплексах и других районах Херсонесского городища – античного театра (раскопки О.И. Домбровского), Портового района – участок так называемой «Казармы» – античного дома большой площади (раскопки С.В. Дьячкова и М.И. Золотарева).

Сероглиняная керамика с черным покрытием из ближней и дальней хоры Херсонеса была представлена в докладах С. Ханберга, В.М. Столбы, С.В. Ушакова и К.С. Ушаковой на конференциях в Бухаресте [Handberg, Stolba, Ušakov, 2009], Черноморском [Ушаков, Ушакова,

2012] и Судаке (доклад К.С. Ушаковой неопубликован). Аналогии и сопутствующий материал позволяют датировать комплексы с сероглиняной керамикой в рамках первой половины IV – первой половины III вв. до н. э. Находки сероглиняной керамики с дальней хоры Херсонеса добавляют еще несколько новых форм.

Предварительные итоги изучения СКЧП из Херсонеса заключаются в следующем. Основная масса находок СКЧП изготовлена из серой плотной глины хорошего качества без большого числа видимых примесей. Преимущественно это импортная продукция. Сероглиняная керамика присутствует как в ранних (с середины V в. до середины IV вв. до н.э.), так и в более поздних комплексах (вторая половина IV–III вв. до н.э.) Херсонеса. Основные категории сероглиняной керамики в Херсонесе – кувшины, гуттусы, солонки, чаши, миски, рыбные блюда, светильники.

Новые исследования и анализы керамического теста, прежде всего, должны уточнить эти положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. – Симферополь, 1938.
2. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА. – № 34. – 1953. – С. 32–108.
3. Буйских С.Б. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н.э. // Боспорские исследования. – Вып. XI. – 2006. – С. 29–57.
4. Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI–I вв. до н. э. (Историографический аспект) / С. Б. Буйских // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. — Памяти Я.В. Доманского. – СПб., 2007. – С. 28–44.
5. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. – М., 2009. – С. 64–69.

6. Котенко В.В. Серолощена керамика з поселения Маслини // Археологія. – 2011. – № 1. – С. 68–76.

7. Ушаков С.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХС-VII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 125–138.

8. Ушаков С.В., Ушакова К.С. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2012. – С. 166–177.

9. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из Северо-восточного района Херсонеса: основные формы и хронология // Древнее Причерноморье. – Вып. X. – Одесса, 2013. – С. 596–602.

10. Handberg S., Stolba V., Ušakov S. Classical and Hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica. XLII. Extras. – Constanța, 2009. – P. 167–185.

GRAY WARE FROM CHERSONESOS: PROBLEMS OF RESEARCHES AND NEW FOUNDS

© **K.V. Strukova**

The insufficiently examined group of materials found in Tauric Chersonesos – “Grey ware with black coating”, resembling the “black lacquer” – is viewed in this article. The main categories of ceramics found in the territory of the settlement, as well as in the near and far khora of this polis, are represented, such as jugs, salt-cellars, guttie, bowls, fish plates, lamps, etc. To summarize the results of many years of research, it is suggested to date the existence of this type of ware at the 2nd half of the 5th century to the beginning of the 3rd century B.C. However, the question about the centres of its manufacturing remains open.

Key words: Tauric Chersonesos, Grey Ware with black coating, ceramic complex.

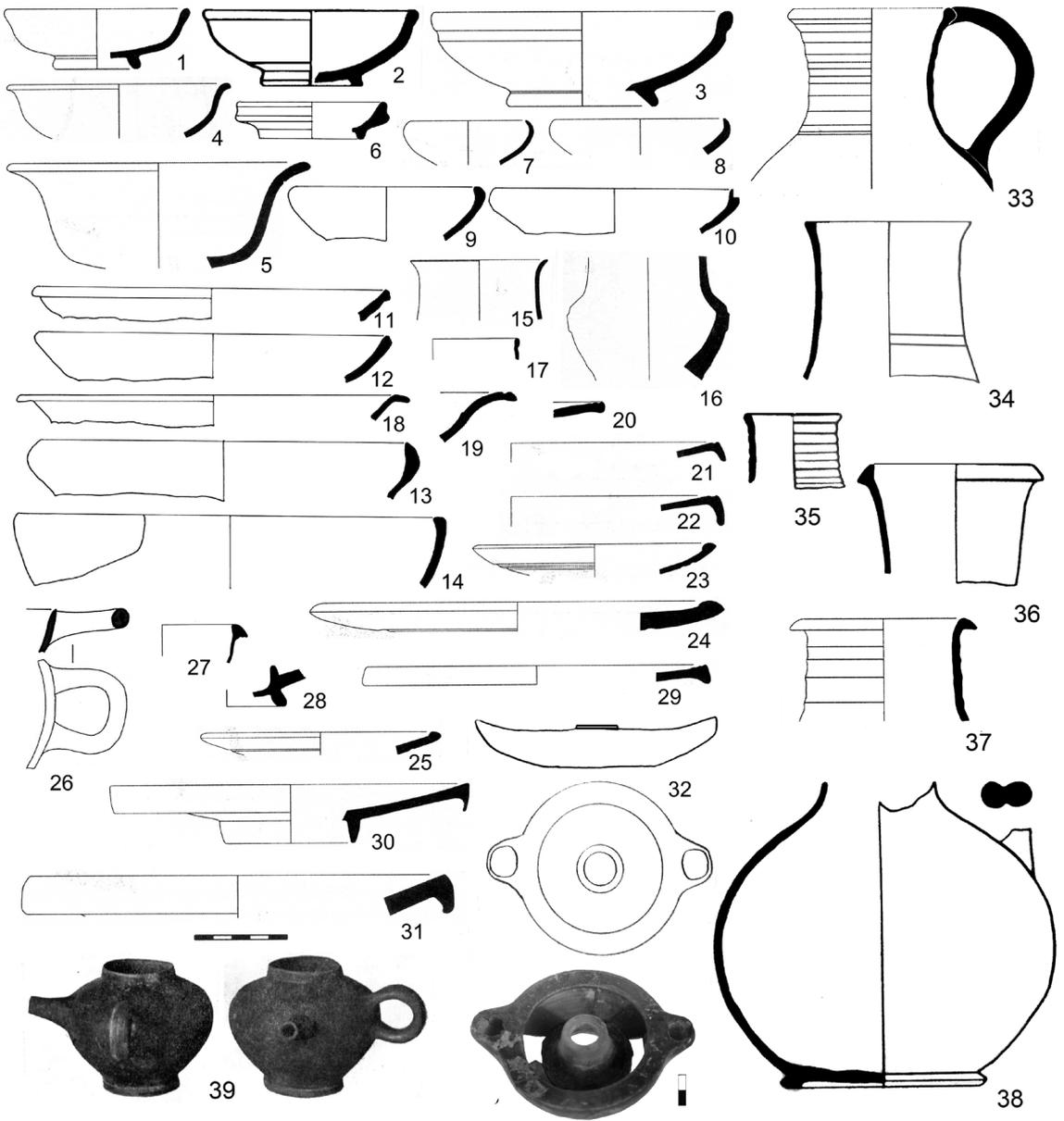

Рис. 1. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок Херсонеса.

КУЛЬТОВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2014 г. Ал.Ал. Ткачёв

В статье рассматривается ритуальное и культовое использование бронзовых изделий, обнаруженных на поселениях культур андронеидного круга. Дается описание предметов и контекста обнаружения, предположения о семантическом значении подобных изделий. Делается вывод об особом значении предметов, изготовленных из цветных металлов, для мифо-ритуальных практик населения позднего бронзового века Восточного Зауралья.

Ключевые слова: Восточное Зауралье, андронеидные культуры, эпоха поздней бронзы, мифо-ритуальные практики, бронзовые предметы, культовый набор.

Территория Восточного Зауралья, включающая лесостепные и южнотаежные зоны Притоболья и Ишимской равнины с эпохи энеолита известна ярким развитием мифо-ритуальных представлений [Потемкина, 2007]. Данная традиция никогда не угасала, лишь изменяясь на протяжении всего бронзового века. К периоду поздней бронзы формируется уникальная духовная культура населения, основанная на синтезе ритуальных традиций южного степного населения и культовых традиций северных лесных племен. В этот период многие мифо-ритуальные и культовые практики находят отражение не только в материалах святилищ и могильников, но и в материалах обычных поселений.

К сожалению, проследить сами ритуалы на поселениях эпохи бронзы мы не можем, ибо до нас дошли только археологизированные остатки подобных действий, в виде ритуальных предметов или ритуальных комплексов. Разработка дан-

ной проблематики усложняется тем, что, как правило, археологи изучают домашний культовый набор, характерный для жилищ лишь в период их обитания. По мнению М.Ф. Косарева, когда возникала необходимость оставить обжитое место и покинуть родные дома, люди уносили с собой, прежде всего, домашнюю культовую утварь [2011, с. 90]. Именно поэтому сакральное содержание древних жилых построек не так часто фиксируется при раскопках.

Восприятие отдельного изделия или целого вещевого комплекса зависит не только от внешней по отношению к ним ситуации, но и от собственного бытового и мифо-ритуального предназначения конкретного предмета. Обычно отдельные категории вещей воспринимаются исследователями с определенных устоявшихся позиций. Поскольку назначение предмета устанавливается через обращение к мифо-ритуальному контексту, который нам слабо понятен, и поэтому

чрезвычайно трудно оценить с этой позиции конкретный археологический артефакт, ибо в большинстве случаев приходится констатировать утраченность контекста [Балакин, 1998, с. 197].

Для традиционных обществ характерно мифо-ритуальное отношение к окружающей действительности и, как следствие этого, отсутствие четкой грани между вымыслом и реальностью. Такой дискурс определяет теснейшую связь сущности и образа. Мифологические образы и обряды, сопровождавшие важнейшие жизненные события (рождение, инициация, супружество, смерть, отдельные этапы хозяйственной деятельности), в рамках традиционной культуры имели особый вес. Поэтому большое значение придавалось обрядовым действиям, связанным со всеми этапами функционирования жилища/поселения: строительство, новоселье, проживание, оставление.

Достаточно часто в памятниках эпохи поздней бронзы исследователи обнаруживают целые или сломанные предметы, использование которых в утилитарных целях вызывает сомнение. В то же время, контекст обнаружения подобных предметов ярко свидетельствует об их сакральном значении и выполнении различных мифо-ритуальных функций.

Особое место среди артефактов подобного характера занимают изделия из металла. На наш взгляд, изделия, изготовленные из цветных металлов, для населения рассматриваемой территории имели значительную ценность. Прямых выходов к металлическим рудам и, как следствие этого, своей металлургии население Восточного Зауралья не имело, зато достаточно хорошо была развита

металлообработка [Ткачёв, 2010; Ткачёв, 2014].

Мелкая пластика является специфичной чертой материальной культуры населения позднего бронзового века, традицию которой мы считаем привнесенной и связанной с северными таежными племенами. Зооморфные и антропоморфные фигурки встречены в пахомовских, сузгунских и бархатовских комплексах. Почти всегда подобные изделия представляют собой небольшие глиняные фигурки. Исключением является изображение бронзового идола, обнаруженного на городище Чудская Гора (сузгунская культура). Он найден недалеко от южного выхода из жилища 1, в одном метре от округлого очага открытого типа, сохранившегося в виде участка прокаленного пола [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 19, рис. 7; 16,2; 17,1]. Фигурка человечка лежала плашмя, головой на север. Рядом находились кости конечностей и челюсть «крупного животного» (видовая принадлежность не определена) и пять сосудов, два из которых были установлены вверх дном. Фигурка длиной 10,8 см с четко обозначенными длинными ногами и слабо выделенными короткими руками. Голова овальная, глаза и рот показаны рельефно. На месте живота и груди видны продольные тонкие следы, от (заточки?) какого-то орудия (рис.1, 1).

Главный вопрос состоит в том, можно ли относить металлическое изображение идола к категории мелкой пластики и рассматривать его в комплексе других подобных изделий? На наш взгляд, можно, по всем параметрам он согласуется с другими представителями мелкой пластики, отличия в данном случае только в материале. Но это объясняется,

скорее всего, ценностью металла и, как следствие, важностью данного антропоморфного изображения.

Предметы мелкой пластики с полным правом можно отнести к категории произведений искусства. Как особый вид искусства пластика позволяет реконструировать духовную жизнь людей. Изучение подобных изделий открывает определенные возможности для воссоздания не только эстетических, но и мифологических и религиозных представлений. Так, В.И. Мошинская полагала, что предметы пластики являются детскими игрушками [Мошинская, 1959, с. 184]. В.Д. Викторова считала, что они имеют культовое значение, связанное с очагом или хранильницей очага [Викторова, 1968, с. 249]. Последнюю гипотезу развили Л.М. Терехова и В.Н. Широков, предложившие выделить фигурки в особую группу, связанную с металлургией и металлообработкой [Терехова, Широков, 1986, с. 135]. Отдельно можно говорить о взглядах А.П. Зыкова и С.Ф. Кокшарова, рассматривавших изделия глиняной пластики в качестве игровых фишек [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 123].

Каждая из предложенных гипотез имеет право на существование, поэтому нельзя отвергать ни одну из предложенных интерпретаций подходов, объясняющих наличие пластики. В то же время, нахождение в большинстве случаев в эпоху поздней бронзы антропоморфных и зооморфных фигурок в составе ритуальных комплексов в сопровождении других сакрально значимых вещей позволяет считать предположение о культовой принадлежности этих изделий наиболее убедительным.

Определить, какие отдельно найденные (одиочные) предметы на поселениях можно соотнести с какими-либо ритуалами очень сложно. В данном случае очень важен контекст обнаружения того или иного предмета. На наш взгляд, достаточно уверенно об этом можно говорить только в одном случае. Он представлен нахождением бронзового ножа на городище Абатское-VI (сузгунская культура) (рис. 1, 2). Нож обнаружен с внутренней стороны южного участка рва в 0,3 м от его кромки и располагался лезвием перпендикулярно общему направлению рва, фактически по линии С-Ю. При этом он был впущен не в материк, а в основание стены. С внутренней стороны жилой площадки вдоль рва был удален дерн и на материковую поверхность внутренней площадки отсыпали серо-желтый суглинок, являвшийся основанием стены. В это основание перед сооружением стены и воткнули бронзовый нож. Интересно, что мощность отсыпки составляла 15–18 см, а длина ножа – 16 см. Его черешок возвышался над уровнем суглинка на 2–3 см, не доходя примерно столько же до уровня материка. Уже поверх была отсыпана стена между двумя радами деревянных конструкций, общая ширина которой составляла около 2 м.

В этом случае мы можем говорить о своеобразной предметной «строительной жертве». Весь контекст местонахождения изделия свидетельствует о том, что нож был преднамеренно воткнут в основание стены и в дальнейшем перекрыт при строительстве фортификационного сооружения. В то же время, семантически данное жертвоприношение имеет военно-сакральное значение: боевой нож-копье, изготовленный из дорогостоящего для рассматриваемой территории

материала, должен был обеспечить надежную защиту и неприступность возводимых укреплений городища. А.К. Байбурин полагает, что использование в качестве строительной жертвы предметов и пищи (если их можно достоверно идентифицировать со строительной жертвой) не отражает какой-то иной семантики данного обряда, а является всего лишь следствием ее замены или эволюции [1983, с. 62].

Иногда некоторые проявления ритуальной практики на поселениях фиксируются в виде определенных комплексов, включающих различные материальные остатки: кости, керамику, предметы. Существует определенная сложность в выделении подобных комплексов, а также определении того, что именно из содержимого является в комплексе главным, а что выступает как сопутствующий материал.

На пахомовском поселении Оськино Болото на полу, в центре жилища 7, рядом друг с другом обнаружены зеркало и бритва. Зеркало изготовлено из выпукло-вогнутой бронзовой пластины овальной формы размером 4,1×3,5 см, толщиной до 1 мм. С внутренней вогну-

той стороны припаяно ушко-петелька с отверстием для подвешивания. Высота ушка около 4 мм, изготовлено из округлой в сечении проволоки диаметром 3–4 мм, размеры неправильно-овального отверстия 3×2 мм (рис. 1, 3). Бритва сделана из удлинненно-овальной бронзовой пластины с приостренными краями длиной 5,1 см, максимальная ширина 2,8 см, толщина в центральной части около 1 мм. В нижней части края пластины загнуты и образуют насад для закрепления рукояти (рис. 1, 4).

К сожалению, в этом случае очень сложно сделать правильную интерпретацию. Однако по косвенным данным, наличию ритуальных комплексов внутри жилища и сложной конструкции самой постройки, можно сделать предположение о возможном проживании в этом жилище служителя культа (шамана?), который, в отличие от рядовых жителей поселка, мог брить бороду и/или голову.

Подводя итоги, можно сказать о том, что предметам, изготовленным из цветных металлов, предавали особое значение как в мифо-ритуальных действиях, так и использовании в вещевом комплексе служителей культа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – 192 с.
2. Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск, 1998. – 283 с.
3. Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Уч. зап. Перм. ун-та. – 1968. – № 191. – С. 240–256.
4. Зыков А.Л., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург, 2001. – 320 с.
5. Косарев М.Ф. Жилище в свете языческих представлений древнего населения Сибири о структуре мироздания // ВАУ. – 2011. – Вып. 26. – С. 90–93.

6. Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. – 1959. – Вып. 75. – С. 181–184.

7. Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут, 2007. – С. 197–223.

8. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М., 1995. – 205 с.

9. Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Раневского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск, 1986. – С. 131–138.

10. Ткачёв Ал.Ал. Пахомовский металлургический комплекс поселения Оськино Болото // УПАСК–XLII: Вузы в археолого-этнографических исследованиях Урало-Поволжья: опыт, проблемы, перспективы. – Кострома, 2010. – С. 60–63.

11. Ткачёв Ал.Ал. Комплексы металлообработки пахомовской культуры // Геоархеология и археологическая минералогия-2014. – Миасс, 2014 (в печати).

CULT APPLYING OF PRODUCTS MADE OF NONFERROUS METALS IN EASTERN TRANS-URAL IN THE LATE BRONZE AGE

© Al.Al. Tkachev

This article discusses the ritual and religious usage of bronze items found in the settlements of Andronovo cultural circle. In the article the description of the artifacts and their context is given, the hypothesis about the semantic value of such objects is provided. Author concludes that the objects made of nonferrous metals had special meaning for myth-ritual practices of population of Eastern Trans-Ural in Late Bronze Age.

Key words: eastern Trans-Ural, Andronoidal cultures, Late Bronze Age, myth-ritual practices, bronze wares, cult set.

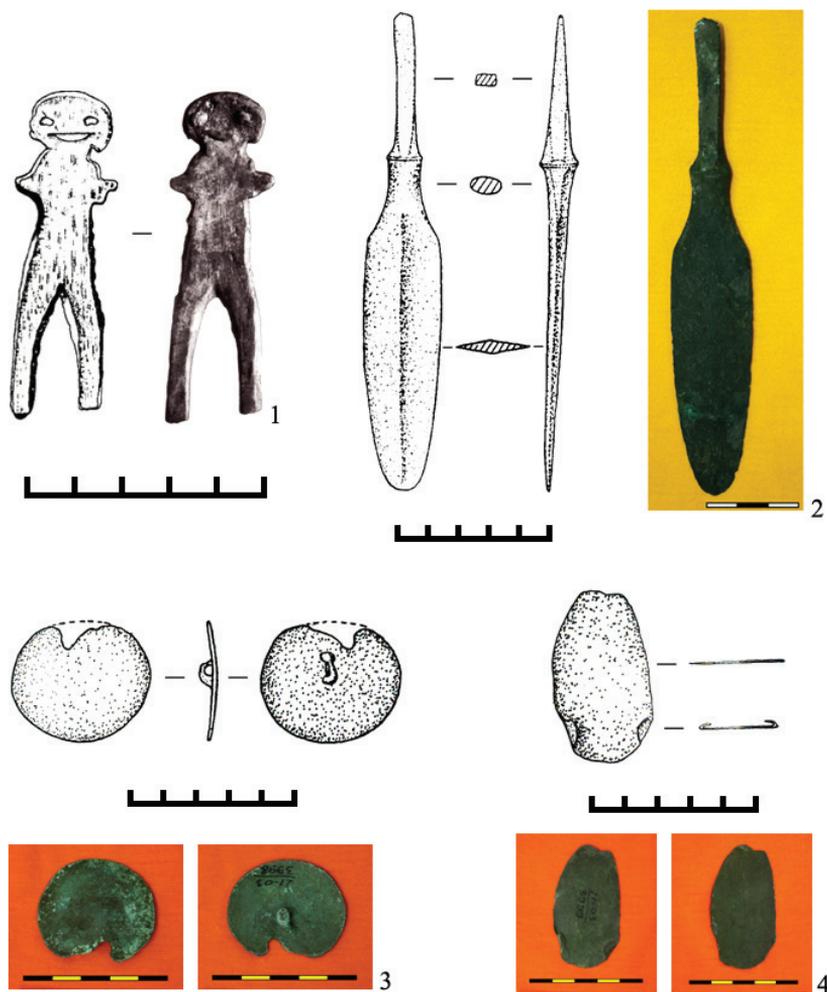

Рис. 1. Бронзовые изделия, имеющие сакральное значение.

Примечание: 1 – идол (городище Чудская Гора, сузгунская культура); 2 – нож (городище Абатское-VI, сузгунская культура); 3 – зеркальце с петелькой (поселение Оськино Болото, пахомовская культура); 4 – бритва (поселение Оськино Болото, пахомовская культура)

КЕРАМИКА «ЛЕСНОГО» НЕОЛИТА БЕЛАРУССКОГО ПОБУЖЬЯ

© 2014 г. О.Ю. Ткачев

В статье представлены результаты анализа керамики «лесного» неолита с территории Белорусского Побужья. Выделяются 4 типа, характерные для региона, дается их описание, рассматривается развитие местных традиций «лесного» неолита на фоне традиций соседних территорий.

Ключевые слова: Белорусское Побужье, «лесной» неолит, тип Дубичай, тип Соколувэк, тип Лысая Гора, тип Добрый Бор, припятско-неманская культура, неманская культура.

Белорусское Побужье размещается на юго-западе Беларуси и включает в себя среднее течение Западного Буга с притоками Мухавец, Лесная, Пульва.

Несмотря на то что первые археологические исследования в регионе были проведены в 70-х годах XIX в., памятники неолита с территории Белорусского Побужья долгое время оставались неизвестными. Большая часть артефактов каменного века была получена во время нерегулярных разведок, которые в основном проводили исследователи, занимающиеся изучением более поздних периодов. В результате, неолит Белорусского Побужья оказался «белым пятном» на археологической карте Беларуси. И только с 2007 г. в регионе началось целенаправленное и регулярное изучение памятников каменного и бронзового веков.

Сегодня на территории Белорусского Побужья известно свыше 50 памятников, которые, среди прочего, содержат материалы неолита. Из них на 16 (все относятся к бассейну р. Лесная) были проведены археологические исследования. Одной из наиболее

представительных коллекций, полученных во время изучения региона, является коллекция керамики «лесного» неолита. По итогам ее анализа можно выделить четыре типа, характерных для изучаемой территории.

Тип Дубичай. Керамика типа Дубичай представлена преимущественно неорнаментированными фрагментами. В формовочном тесте присутствуют органические примеси. Иногда в качестве дополнительного отощителя используется песок или шамот. Из-за обилия органической примеси, фрагменты очень хрупкие. Внешняя поверхность часто хорошо заглажена; внутренняя в некоторых случаях имеет следы расчесов. Толщина фрагментов 7–10 мм.

Горшки имеют плавно выгнутый корпус со сведенным верхом. Края венчиков прямые или слегка отогнутые, срезы закругленные. В большинстве случаев срезы венчиков орнаментировались.

Наиболее популярным элементом орнаментации являются тонкие прочерченные линии, которые располагались горизонтальными

поясами, концентрируясь в верхней части сосуда под поясом сквозных отверстий или образовывали косую сеть. Универсальным мотивом орнамента является ряд сквозных отверстий под краем венчика. Иногда встречаются наколы или невыразительные отпечатки «линейного» штампа.

Тип Соколувэк. Керамика данного типа представлена фрагментами горшков, в формовочном тесте которых минеральных примесей значительно больше чем органических. Тесто хорошо вымешано, обжиг качественный. Поверхность сосудов старательно заглажена, иногда подлощена. Толщина фрагментов 6–8 мм.

Удалось частично восстановить только один горшок. Сосуд имеет плавно выгнутый корпус со слегка отогнутым венчиком. Срез гофрирован.

Под краем венчика имеется зона сквозных отверстий. Среди элементов орнаментации присутствуют тонкие прочерченные линии и отступающие наколы. Единственным мотивом являются горизонтальные пояса, состоящие из нескольких рядов.

Тип Лысая Гора. В формовочном тесте вместе с минеральными примесями (песок или дресва) иногда присутствуют волокнистые органические добавки. Тесто хорошо вымешано, обжиг качественный. Внешняя поверхность сосудов гладкая, покрыта ангобом, внутренняя – иногда шершавая от примесей песка. Толщина фрагментов 7–9 мм.

Сосуды данного типа остродонные с плавно выгнутым корпусом и отогнутым коротким венчиком над немного суженной шейкой. Срезы венчиков в большинстве случаев украшены отпечатками линейного штампа.

Под краем венчика имеется зона глубоких наколов. Подобные наколы делались круглым или прямоугольным

в сечении орнаментом. Наиболее распространенным элементом орнамента является вертикально поставленный линейный штамп, иногда выполненный с легким наклоном вправо. Штамп наносился как строго перпендикулярно к поверхности, так и под наклоном, в манере «скорописи». Реже встречаются различные наколы, в том числе «копытца». Сочетание различных элементов не было характерно для керамики данного типа. Среди мотивов доминируют одиночные горизонтальные пояса.

Тип Добрый Бор. Материалы данного типа наиболее многочисленные. Они обнаружены на большинстве памятников Беларускаго Побужья, где имеются неолитические материалы. В качестве примесей в формовочном тесте присутствуют средняя и крупная дресва, песок, шамот. Поверхность с одной или обеих сторон покрыта легкой подгоризонтальной штриховкой и нередко имеет следы заглаживания. Толщина фрагментов 5–11 мм.

Среди доброборской керамики Беларускаго Побужья выделяются две различные морфологические группы: 1) с невысоким отогнутым венчиком, ровными незаглаженными стенками и примесями средней и крупной дресвы; 2) с высоким прямым отогнутым венчиком и штрихованной поверхностью. Корпус всегда плавно выступает, шейка узкая, край венчика в подавляющем большинстве случаев наклонен внутрь. Срез венчика почти всегда закруглен или в редких случаях утончен снаружи. Большинство из них орнаментированы отпечатками линейного штампа или гребня, из-за чего на краю венчика имеются небольшие наплывы с одной либо с двух сторон.

В подавляющем большинстве случаев под краем венчика снаружи наносился пояс глубоких круглых ямок

или наколов. Реже они наносились с внешней стороны сосуда. На материалах доброборского типа в орнаментике доминируют отпечатки линейного штампа, образующие горизонтальные пояса. Линейный штамп мог наноситься как строго вертикально к орнаментируемой поверхности, так и под углом, образуя различные вариации отпечатков. Штамп мог наноситься, как разрежено, так и плотно. В большинстве случаев они наносились горизонтальными поясами, которые были сплошными или прерывистыми. Популярными являются кососетчатые мотивы, созданные при помощи тонких прочерченных линий. Другие элементы (различные наколы, «копытца», насечки) встречаются реже. Они, как и линейный штамп, образуют горизонтальные, иногда сдвоенные, пояса.

Полученные материалы позволяют сделать первые, предварительные, выводы о развитии местного «лесного» неолита и его месте среди древностей Восточной Европы.

Начало неолита на западе Беларуси исследователи связывают с древностями припятско-неманской культуры, для которой характерна керамика типа Дубичай. Ареал культуры они ограничивали Белорусским Понеманьем и левобережьем Припяти, северо-западной окраиной Украины, Южной Литвой и частью Северо-Восточной Польши [Чернявский, Исаенко, 1997, с. 148–149]. Бассейн Западного Буга и территория западнее р. Рось относились к так называемым традициям польского «лесного» неолита, культурно близкого к древностям раннего неолита Западной Беларуси [Чарняўскі, 2003, мал. 5]. Сегодня керамика типа Дубичай найдена на 8 памятниках с территории Белорусского Побужья, что позволяет расширить западные границы припятско-неманской культуры.

Впервые на территории Беларуси была выявлена керамика типа Соколувэк. Сохраняя морфологию и орнаментацию, которые характерны для дубичайской керамики, она выделяется среди «классических» раннеолитических материалов Западной Беларуси. Подобные материалы найдены на территории Подляшья [Wawrusiewicz, 2013]. Пока трудно говорить о месте соколувэцкой керамики среди древностей «лесного» неолита Западной Беларуси и Восточной Польши из-за ее малочисленности. Однако, вероятнее всего, она является результатом локального развития керамики типа Дубичай в западном ареале развития припятско-неманской культуры.

В среднем неолите под воздействием новаций с запада, которые наложились на местные раннеолитические традиции, начинает формироваться неманская культура, распространенная на территории Понеманья, Повисленья, на юге Литвы и Западном Полесье. Два ее этапа, представленные керамикой типа Лысая Гора и Добрый Бор, приблизительно соответствуют среднему и позднему неолиту.

На смену керамике типа Дубичай приходит керамика типа Лысая Гора, которая формировалась под влиянием культуры воронковидных кубков при сохранении ряда черт раннеолитической дубичайской керамики [Чарняўскі, 1979, с. 55–60; 2001, s. 235–237]. Наиболее широко лысогорская керамика представлена в верхнем бассейне Немана [Чарняўскі, 2004, с. 107]. Количество же лысогорских материалов на территории Белорусского Побужья незначительно. Похожая ситуация наблюдается на памятниках Верхней Припяти [Калечыц, 2002, s. 128; Калечиц, Обуховский, 2004, р. 49] и Подляшья [Wawrusiewicz, 2011, гус. 2]. Вероятно, из-за достаточно широких

болотистых просторов, которые отделяют бассейн Немана от Полесья и Побужья, традиции с Верхнего Немана проникали сюда с трудом.

В III тыс. до н. э. на территорию Беларуси начинают проникать носители и идеи культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики, под влиянием которых происходит формирование поздненеолитического доброборского этапа неманской культуры [Чарняўскі, 1979, с. 61-68; 2001, с. 238, 239].

Первая группа доброборской керамики с территории Белорусского Побужья имеет гибридные лысогорско-доброборские черты. Подобная керамика достаточно часто встречается

на памятниках Верхней Припяти [Чарняўскі, 2011, с. 81; Калечиц, 2002, с. 128; Калечиц, Обуховский, 2004, р. 49]. Что касается второй группы, то ее можно связывать с «классической» керамикой типа Добрый Бор, которая широко распространена в Висло-Неманском междуречье и в бассейне Верхней Припяти [Чарняўскі, 2001, с. 240].

Исследование памятников с материалами «лесного» неолита на территории Белорусского Побужья только началось. И лишь дальнейшее проведение археологических работ в регионе позволит дать ответы на вопросы о том, как развивались традиции «лесного» неолита Юго-Западной Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калечиц Е.Г., Обуховский В.С. Этапы заселения Мотольского микрорегиона в каменном и бронзовом веках: по материалам поселения Мотоль-17 // Lietuvos Archeologija. – Т. 25. – Vilnius, 2004. – Р. 45–78.
2. Калечиц А.Г. Што паказалі археалагічныя досьледы на Заходнім Палессі (па матэрыялах Мотальскага мікрарэгіёна) // Badania archeologiczne w Polsce północno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000-2001. Materiały z konferencji, Białystok 6–7 grudnia 2001 roku. – Białystok, 2002. – S. 123–133.
3. Чарняўскі М. Да пытання вылучэння прыпяцка-неманскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 18. – Мінск, 2003. – С. 25–33.
4. Чарняўскі М. Неаліт Беларусі: праблемы перыдызацыі і храналогіі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. –Warszawa, 2004. – S. 99–118.
5. Чарняўскі М. Неманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu. – Białystok, 2011. – S. 77–86.
6. Чарняўскі М.М. Неаліт Беларускага Панямоння. Мн., 1979.
7. Чарняўскі М.М. Неаліт з грабенчата-накольчатой і кольчатой керамікай Заходняй Беларусі. Асаблівасці эвалюцыі // Od neolityzacji do początków epoki brązu. – Poznań, 2001. –S. 231–240.
8. Чарняўскі М.М., Ісаенка У.Ф. Неманская культура // Археалогія Беларусі. – Т. 4. – Мінск, 1997. – С. 145–170.
9. Wawrusiewicz A. Ceramika typu Sokołówek na Podlasiu i jej znaczenie w rozwoju społeczności subneolitycznych Polski Północno-Wschodniej // Studia i mate-

rialy do badań nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu. – T. III. – Warszawa, 2013. – S. 5–24.

10. Wawrusiewicz A. Okres neolitu i wczesnej epoki brązu na Podlasiu. Stan i perspektywy badań // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu. – Białystok, 2011 – S. 13–36.

CERAMICS OF THE “FOREST” NEOLITHIC OF BELARUSIAN PABUZHHA

© A.Y. Tkachjov

The article presents the results of the analysis of ceramics of the “forest” Neolithic from the belarusian territory of Bug River. Four typical types of ceramics are specified and described; the evolution of local traditions of “forest” Neolithic on the background of neighboring territories is considered.

Key words: Belarusian Pobuzhza , “Forest” Neolith, Type Dubichay, Type Sokolovek, Type Lysaya Gora, Type Dobry Bor, Pripets-Neman culture, Neman culture.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ГРОНОВ 3)

© М.И. Ткачева

В статье представлены результаты анализа неолитической керамики памятника Гронов 3 (Беларусское Посожье). На основании проведенного исследования выделены 4 основные типа керамики, дается их описание, проводится соотношение выделенных типов с этапами развития верхнеднепровской культуры в регионе, определяются влияния других культур. Предварительно выделяется нескольких традиций в изготовлении сосудов, каждая из которых отражает особенности культурной ситуации в Восточной Беларуси в эпоху неолита.

Ключевые слова: Восточная Беларусь, каменный век, неолит, древняя керамика.

За последние 50 лет, благодаря интенсивной работе археологов, накоплена большая источниковедческая база по неолиту Восточной Беларуси. Особый интерес представляет бассейн р. Сож, как одной из крупнейших рек Беларуси. Благодаря своему географическому положению, он с древнейших времен играл важную роль в процессах миграции населения. В то же время, Беларусское Посожье являлось контактной зоной между различными археологическими культурами, что привело к формированию уникальной материальной культуры в регионе.

Многокультурный памятник Гронов 3 расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Сож между коренным берегом реки и озера Бродок, в урочище Курганье, в 1,1 км на восток от деревни Гронов в Чериковском районе Могилевской области (север Беларусского Посожья) (рис. 1: А).

Поселение выявлено в 1974 г. В.П. Третьяковым [Третьяков, 1975, с. 396–397]. В 1975 г. Е.Г. Калечиц раскопала на памятнике 140 кв. м. [Калечиц, 1976, с. 420; Калечиц, 1987, с. 51–56]. В 2002

г. поселение обследовал А.В. Колосов [Колосов, 2009, с. 162].

Керамический материал памятника Гронов 3 был частично опубликован Е.Г. Калечиц [Калечиц, 1987, с. 49–54; Калечиц, 1994, с. 133–147; Калечиц, 1997, с. 176–183]. Однако исследовательница не ставила перед собой цель всесторонне проанализировать данную керамику. Описание находок слишком общее. Наблюдаются некоторые неточности как в процентном соотношении керамики по орнаментации [Калечиц, 1987, с. 110, таб. 8], так и в описании формы венчиков [Калечиц, 1987, с. 107, рис. 51]. По этой причине следует еще раз обратиться к керамическому материалу раскопок Е.Г. Калечиц и составить более детальную типологию керамики, основанную на технико-технологическом анализе, особенностях форм сосудов и орнаментации.

Исследование базируется на всестороннем анализе 1612 фр. керамики эпохи неолита с памятника Гронов 3.

Типологически и стратиграфически в комплексе выделяется несколько типов керамики.

Первый тип представлен сосудами с содержанием большого количества органической примеси. Толщина стенок 0,6–0,7 см. Поверхность заглажена с обеих сторон. Расчесы по внутренней поверхности наносились редко. Венчики – сведенные внутрь с прямым, закругленным, заостренным или скошенным внутрь краем; сведенные внутрь с отогнутым наружу прямым или закругленным краем. Единственный, практически полностью реконструированный горшок данного типа, имеет диаметр по венчику – 24 см. Основное расширение приходится на середину сосуда. Донца острые либо подострые. Преобладающим элементом орнамента является гребень. Среди мотивов – горизонтальная линия, диагональная линия, реже вертикальная елочка. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда (рис. 1: Б–1). Неотъемлемой частью орнаментации является ряд ямок под краем венчика, нанесенных после основной орнаментации сосуда. Край и внутренняя сторона венчика в некоторых случаях украшались гребнем. Однако этот прием скорее исключение, чем правило.

Второй тип – сосуды с большим количеством органической и минеральной примеси. Толщина стенок 0,6–0,7 см. Венчики по толщине не отличаются от стенок. Поверхность хорошо заглажена с внешней стороны и заштрихована изнутри. Венчики – сведенные внутрь с прямым, закругленным или заостренным краем; сведенные внутрь с отогнутым наружу заостренным краем. Нижняя часть сосуда – конусовидная, переходящая в острое дно. Преобладающий элемент орнамента – лапка. Вдавления, наколы (преимущественно круглые) и гребень встречаются реже. Лапка, покрывая всю поверхность сосуда, образует

горизонтальные ряды либо стоит в шахматном порядке. На поверхности некоторых горшков наблюдается чередование горизонтальных поясов лапки с горизонтальными рядами вдавлений, наколов и в некоторых случаях гребня. У всех сосудов под венчиком оформлен одинарный ямочный пояс.

Третий тип – сосуды с примесью разнородной дресвы. Толщина стенок варьируется от 0,6 до 1,3 см. Сосуды покрывались ангобом. Для выравнивания поверхности использовался гребень либо пучок травы. Венчики – сведенные внутрь с прямым или заостренным краем; прямые со слегка сведенным внутрь закругленным краем; сведенные внутрь с отогнутым наружу закругленным или заостренным краем. Диаметр горла – 30–32 см. Хорошо фиксируется изгиб в верхней трети сосуда. Нижняя часть сосуда – конусовидная. Донца не сохранились.

Ведущими элементами орнамента являются выгнутый гребень, овальная лапка с нажимом на верхний край, наколы и гусеница. Наиболее распространенными мотивами являются горизонтальные ряды, объединяющиеся в горизонтальные, реже диагональные и вертикальные пояса. Появляются такие мотивы орнамента, как ромб, крест и вертикальный зигзаг. В орнаментации преобладают композиции из чередующихся двух или трех видов мотивов (рис. 1: Б–2).

Наблюдается значительное усложнение орнаментальной композиции, т.е. появление новых видов мотивов и замена сплошной системы орнаментации зональной, на что косвенно указывает большое количество фрагментов без орнамента.

Четвертый тип – толстостенные сосуды с примесью органики и дресвы в тесте. Внутренняя поверхность

заглаживалась гребнем. Орнаментация прослеживается по всей поверхности горшка и характеризуется чередованием горизонтальных поясов глубокой ромбовидной лапки, стоящей в шахматном порядке и горизонтальной «елочкой», выполненной выгнутым гребнем.

О форме сосудов данного типа можно судить по одному частично сохранившемуся сосуду. Венчик – сведенный внутрь с отогнутым наружу закругленным краем. Диаметр по венчику 33 см. Сосуд имеет ярко выраженный изгиб (ребро) в верхней трети. В орнаментации наблюдается чередование орнаментированных зон с зонами без орнамента. Донце не сохранилось.

Каждый из выделенных 4-х типов может служить индикатором культурных процессов, имевших место в неолите в данном регионе.

Керамика первого типа является наиболее ранней на памятнике. Об ее архаичности свидетельствует как место залегания (нижние пласты), так и особенности технологии, морфологии и орнаментации. Она сопоставима с ранней керамикой верхнеднепровской культуры, которую, на основании материалов с памятников южного Посожья, выделяет Е.Г. Калечиц [Калечиц, 1994, с. 27].

Керамика второго типа сильно отличается от предыдущей. Сохраняется форма сосудов, но изменяется рецептура керамического теста и орнаментация. Появляется новый элемент орнамента – лапка, которая становится главным элементом в композиции. Наиболее близкие аналогии данной керамики следует искать в Подесенье [Смирнов, 2010, с. 258], для которой характерно украшение всей поверхности сосудов элементами, расположенными в шахматном порядке.

Третий тип соответствует поздней керамике верхнеднепровской культуры, описанной Е.Г. Калечиц [Калечиц, 1994, с. 133–147]. О чем свидетельствуют изменение примеси в керамическом тесте, появление в комплексе ребристых сосудов и усложнение орнаментации. Данные перемены в керамической традиции характерны для всего ареала культур днепро-днецкого культурного круга на позднем этапе развития.

Четвертый тип, сочетающий в себе черты второго и третьего типов, с ярко выраженными восточными и южными влияниями, можно назвать гибридным. Присутствие подобного материала в комплексе говорит о временном сосуществовании носителей разных традиций в регионе.

Кроме того, в керамическом материале памятника Гронов 3 зафиксирована керамика с чертами других неолитических культур.

Культура ямочно-гребенчатой керамики. В коллекции выявлены фрагменты толстостенных сосудов с большим количеством органики и крупной дресвы в тесте, со штриховкой на внутренней поверхности. Основным элементом орнамента является глубокая ямка, образующая горизонтальные ряды или шахматные мотивы. Данная группа керамики доказывает влияние культур ямочно-гребенчатой керамики. Скорее всего, традиция орнаментации сосудов глубокими цилиндрическими ямками проникла в Беларусское Посожье из Волго-Окского междуречья через Подесенье.

Среднеднепровская культура. В комплексе выделяется небольшая группа фрагментов с признаками, характерными для среднеднепровской культуры – тонкостенная керамика с различными видами примесей: разнотонная дресва; органика и песок; органика и шамота. Поверхность

грубо заглажена изнутри. Венчики – сведенные внутрь с заостренным краем. Основной мотив – выполненные гребнем «заполненные» треугольники. Кроме того, в комплексе зафиксированы фрагменты технологически близкие среднеднепровским, но имеющие морфологию (острое донце) и орнаментацию (горизонтальные ряды длинного косопоставленного гребня и ямки, расположенные в шахматном порядке), характерную неолитической традиции. Наличие подобного материала в комплексе может подтверждать временное сосуществование населения верхнеднепровской культуры с населением среднеднепровской культуры.

Таким образом, результаты анализа неолитической керамики памятника Гронов 3 указывают на наличие на севере Белорусского Посожья нескольких традиций в изготовлении сосудов, каждая из которых отражает особенности культурной ситуации в Восточной Беларуси в эпоху неолита. Говорить о хронологическом и генетическом соотношении данных традиций можно лишь предварительно. Только дальнейший всесторонний анализ керамического материала памятников Восточной Беларуси позволит проследить эти процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калечиц Е.Г. Исследования в Посожье // Археологические открытия 1975 года. – М., 1976. – 420 с.
2. Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Минск, 1987. – 158 с.
3. Калечиц Е.Г. Керамика верхнеднепровской культуры // Gyvenviešis ir keramikos raida baltų žemėse. – Vilnius, 1994. – С. 133–147.
4. Калечиц А.Г. Верхнеднепровская культура // Археологія Беларусі. Каменны і бронзавы вякі. – Т. 1. – Мінск, 1997. – С. 170–190.
5. Колосов А.В. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиции 2002–2008 гг.). – Могилев, 2009. – 264 с.
6. Смирнов А.С. О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М., 2010. – С. 253–262.
7. Третьяков В.П. Разведки в Посожье в Могилевской области // Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. – С. 396–397.

**NEOLITHIC CERAMICS FROM EASTERN BELARUS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SETTLEMENT GRONOV 3)**

© **M.I. Tkachova**

The article is devoted to the analysis of a collection of Neolithic pottery from the settlement of Gronov 3 (Eastern Belarus). The results of this pottery analysis are presented in this paper.

The author identifies the main types of ceramics, describes them in detail, correlates these types with the stages of ceramics of the verhnedneprovskaya archeological culture in this region and determines the influence of other cultures. Based on the analysis several traditions in the production of vessels were identified previously. Each of them reflects the cultural situation in Eastern Belarus in Neolithic.

Key words: Eastern Belarus, Stone Age, Neolithic, ancient ceramics.

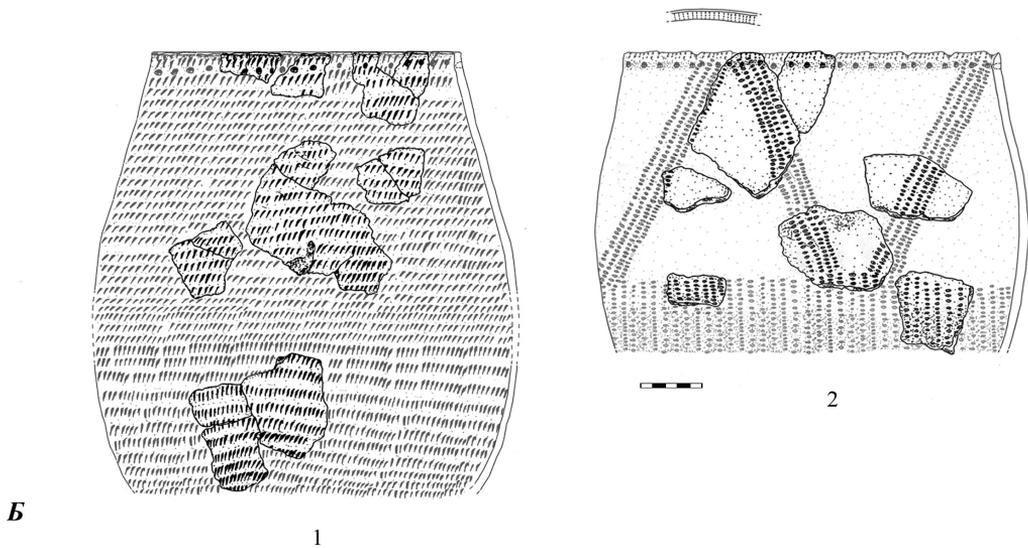
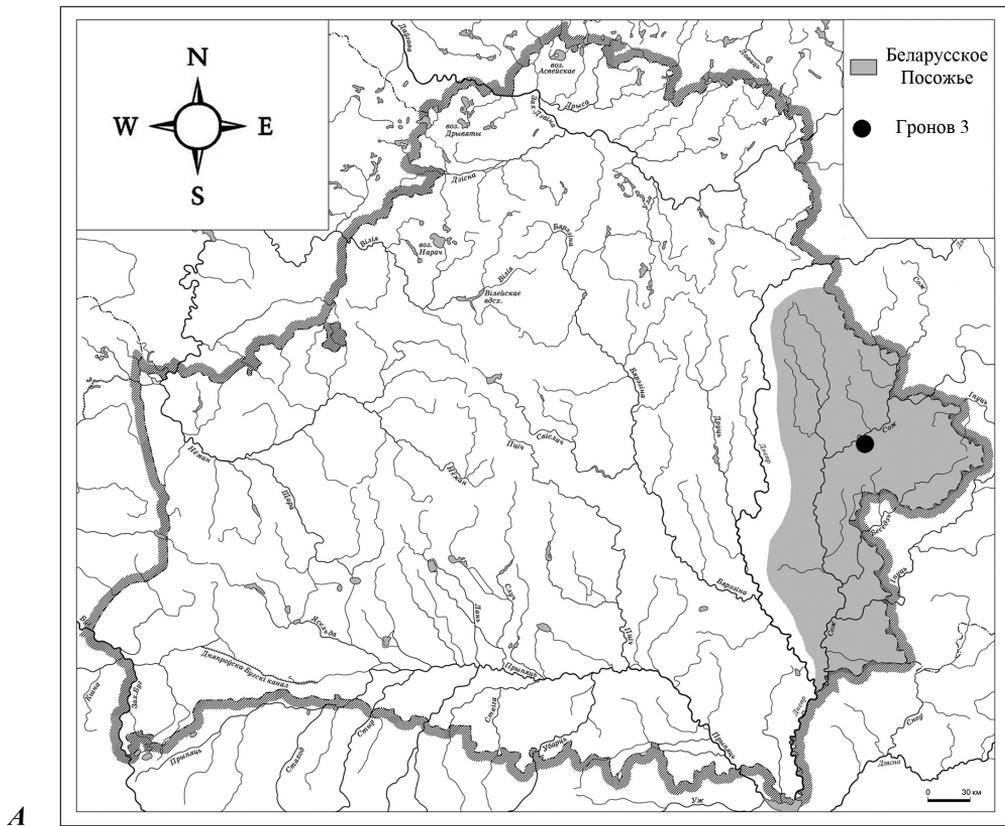

Рис. 1. А – Карта расположения памятника Гронов 3; Б – Неолитические сосуды памятника Гронов 3.

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ XI–XIII ВВ. ИЗ БЕЛОРУССКОГО ПОСОЖЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

© 2014 г. В.Г. Тылецкий

В статье рассматриваются предметы личного благочестия XI–XIII вв. из Белорусского Посожья. На основе комплексного анализа погребального инвентаря и находок из поселений делаются выводы о направлении и темпах христианизации.

Ключевые слова: христианизация, нательные крестики, погребальный инвентарь.

Проблема христианизации белорусских земель не имеет однозначной оценки в историографии – бытуют разные мнения о характере и темпах принятия новой веры. Анализ погребального обряда с реконструкцией наборов погребального инвентаря является основным источником для изучения духовной культуры населения, при этом важно не просто констатировать факт находки того или иного предмета, а правильно интерпретировать его значение. Интерес к Посожью обусловлен заметной концентрацией находок предметов христианского культа индивидуального использования с территории Беларуси именно в этом регионе.

Коллекция предметов личного благочестия сельского населения XI–XII вв. с территории белорусского Посожья представлена крестами-тельниками и несколькими экземплярами энколпионов. Исходя из особенностей археологического изучения земли летописных радимичей – селища исследовались мало – подавляющее большинство материала происходит из курганных захоронений.

Курганные группы интенсивно исследовались в 1960-е годы Радимичской экспедицией (под руководством Г.Ф. Соловьевой). Раскопки на памятниках Веточка, Гадиловичи, Ходосовичи, Шапчицы и Юдичи позволили собрать значительную коллекцию крестов-тельников, но, к сожалению, материалы почти всех раскопок, хранившиеся в Институте Археологии РАН, были утрачены. Небольшое количество предметов опубликовано Я.Г. Риером, проводившим раскопки в северной части региона в 1970-е годы (могильники: Чаусы, Колодецкая).

В XI в. для радимичского Посожья был характерен обряд ингумации, вероятно, в северной части региона. Наряду с обрядом труположения некоторое время продолжал существовать обряд кремации (полной и неполной) [Макушников, 2009, с. 44]. Переход к ингумации у радимичей является следствием распространения христианства: обряд трупосожжения был абсолютно несовместим с церковными канонами. Погребения по обряду ингумации, в зависимости от уровня положения умершего, можно раз-

делить на типы: на материке, в насыпи, в яме (наиболее поздний тип, бытовавший в к. XI–XII в.). При ямном типе погребения, который можно считать переходным звеном к захоронению в грунтовых могильниках (в соответствии с христианскими канонами) кресты-тельники в курганах рассматриваемого региона обнаружены не были. Этот, казалось, незаконномерный факт объясняется общей для всей территории Беларуси тенденцией исчезновения инвентаря с переходом к ямному типу погребений. Захоронения с крестами-тельниками в большинстве можно определить как женские, они, как правило, выделяются богатым инвентарем на фоне «бедных» мужских. Примечательно, что среди захоронений с данной категорией предметов встречаются парные (мужчина и женщина), в которых костяк женщины ориентирован на запад, а мужчины – на восток.

Кресты-тельники из курганов междуречья Днепра и Ипути представлены в основном четырьмя типами. Самые многочисленные – крестики с изображением Распятия: найдено 15 экземпляров в 4 курганах. Их связь с христианской символикой не вызывает сомнений. Однако в какой степени обладатели такой символики являлись христианами еще предстоит выяснить. Кресты данного типа изготавливали из меди, бронзы, серебра. Судя по контексту находок, они принадлежали зажиточной части сельского населения. Хронологические рамки бытования крестов с изображением Распятия на территории Посожья к. X–XI в., при этом кресты данного типа найдены в городских поселениях – Новогрудке, Полоцке и датируются XII в. [Башков, 2011, с. 34–35], крестик из Новгорода, аналогичный фрагменту из Ходосович,

обнаружен в слое 30–40-х годов XI в. [Седова, 1981, с. 50]. Интересен тот факт, что из всех радимичских курганов неизвестны единичные находки крестов с изображением Распятия – их носили в ожерелье по несколько штук.

Следующий тип – широко распространенные на территории всей Древней Руси «скандинавские» крестики (по классификации А.А. Башкова – плоский односторонний тип I), найдены в количестве 6 экземпляров в 6 курганах, сделаны из бронзы или серебра (один экземпляр из могильника Гадиловичи). В городских поселениях Беларуси (Волковыск, Дрисвяты) кресты данного типа встречены и в слоях XIII в. [Башков, 2011, с. 22]. На территории Беларуси «скандинавские» кресты встречены в курганах и за пределами земли радимичей – это могильники: Дроздово, Избище, Дмитровщина, Звезда и др. Кресты «скандинавского типа» из курганов радимичей характеризуются разнообразием декоративной отделки – 5 вариантов, при этом, кресты одного и того же варианта не встречены за пределами одного захоронения. М.В. Фехнер высказала предположение о вариативности использования крестов: их могли носить как на груди в ожерельях, так и прикреплять к поясу или подвешивать на цепочке к плечу, но по материалам раскопок курганов Белорусского Посожья этому подтверждений пока нет. Из шести курганов с крестами «скандинавского типа» в трех также найдены и кресты с изображением Распятия (а из четырех курганов с крестами с Распятием в трех кресты «скандинавского типа»).

Помимо двух самых распространенных типов крестов в курганах Посожья найдены кресты-тельники с эма-

лю (Глыбов, Козаричи). Глыбовский экземпляр из женского погребения, входивший в состав ожерелья из бус, аналогичен крестам с городищ: Лучин, Масковичи (слой вт. четв. XII – п.п. XIII в.) [Башков, 2013, с. 384–385].

Единственный объемный крестик из курганов Белорусского Посожья найден в составе ожерелья из бус на памятнике Сосновка. Кресты XI–XIII вв., относящиеся к отделу объемные (по классификации А.А. Башкова), широко распространены по всей Беларуси и встречаются преимущественно в напластованиях городских поселений (Полоцк, Вицин, Заславль, Волковыск, Друцк).

Материалы с селищ немногочисленны (всего две находки крестов), но они могут дополнить данные, полученные на основании раскопок курганов. Так, например, на селище Чаусы найден плоский односторонний крест типа II (по классификации А.А. Башкова) – аналогичный и соответствующий ему хронологически крест относится к курганному могильнику Нисимковичи (XI–XII вв.). На селище Лучин найден объемный металлический крест (тип VIII), а подобный ему происходит из кургана могильника Сосновка.

Наибольшая концентрация крестов-тельников сельской местности данного региона приходится на Рогачевский район. О развитии ювелирного дела в деревнях Рогачевщины мы можем судить лишь по следующим находкам: льячка и

фрагменты шлака из кургана в Юдичах [Плавинский, 2000, с. 74].

Как показывают раскопки Гомеля, Вищина и материалы из Рогачева, кресты-тельники были широко распространены в феодальных замках и городах XII–XIII вв. Кресты-тельники из городищ этого периода характеризуются разнообразием материалов изготовления, морфологического строения и декоративной отделки. Их обладатели, в отличие от жителей сельской местности, без сомнения, были христианами. Феодальные замки-усадебные выступают в роли проводника христианства в сельскую местность – это прослеживается через заимствование типов крестов начиная с XII в. и распространение в деревнях предметов христианского культа.

Кресты-тельники – доказательство пребывания в XI в. на территории Посожья носителей христианской веры, но владельцы таких предметов были только поверхностно знакомы с основами христианства: заимствовали внешние формы религии. Сельская местность не была активно втянута в процесс христианизации, все еще была жива языческая обрядность, и только с XII в. заметно приобщение местных жителей к новой религии. Эту тенденцию помогут проследить новые находки крестов-тельников объемных типов и крестиков с эмалью, в первую очередь, на селищах Белорусского Посожья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башков А.А. Нателные кресты городища Масковичи // Гісторыя і археалогія гарадзішча Маскавічы. – Рыга, 2013. – С. 384–385.

2. Башков А.А. Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). – Минск, 2011. – 194 с.

3. Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. (социально-экономическое и этнокультурное развитие). – Гомель, 2009. – 218 с.

4. Плавинский А.Н. Раскопки курганов в Рогачевском районе археологической экспедицией Белгосуниверситета // Старажытнасці Рагачоўшчыны. – Мінск, 2000. – С.73–75.

5. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. – Москва, 1981. – 196 с.

DEVOTIONAL ARTICLES OF PERSONAL USE OF THE 11TH – 13TH CENTURIES OF BELARUSSIAN POSOZHE: PROBLEMS AND OUTLOOKS OF INTERPRETATION OF ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

© V.G. Tyletskiy

The article considers Devotional articles of personal use of the 11th – 13th of belarusian Posozhe. Based on a comprehensive analysis of the grave goods and findings from settlements conclusions about the direction and pace of Christianization are made.

Key words: christianization, cross necklace, grave goods.

К ХРОНОЛОГИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА И ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ II В. ДО Н.Э. ПО КЕРАМИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСАМ

© 2014 г. М.И. Тюрин

Работа посвящена локальной хронологии херсонесского эллинистического государства, восстанавливаемой на основании изучения археологических комплексов. Новейшие полевые работы позволяют отнести перестройки на городище Херсонеса к началу второй половины II в. до н.э. Несколько более ранним временем датируется гибель поселений городской округи. Оба эти события, видимо, связаны со скифо-херсонесскими конфликтами.

Ключевые слова: эллинизм, археологический комплекс, амфоры, рельефная керамика.

Во II в. до н.э. Херсонес под давлением скифов лишился своих обширных владений в Западном Крыму. Эта геополитическая катастрофа херсонесского полиса нашла археологическое отражение в слоях гибели поселений городской хоры. К настоящему времени исследована целая группа памятников дальней городской округи в Северо-Западной Таврике, которые получили соответствующую историческую интерпретацию. Несколько сложнее обстоят дела с владениями Херсонеса в Юго-Западном Крыму и самим Херсонесским городищем: комплексы позднеэллинистического периода здесь почти не издавались. В 40-50-х гг. XX в., основываясь на материалах из раскопок Северного района, Г.Д. Белов сделал предположение о разрушении городища Херсонеса на рубеже II и I вв. до н.э. [Белов, Стржелецкий, 1953, с. 69, 72]. С этого времени тезис о гибели города в указанный период не пересматривался. В докладе будут кратко рассмотрены памятники городища

Херсонеса и его ближайшей округи. В качестве примеров взяты два вновь исследованных керамических комплекса: завал в помещениях 1 и 2 на участке базилики «Крузе» (раскопки С.В. Ушакова) и горизонт разрушения на укрепленном поселении Масляная гора (раскопки А.А. Филиппенко)¹.

Полуподвальные помещения 1 и 2, исследованные в 2008–2009 гг. к западу от ранневизантийской базилики № 7, были заполнены мощным керамическим завалом. Судя по характеру залегания материала, засыпь помещений была произведена единовременно. Всего в ходе раскопок обоих помещений обнаружено более тысячи профильных фрагментов керамики. Более 29% находок составляла строительная керамика – калиптеры и солены производства Синопы, Херсонеса и Гераклеи. Амфоры менее многочисленны (16%). Среди них выделяется красноглиняная херсонесская бикони-

¹ Эти работы проводились при участии автора доклада.

ческая амфора (рис. 1, 1) типа V-A, датировка которой не выходит за пределы середины III – середины II в. до н.э. [Монахов, 1989, №№ 106, 107]. Крупными фрагментами представлена тара Синопы (вариант III-C) и Родоса (вариант вилланова) (рис. 1, 2). Большим числом находок (до 20%) представлена столовая керамика (кувшины (рис. 1, 3) и миски херсонесского производства).

Чернолаковая керамика представлена разновременными находками. Среди «примеси снизу» отмечу фрагменты краснофигурных аттических кратеров, среди позднейших находок – биконические канфары эллинистической серии с растительным орнаментом в виде побегов плюща, датируемые в пределах первой половины II в. до н.э. [Егорова, 2009, с. 50, № 551].

Отдельную группу составляют находки целых форм и фрагментов эллинистических краснолаковых полусферических чаш со слегка отогнутым бортиком. К этим сосудам морфологически примыкают чаши группы «net-pattern» с «сотовым» врезным орнаментом [Журавлев, 2007, с. 277]. Всего же фрагменты ранних краснолаковых сосудов образуют группу числом в полсотни экземпляров. Сюда входят фрагменты мисок и чаш с загнутыми бортиками, покрытых матовым лаком бурого, темно-оранжевого, красно-коричневого цветов. Аналогичные миски известны по раскопкам Южного дворца Неаполя Скифского, разрушение которого относится к третьей четверти II в. до н.э. [Зайцев, 1998, с. 57, №11, 14, 30]. Еще четыре фрагмента принадлежат кубкам с горизонтальными ручками, характерными для первой половины – середины II в. до н.э. [Журавлев, 2007, с. 278–179, № 13].

Особый интерес представляют рельефные сосуды. Закраина аттической чаши (рис. 1, 4) встречает параллели среди продукции афинской Мастерской А [Rotroff, 1982, № 112, 114, 123]. Находки рельефных полусферических чаш аттического производства крайне редки в Северном Причерноморье [Гжегжулка, 2010, с. 25; Bilde, 2010, 271]. Еще одна чаша относится к продукции Эфеса. Верхний фриз состоит из лесбийского киматия. На среднем ярусе помещены бегущие эроты вправо. Чаша должна быть датирована серединой – третьей четвертью II в. до н.э. [ср.: Шапцев, 2008, с. 330, № 19, рис. 3, 5; Гжегжулка, 2010, с. 35, 36, №№ 1, 2]. Другая чаша, декорированная рельефными каннелюрами и венком из листьев плюща (выполненными белой и оранжевой накладными красками), несет застольную надпись (рис. 1, 5).

В комплексе обнаружены амфорные клейма, причем родосский штамп эпонима Питогена относится ко времени около 150–147 гг. до н.э. [Finkielsztejn 2001, p. 193]. Таким образом, позднейшие находки датируются серединой – третьей четвертью II в. Это время следует считать *terminus ante quem* для образования комплекса заполнения помещений 1 и 2.

Сейчас в обработке находятся еще два комплекса указанного периода из раскопок городища Херсонес разных лет. Это заполнение цистерны 1950 г. (раскопки Г.Д. Белова и С.Ф. Стржелецкого) в XIX квартале и засыпь помещений 8 и 9 в I квартале (раскопки М.И. Золотарева). Есть еще несколько комплексов, исследование материалов которых запланировано на ближайшее время. Характерно, что во всех случаях это нивелировочные подсыпки, заполнения цистерн и поме-

щений: слои хозяйственной деятельности, амфорные склады этого времени и т.п. мне не известны. Всех их объединяет также смешанный характер: материал в них широко датируется в пределах конца IV - третьей четверти II вв. до н.э. По всей видимости, данные комплексы находок отражают масштабные перестройки, имевшие место на Херсонесском городище во второй половине II в. до н.э.

В качестве примера керамического комплекса II в. до н.э. из раскопок хоры Херсонеса представим материалы из укрепленного комплекса на Масляной горе. Памятник расположен на левом берегу р. Бельбек и представляет собой почти квадратное в плане укрепление. В полевом сезоне 2013 г. начато изучение восточной части комплекса, при этом зафиксирован мощный (до 30 см) горизонт разрушения. Последующие полевые исследования помогут уточнить его датировку, однако первые выводы следует сделать уже сейчас.

Более 65% обнаруженных сосудов принадлежат керамической таре. Амфорные находки однообразны и состоят в основном из фрагментов амфор производства Коса (рис. 1, 6) и Синопы. Однотипные сосуды известны среди материалов из слоев гибели усадьбы Большой Кафель [Монахов, 1999, с. 565-567, табл. 237, 4, 5] и Южного дворца Неаполя Скифского [Зайцев, 2003, с. 15, рис. 53, 3], в комплексах конца III - первой половины II вв. до н.э. Почти все несут на себе граффити. Как правило, это личные имена в родительном падеже: Βάβα Μίρου, Σατόρου, [Χα]ρίδου. В процессе реставрации находятся 5 археологически целых форм этого типа. Синопские амфоры (рис. 1, 7-9) представлены исклю-

чительно сосудами варианта III-C или III-D [Монахов, 2003, с. 154, табл. 104, 6; 105, 2]. Всего собрано шесть крупных фрагментов таких сосудов. Единичные фрагменты относятся к таре родосского производства.

Чернолаковая и краснолаковая посуда встречается в виде единичных экземпляров: фрагменты столовой амфоры, блюдо группы Восточной сигилляты А (рис. 1, 10) [Kramer, 2013, s. 284, abb.1, form 2].

Находки простой столовой керамики немногочисленны. Это два фрагмента тулова херсонесского расписного кувшина (орнамент в виде «чешуи», нанесенный толстой красной линией хорошо известен в продукции херсонесских эргастериев). Здесь же обнаружено дно импортного кувшина на кольцевом поддоне. Крупными фрагментами представлена лепная керамика: горшки и кубки с округлыми в сечении ручками.

Состав комплекса разительно отличается от памятников Херсонесского городища. Во-первых, он хронологически однороден. Во-вторых, при гибели часть керамических изделий сохранилась *in situ*, в то время как в Херсонесе имеем дело с переотложенным грунтом. В-третьих, в комплексе на Масляной горе представлены иные группы материала: значительный объем занимает лепная керамика позднескифского облика, полностью отсутствующая в столице. Вызывает интерес отсутствие в горизонте разрушения херсонесских амфор типа V, как и преобладание тары Коса: в херсонесских комплексах косские амфоры встречаются в ограниченном количестве. Отличается и состав столовой посуды.

Данный горизонт отражает гибель памятника в пожаре. Судя по материалу, произошло это в первой половине – середине II в. до н.э., возможно, в конце первой четверти столетия, когда гибнет «ближняя хора» [Кац, 2007, с. 324]. Таким образом, анализ керамических комплексов дает основание выделить некий хиатус между гибелью укрепленных пунктов хоры (80-е – 70-е гг. II в. до н.э.) и перестройками (разрушениями?) на самом Херсонесском городище (40-е – 30-е гг. II в. до н.э.). По всей видимости, он составляет от трех до пяти десятилетий. Дальнейшие раскопки и анализ керамических комплексов позволят уточнить обе эти даты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА. – 1953. – № 34. – С. 32–105.
2. Гжегжулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. – Варшава, 2010. – 344 с.
3. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. – М., 2009. – 256 с.
4. Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка»// Материалы исследований городища «Чайка». – М., 2007. – С.75–312.
5. Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара I южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I // Труды ГИМ. – 1998. – Вып. 102, с. 52–60.
6. Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). – Симферополь, 2003. – 212 с.
7. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. – Саратов, 1994. – 170 с.
8. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. – Саратов, 1989. – 158 с.
9. Монахов С.Ю. Греческие амфоры. Комплексы керамической тары. – Саратов, 1999. – 680 с.
10. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной гавани. – Симферополь, 2006. – 248с.
11. Шапцев М.С. Мегарские чаши позднескифского городища Булганак// ПИФК. – 2008. – Вып. XIX. – С. 325–335.
12. Bilde P.G. Mouldmade bowls, The Lower City of Olbia, Black Sea Studies 13. – Aarhus, 2010. – P. 269–288.
13. Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. -J.-C. environ, Oxford, 2001.
14. Kramer N. Überlegungen Zur Estern Sigillata A// Networks in the Hellenistic World. – Oxford, 2013. – P. 283–292.

15. Rotroff S. I. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls, Agora, 22.* – Princeton, New Jersey, 1982.

16. Vanrerpool E., McCredie J., Steinberg A. *Koroni: a Ptolemaic camp on the East coast of Attica // Hesperia.* – 1962. – Vol. XXXI. – P. 26–61.

A CONTRIBUTION TO THE CHRONOLOGY OF THE SITE OF CHERSONESOS AND ITS CHORA SETTLEMENTS IN THE 2ND CENTURY BC ACCORDING TO POTTERY DEPOSITS

© M.I. Tiurin

The article is devoted to the chronology of the Hellenistic state of Chersonesos, based on the research on closed deposits. The latest excavations make us suggest that the massive rearrangements in the city took place in the second half of the 2nd century BC. The collapse of Chersonesian Chora should be dated to somehow earlier period. Both this events are connected with aggression of the Late Scythians.

Key words: Hellenism, deposit, amphorae, mouldmade pottery.

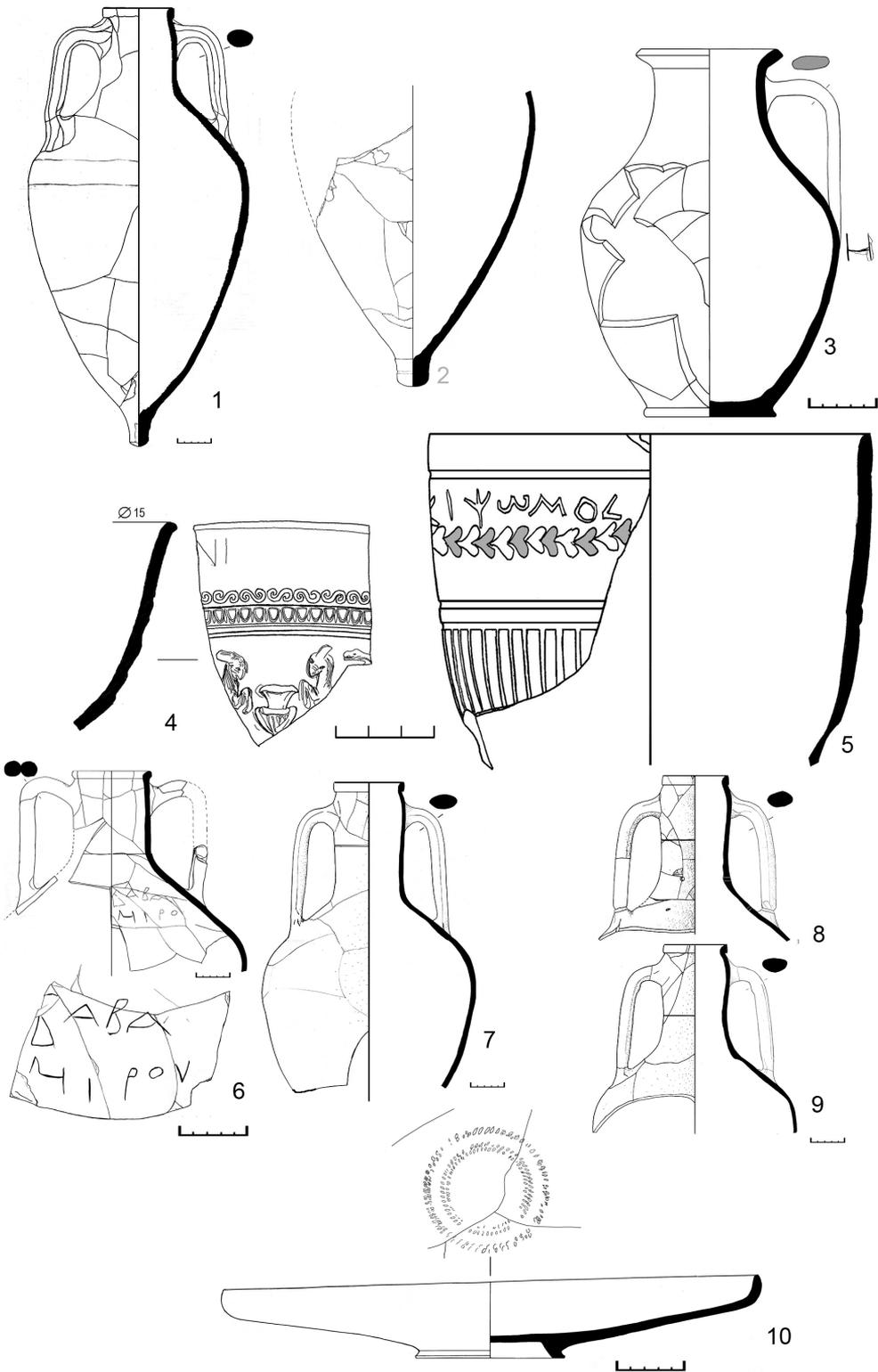

Рис. 1. Основные группы находок из раскопок помещений 1 и 2 в Херсонесе (1–5) и горизонта разрушения на укреплении Масляная гора (6–10).

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

© 2014 г. В.А. Шипилло

В статье представлен обзор палеоантропологических исследований, проводившихся на территории Беларуси. Основу их составляет антропологический материал, полученный при археологических раскопках с 1960-х гг. и до настоящего времени.

Ключевые слова: палеоантропологические исследования, физический тип древнего населения, территория Беларуси.

Накопление материалов и систематические исследования проблемы формирования антропологического состава средневекового и близкого к современному населения Беларуси было начато Инессой Ивановной Саливон в 1966–1971 гг. В различных населенных пунктах БССР ею проводились раскопки белорусских сельских кладбищ конца XVIII–XIX вв., в результате которых впервые была собрана большая коллекция краниологических, остеологических и одонтологических материалов этого периода (останки более 300 индивидов из Витебской, Гомельской, Гродненкой, Минской и Брестской областей). В настоящее время эти материалы хранятся в коллекции отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси [Саливон, 1969, 1976].

Дальнейшее поступление краниологических материалов стало возможным благодаря осуществленным белорусскими и российскими археологами раскопкам курганных и грунтовых могильников разных исторических периодов. Ленинградские археологи Ф.Д. Гуревич и К.В. Павлова, проводившие раскопки в Новогрудке, в 1962 г. передали И.И. Саливон для исследования костные ма-

териалы из грунтового могильника, который функционировал с конца XI до начала XII вв. Позднее ими были также переданы материалы из раскопок курганов, расположенных вокруг Новогрудка: 16 сельских курганных могильников. Это был первый материал по городскому (29 мужских и 12 женских черепов) и сельскому (17 мужских и 21 женский череп) средневековому населению Новогрудчины. Изученная городская краниологическая серия отличается от сельской серии того же времени более крупными размерами, более узким носом с более высоким переносьем, несколько более профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Такая совокупность отличий свидетельствует о большей выраженности европеоидных черт у горожан Новогрудка в сравнении с селянами округа. Отмечены одинаковые пропорции лица, что свидетельствует об их генетической близости [Саливон, 1969].

Краниологические серии, полученные в 1981–1987 гг. А.В. Квятковской в ходе раскопок грунтовых сельских могильников с каменными обкладками на территории Гродненской области, были измерены И.И. Саливон и А.И. Кушником и результаты обобщены в ряде ста-

тей и разделов в монографиях [Саливон, 1976, 1996, 2009]. Палеоантропологическая серия составила 35 мужских и 23 женских черепа из могильников X–XIII вв. По комплексу расодиагностических признаков И.И. Саливон было отмечено, что все рассматриваемые серии X–XIII вв. из Гродненской области, несмотря на общее их сходство, представлены двумя вариантами большой европеоидной расы – долихокранным массивным (серии из Новогрудского региона) и мезокранным грацильным со слегка ослабленным европеоидными чертами (серия из Вензовщины). Кроме того, была выявлена наибольшая степень сходства между городской краниологической серией из грунтового могильника конца XI – начала XII в. в Новогрудке и сельской серией из курганных погребений XI–XIII вв. вокруг города [Саливон, 2013, с. 20–21].

Исследованная И.И. Саливон серия X–XIV вв. была получена Т.Н. Коробушкиной в 1981–1986 гг. в ходе раскопок курганов на территории Брестской области. Всего исследованы костные останки из 61-го погребения, для краниологических измерений оказалась пригодной только суммарная серия, состоящая из 24 мужских и 26 женских черепов. Средний биологический возраст у мужчин составлял 37,3 года, средний возраст погребенных женщин составлял 36,2 года. В целом серия черепов, представляющая сельское население Брестской области X–XIV вв., характеризуется наименьшими размерами черепа с более ярко выраженными признаками, которые отражают европеоидное строение носа и горизонтальную профилировку лица. Сравнение хронологически одновременных серий мужских черепов X–XIII вв.

из курганных погребений Гродненской области и черепов X–XIV вв. из Брестской области показало, что брестская выборка характеризуется выраженным европеоидным обликом и близка к серии из грунтового могильника Новогрудка, а по сильной профилированности лица – к населению Понеманья [Саливон, 2006, с. 94].

Среди сельского населения, обитавшего на территории Беларуси на протяжении II тыс. н.э., И.И. Саливон выявила направление морфологической перестройки скелета во времени. Она установила изменения, которые проявились в постепенном уменьшении массивности скелета (процесс грацилизации) и изменении формы мозгового отдела черепа от удлиненной в лобно-затылочном направлении (долихокранной) до округлой (брахиокранной) [Саливон, 1969]. На всей территории Беларуси сократился продольный диаметр черепа и увеличился поперечный, стал более прямым лоб, произошло уменьшение мозгового отдела. Таким образом, процесс брахицефализации сочетался с уменьшением мозгового отдела черепа. Грацилизация в меньшей степени отразилась на структуре лицевого отдела черепа: несколько уменьшилась длина основания лица, сократилась скуловая ширина, а орбиты приобрели более округлую форму. Такие изменения были более выражены у женщин. Сократились все размеры нижней челюсти, особенно у мужчин.

Исследования белорусских авторов совместно с польскими коллегами были посвящены теме антропологического изучения белорусско-польского пограничья [Саливон, 2009]. Для сравнения краниологических данных с белорусской территории использовались серии

из сельских могильников XVIII–XIX вв., полученные И.И. Саливон. Объектом исследования с польской территории – костные материалы из двух грунтовых могильников XVI–XIX вв., расположенных в территориально близких пунктах Подлясского воеводства – в Райске (26 черепов, из них 14 мужских и 12 женских) и в Козликах (11 черепов, из них 6 мужских и 5 женских). В результате анализа краниометрических признаков рассматриваемых польских материалов и серий из белорусских сельских могильников XVIII–XIX вв. была отмечена почти полная идентичность сравниваемых выборок по средним величинам поперечного диаметра черепа, ширине и высот орбит, пропорциям лицевого скелета, то есть по орбитному указателю (52:51) и указателю выступания лица (40:50). Для польских и белорусских серий характерно своеобразное сочетание некоторой уплощенности лица на уровне орбит с сильным выступанием переносья и носовых костей. Все это позволило авторам сделать вывод о генетической их близости [Саливон, 2003, с. 343].

В 1980-е гг. изучение антропологического типа населения белорусско-литовского пограничья продолжили И.В. Чаквин, А.И. Кушнир [Кушнир, 2009, 2011] и литовский антрополог Г. Чеснис. И.В. Чаквиным и Г. Чеснисом была впервые предпринята попытка реконструкции уровня смертности и продолжительно-

сти жизни у средневекового населения Подвинья и Понеманья [Чеснис, 1986].

Исследования по палеоантропологии населения Полоцкой земли XI–XVIII вв. и сопредельных территорий проводятся в настоящее время О.А. Емельянчик. Ею были изучены серии, представляющие городское население г. Полоцка, его округа, замка Горы Великие. О.А. Емельянчик затронула проблемы встречаемости у древнего населения Беларуси маркера анемического стресса *cribra orbitalia*, исследовала проблемы палеодемографии, внесла значительный вклад в разработку перспективного направления современной антропологической науки – исторической антропоэкологии [Емельянчик, 2006, 2013].

Разработка новых методов палеоантропологических исследований, новые археологические, исторические, этнологические и лингвистические сведения позволили И.И. Саливон и ее последователям уточнить происхождение ряда локальных особенностей различных систем морфологических признаков у населения Беларуси II тыс. н.э. Было определено место белорусов среди восточных славян, сформулированы основные методологические принципы оценки палеоантропологических данных с учетом этноисторических процессов и изменчивости структурных признаков скелета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянчик О.А. *Cribra orbitalia* как маркер анемического стресса в исследованных ископаемых популяциях с территории Беларуси // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2006. – С. 177–184.

2. Емельянчик О.А. Формирование антропологических особенностей населения Беларуси XI–XIX веков (по данным краниологии): Автореф. дис. канд. биол. наук: 03.03.02; НАН Беларуси, Институт истории. – Минск, 2013. – 21 с.
3. Кушнир А.И. «Полочане» в палеоантропологии Восточной // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX–XXI вв. – Минск, 2011. – С. 48–52.
4. Кушнир А.И. Этнические процессы на территории Беларуси на рубеже I–II вв. н. э. в свете краниологических данных // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 284–296.
5. Саливон И. И. Палеоантропология Белоруссии и вопросы происхождения белорусского народа (по краниологическим материалам II тыс. н. э.): Автореф. дис. канд. ист. наук: 03.00.14; АН СССР, Ин-т Этнографии. – Москва, 1969. – 23 с.
6. Саливон И.И. Антропологическая характеристика городского и сельского населения, обитавшего в X–XIII вв. на территории Гродненской области // Людзі і ўлада Навагрудчыны: гісторыя ўзаемадзейння: (да 500-годдзя надання Навагрудку прывілея на магдэбурскае права): зб. навук. арт. (Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2013. – С. 9–22.
7. Саливон И.И. Антропологическая характеристика древнего и современного населения белорусско-польского пограничья // Антропология населения белорусско-польского пограничья в свете этнической истории славян. – Минск, 2009. – С. 54–126.
8. Саливон И.И. Антропологическая характеристика населения Белоруссии II тыс. н. э. по палеоантропологическим материалам // Очерки по антропологии Белоруссии. – Минск, 1976. – С. 18–101.
9. Саливон И.И. Некоторые особенности физического типа древнего населения Беларуси // Экологические изменения и биокультурная адаптация человека. – Минск, 1996. – С. 226–246.
10. Саливон И.И. Особенности строения черепа и посткраниального скелета у позднесредневекового населения польско-белорусского пограничья // Экологическая антропология. – Минск, 2003 – С. 342–345.
11. Чеснис Г. Использование неметрических краниологических признаков в этногенетических исследованиях (по палеоантропологическим материалам X–XIV вв. с территории БССР) // Glasnik antropoloskog drustva Jugoslavje. – Beograd, 1986. – Sv. 23. – S. 53–60.
12. Салівон І.І. Антрапалагічная характарыстыка старажытнага асельніцтва // Беларусы. Антрапалогія. – Мінск, 2006. – Т. 9. – С. 87–107.

PALEOANTHROPOLOGICAL RESEARCH IN BELARUS

© **V. Shypila**

The article gives review of the paleoanthropological researches, executed in the territory of Belarus. The base of these researches is the paleoanthropological material, got in the process of the archeological excavations, carried out in the territory of Belarus since 1960s.

Key words: Paleoanthropological research, physical type of ancient population, territory of Belarus.

НОВЫЕ СЛУЧАИ ТРАВМ НА ЧЕРЕПАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

© 2014 г. Ю.В. Ушкова, А.Д. Козак

Дана краткая характеристика и анализ травм на черепах из погребений катакомбной культурно-исторической общности (КИО) из раскопок Орджоникидзевской археологической экспедиции 1999—2007 гг. в низовьях бассейна р. Базавлук (Нижнее Поднепровье).

Ключевые слова: травмы, катакомбная культурно-историческая общность.

Целью данной статьи является краткая характеристика и анализ травм на черепах из погребений катакомбной КИО, выборка которых оказалась наиболее репрезентативной среди антропологических материалов Орджоникидзевской археологической экспедиции 1999–2007 гг. (раскопки С.В. Полина и Л.А. Черных¹*). Данное исследование продолжает проект по изучению травм и трепанаций на черепах из погребений эпохи бронзы [Ушкова, Козак, 2011; 2015].

Диагностика, описание, интерпретация травм, статистическая обработка данных выполнялись по процедурам, разработанным в рамках судебно-медицинской экспертизы [Сапожников, Гамбург, 1976, с. 75–161; Крюков, 1986; Судебно-медицинская..., 2010] и палеопатологии [Ortner, 2003, p. 119–177; Lovell, 2008; Wadron, 2009, p. 138–162].

Серия катакомбных материалов составила 45 скелетов разной степени сохранности (32 взрослых, 1 подросток и

12 детей). Травмы были обнаружены на 5 черепах серии. Общая схема расположения травм приведена на рис. 1. Статья с подробным описанием каждого из случаев на данный момент находится в печати [Ушкова, Козак, 2015]. В данном тексте ограничимся обобщенной характеристикой.

На трех черепах серии отмечено по одной травме, на двух они множественные (3 и 7). Проникающие и непроникающие повреждения фиксируются с одинаковой частотой (по три случая). Проникающие ранения имеют овальную или округлую формы и представлены вдавленным (Базавлук к. 1 п. 5), а также дырчатыми (М. Лаурка к. 22 п.18 ск. 1, Базавлук к. 1 п. 5, Шахтер к. 29 п. 13) переломами. Непроникающие травмы в двух случаях имеют вид углублений (Шахтер к. 29 п. 13, Базавлук к. 1 п. 3), в одном случае зафиксировано смещение носовых костей (Шахтер к. 29 п. 8). Все непроникающие травмы демонстрируют следы существенного заживления, т.е. они не могли стать непосредственной причиной смерти. Среди проникающих

¹ Пользуясь случаем выражаем благодарность Полину С.В. и Черных Л.А. за возможность обработать антропологическую коллекцию экспедиции.

ранений картина иная – на двух черепах травмы не демонстрируют следов заживления, а значит были получены в близкое к смерти время, один череп травмирован задолго до смерти. В последнем случае (М. Лаурка к. 22 п.18 ск. 1) очень вероятно медицинское вмешательство – очевидно, на месте травмы была проведена трепанация для ликвидации ее последствий. На одном из черепов (Шахтер к. 29 п. 13) фиксируются две поверхностные травмы со следами заживления и одна проникающая без таких следов, что свидетельствует как минимум о двух травматических эпизодах в жизни этого индивида.

Для одного случая множественных травм на черепе (Базавлук к. 1 п. 5) удалось установить вероятное оружие, которым они были нанесены. Это – каменный топор с узкой лезвийной частью и небольшим по диаметру обухом (вероятно, обушково-лопастного подтипа по С.Н. Санжарову [Санжаров, 1992, с. 171–172]) Об этом свидетельствует сопоставление форм повреждений с некоторыми экземплярами топоров эпохи средней бронзы из фондов Института археологии НАН Украины². Подобные топоры встречаются в позднеямных [Иванова 2001, с. 72, рис. 15, 1–5; Ключко 2006, с. 65, 68; Тощев 2007, с. 48, рис. 18, 11], кеми-обинских [Шапошникова, Фоменко, Балушкин 1976/7, с. 204–205, табл. LXXXVI–LXXXVII] и катакомбных погребениях [Братченко 1976, с. 144; Ключко 2006, с. 73; Тощев 2007, с. 118, рис. 60, 2]. Узкие овальные повреждения на этом черепе могли быть нанесены лезвийной частью при неполном погружении лезвия в кость, округлые

переломы в теменно-затылочной области слева – обухом.

Для подсчета процента травм в серии использовались только черепа взрослых хорошей сохранности (не менее половины поверхности костей черепного свода и лицевого скелета). Только 14 черепов серии отвечают этому критерию. Процент травмированных черепов в серии при таком подсчете достигает показателя 36% (5 из 14), кости свода травмированы в 4 из 14 случаев (29%), кости лицевого скелета – в 2 из 14 (14%) (табл. 1).

По принятой в палеопатологии процедуре подсчет был произведен также по отдельным костям черепа [Lovell, 2008, р. 348–350]. В данном случае базу исследования составили все кости черепа с сохранностью не менее половины поверхности. Результаты представлены в табл. 1. Процент травмированных костей колеблется в пределах от 8 до 15. На своде черепа повреждения фиксируются на теменных (в большей мере левой), лобной (оба случая слева), левой височной. На костях лицевого скелета – на носовых и левой верхнечелюстной костях. Как видим, преобладают травмы левой стороны черепа.

На мужских черепах травмы обнаружены в 36% случаев (4 из 11), на женских – в 33% (1 из 3) (М. Лаурка к. 22 п.18 ск. 1). Следовательно можно было бы говорить, что травмы в одинаковой степени характерны для мужской и женской частей популяции, если бы не критически малое количество женских черепов хорошей сохранности.

Несмотря на малочисленность серии, попробуем сделать определенные выводы. В целом серия характеризуется очень высоким процентом травм черепа (36%). Это может подтверждать доста-

² Выражаем благодарность сотрудникам фондов ИА НАНУ за помощь в работе с коллекциями.

точно агрессивную и травмоопасную обстановку в низовьях бассейна Базавлука в катакомбное время. Этот вывод хорошо согласуется с выводами археологов о развитости военного дела у катакомбных племен [Кравец, 1990, с. 38; Чередниченко, Пустовалов, 1991 и др.] и нестабильности «военно-политической ситуации» в катакомбное время [Клочко, 2006, с. 125]. В качестве оружия, по полученным данным, использовались каменные топоры. Кроме того, еще раз подтвержден достаточно высокий уро-

вень медицинских знаний у племен катакомбной КИО, который позволял успешно осуществлять трепанации на месте травм.

В последующих публикациях мы планируем географическое и хронологическое расширение базы данных по травматизму в краниологических сериях эпохи бронзы. Это позволит сделать более глобальные выводы о травматизме, военном деле и медицинских знаниях древних популяций того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев, 1976. – 261с.
2. Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2001. – 244 с.
3. Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). – Киев, 2006. – 336 с.
4. Кравец Д.П. К вопросу о раннекатакомбных воинских погребениях Донбасса // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тезисы докладов Всесоюзного семинара. – Запорожье, 1990. – С. 37–41.
5. Крюков В.Н. Механика и морфология переломов. – М., 1986. – 156 с.
6. Санжаров С.Н. Каменные сверленные топоры-молотки Донбасса // РА. – 1992. – № 3. – С. 160–177.
7. Сапожников Ю.С., Гамбург А.М. Судебная медицина. – Киев, 1976. – 316 с.
8. Судебно-медицинская экспертиза механических повреждений: учебно-методическое пособие. – Ижевск, 2010. – 46 с.
9. Тощев Т.Н. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье, 2007, 303 с.
10. Ушкова Ю.В., Козак О.Д. Травми і трепанації на черепах з поховань ямної культурно-історичної спільності // Магістеріум. Археологічні студії. – Вип. 45. – Киев, 2011. – С. 29–34.
11. Ушкова Ю.В., Козак О.Д. Травми на черепах з поховань катакомбної культурно-історичної спільності, досліджених Орджонікідзевською археологічною експедицією в 1999–2007 роках // Історична антропологія та біоархеологія України. – Киев, 2015 (в печати).
12. Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. – 1991. – № 1. – С. 206–216.

13. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М. и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции // НА ИА НАНУ. – Ф.э. 8650-8651, № 1976/7.

14. Lovell N.C. Analysis and Interpretation of Skeletal Trauma // Biological Anthropology of the Human Skeleton. Second Edition. – Hoboken, New Jersey, 2008. – P. 341–386.

15. Ortner D.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Second Edition. – San Diego, California, 2003. – 645 p.

16. Wadron T. Palaeopathology. – New York, 2009. – 279 p.

NEW CASES OF TRAUMAS ON THE SKULLS FROM CATACOMB CULTURE BURIALS IN LOWER DNIEPER REGION

© **J.V. Ushkova, A.D. Kozak.**

This article reviews and analyses cases of traumas on skulls from Catacomb culture burials discovered by Ordzhonikidze archaeological expedition in 1999—2007. Traumas were found on 5 from 14 skulls (36%): 4 from 11 male (36%) and 1 from 3 female (33%) skulls. Schema of all mentioned traumas is shown on fig. 1. Series, though it is very small, shows very high percentage of injured skulls. This fact correlates well with conclusions of archaeologists about importance of war for Catacomb culture tribes and unstable situation during Catacomb period of time. Battle axes were used as weapon. One of them caused severe multiple damage on one of the skulls used in research (Bazavluk 1/5). Also we have one more evidence that Catacomb culture tribes had enough medical knowledge to make trepanations in order to remove consequences and complications of the traumas (Malaya Laurka 22/18/1).

Key words: traumas, head injuries, Catacomb culture.

Таблица. 1. Распределение травм на костях черепа

	Кости	Травмированы	%
Череп в целом	14	5	36
Кости свода	14	4	29
Лобная	18	2	11
П. теменная	18	2	11
Л. теменная	13	2	15
П. височная	19	0	0
Л. височная	13	1	8
Затылочная	22	0	0
Кости лицевого скелета	14	2	14
П. скуловая	19	0	0
Л. скуловая	16	0	0
Носовые	9	1	11
П. верхнечелюстная	14	0	0
Л. верхнечелюстная	12	1	8
Нижняя челюсть	13	0	0

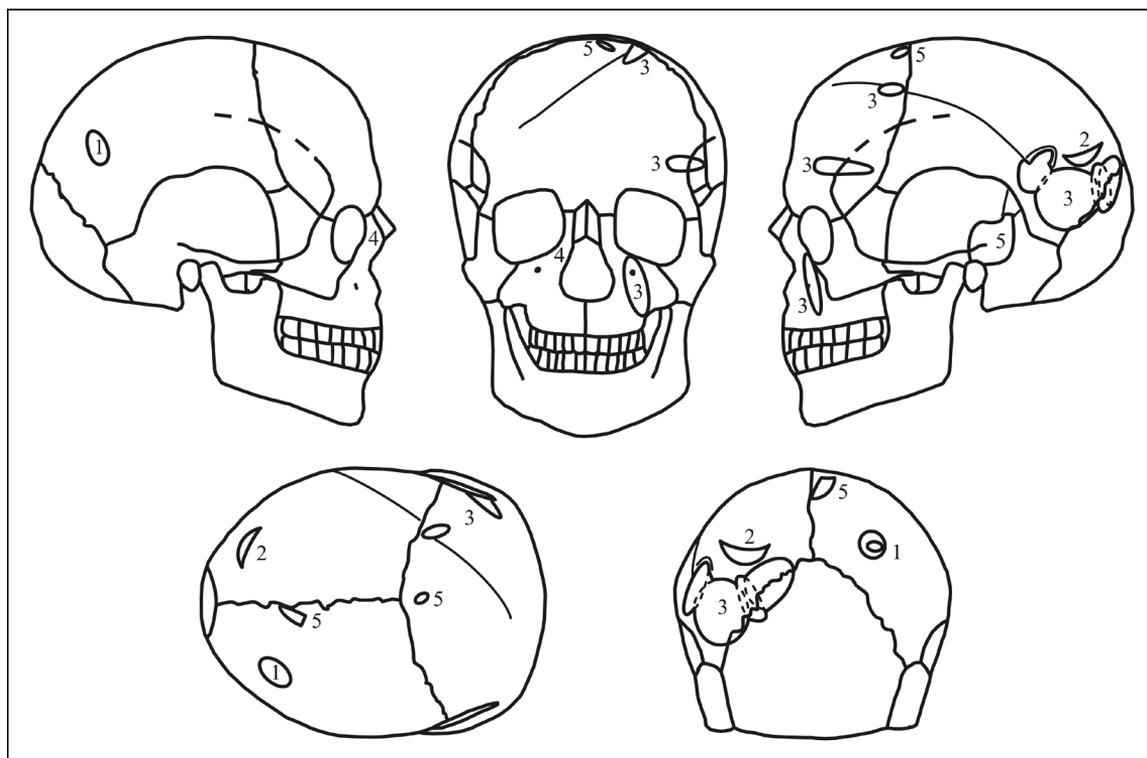

Рис. 1. Обобщенная схема расположения травм на исследованных черепах.

Примечание: 1 – Малая Лаурка к. 22 п. 18 ск. 1, 2 – Базавлук к. 1 п. 3, 3 – Базавлук к. 1 п. 5, 4 – Шахтер к. 29 п. 8., 5 – Шахтер к. 29 п. 13).

СОХРАНЕНИЕ И ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ

© 2014 г. А.В. Южакова

Рассмотрены проблемы сохранения антропологического материала в период транспортировки с мест полевых исследований до мест хранения (лаборатории, музеи и т.п.), а также проблемы его инвентаризации в местах хранения. Представлены некоторые пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: антропологический материал, «полевая антропология», инвентаризация.

Ежегодно в результате полевых работ исследователи находят большое количество антропологического материала. На сегодняшний день трудно осуществимым представляется участие в полевых работах непосредственно самого специалиста-антрополога. Данное обстоятельство влечет за собой проблему при вскрытии, поднятии антропологического материала и его последующей комплектации таким образом, чтобы материал при транспортировке не потерял свою информативность.

Цель данной статьи показать существующие проблемы сохранения антропологического материала как в полевых, так и в лабораторных условиях. И представить некоторые основные методические правила и советы по правильной комплектации костяка в полевых и лабораторных условиях.

При полевых работах после итоговой зачистки костяка, всех сделанных фотографий и зарисовок, наступает момент снятия материала, его очистка и подготовка к дальнейшей транспортировке. Для сохранности антропологического материала, а, следовательно, и для по-

вышения его информативности следует соблюдать следующее¹: длинные кости верхних и нижних конечностей складываются отдельно и между собой закрепляются (связываются). Все эпифизы (головки и мышцелковые части) длинных костей следует как можно лучше защитить от ударов, поскольку поврежденные или же вообще отсутствующие эпифизы могут создать определенные трудности при измерении костей. Весь остальной костный материал складывается в пакеты по соответствующим группам – лопатки, ребра, позвонки, кости рук, кости ног. Позвонки следует надевать на веревку или на любой другого вида материал и, если это возможно, располагать их в анатомическом порядке: шейные, грудные, поясничные.

С особой тщательностью и аккуратностью нужно подходить к сохранности черепа и тазовых костей, поскольку они являются основными источниками половозрастной характеристики умерших. Помимо этого краниологический мате-

¹ Советы и правила даны для комплектации одного костяка

риал имеет первостепенное значение при рассмотрении вопросов этногенеза.

Череп следует предварительно очистить от находящейся внутри земли, так как при транспортировке он может разрушиться от собственной тяжести. Упаковывать череп лучше всего обычной бумагой, поскольку она является наиболее оптимальным упаковочным материалом. Складывать череп рекомендуется в отдельные от всех костей ящики, при этом заполняя все пустые места также бумагой или еще каким-нибудь упругим материалом.

Тазовые кости следует также упаковывать отдельно, при этом особое внимание уделить сохранности симфизальной поверхности лобковой кости, которая важна при определении возраста костяка.

Все кости упаковываются в бумагу, а затем уже в пакеты. Материалы следует упаковывать так, чтобы между ними происходило как можно меньше соприкосновений. Все бирки и подписи материалов стоит продублировать, поскольку ввиду непредвиденных обстоятельств бирка может потеряться или придет в негодность. Следует также подписывать материал маркером, причем как сам костяк, так и бумагу, в которую он завернут.

В целях сохранности материала все вышеперечисленные правила стоит выполнять при любом масштабе полевых работ. И пренебрегать ими не стоит, даже если при работах был найден всего лишь один костяк.

Столь тщательный подход к комплектации антропологического материала занимает определенное количество времени. Однако не стоит забывать, что лучше его потратить именно в полевых усло-

виях, когда материал находится еще в достаточно хорошем состоянии, чем потом в лабораториях испытывать различного рода трудности при его изучении. При соблюдении всех перечисленных действий, антропологический материал будет в достаточной мере сохранен, а, следовательно, в дальнейшем работа специалистов-антропологов с данными материалами станет чуть легче.

Как уже было сказано выше, задача сохранения антропологического материала в полевых условиях в достаточной мере облегчается, если в полевых исследованиях принимают участие специалисты-антропологи. Поскольку наличие «своего» антрополога в каждой экспедиции позволяет не только правильно комплектовать материал для последующей транспортировки, но и получать принципиально новую информацию об особенностях погребальной обрядности.

После окончания полевых работ антропологический материал поступает в место своего хранения. На данном этапе также возникают определенные трудности и проблемы с последующей его инвентаризацией. Дело в том, что в большинстве случаев антропологический материал находят археологи, а его дальнейшее изучение проводят специалисты-антропологи. И тут возникает следующая проблема: у антропологов на данный период имеются свои различного рода исследования и работы, в итоге материал долгое время находится, во-первых, без первичной обработки, а, во-вторых, без какого-либо анализа и учета.

В идеале представляется следующая ситуация: антропологический материал в течение непродолжительного периода подвергается первичной обработке: происходит очищение материала от земли,

его сортировка (в зависимости от того, в каком состоянии материалы поступили), определяется пол и возраст. Позже вся полученная информация в ходе первичной обработки вносится в электронный каталог: данные о руководителе работ, о могильнике в целом, какие-то особенности (если таковые имеются), данные отдельно по каждому из костяков. Стоит отметить, что данные, заносимые в электронный каталог, должны подаваться непосредственно самим руководителем работ, поскольку ему известны все отдельные детали, касающиеся найденных антропологических материалов и могильника в целом.

Проведение первичной обработки материалов, ведение электронного каталога, а также хранение их в благоприятных условиях в значительной мере

помогут исследователям, которые в дальнейшем начнут работать с выбранными материалами.

В целом проблема сохранения и инвентаризации антропологического материала может показаться обыденной и неважной. Однако стоит заметить, что о данной проблеме всем известно, но никто не говорит о ней. Исследователи, проводившие работы на тех или иных могильных комплексах, также скажут, что это элементарные вещи и правила, но, к сожалению, их соблюдают немногие. И поэтому большое количество материала находится в местах хранения не в лучшей сохранности. Надо помнить, что каждая единица не сохраненного материала будет невосполнима, что в дальнейшем повлечет за собой определенные трудности при его изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гохман И.И. Некоторые вопросы методики консервации и упаковки палеоантропологических материалов в поле // Краткие сообщения института этнографии. – Т. XXXVI. – М., 1962. – С. 100–102.
2. Мамонова Н.Н., Романова, Г. П., Харитонов, В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях. Инструкция // Методика полевых археологических исследований. – Л., 1989. – С. 50–83.

CONCERNING THE PROBLEM OF PRESERVATION AND INVENTORING OF PALEOANTHROPOLOGICAL MATERIAL

© A.V. Juzhakova

The article devoted to the problem of preservation of paleoanthropological materials during transportation from places of field work to places of storage (laboratories, museums etc.) and to the problem of its inventoring in places of storage. The article shows some solutions of existing problems.

Key words: paleoanthropological material, «field paleoanthropology», inventoring.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЭБ – Археология и этнографии Башкирии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИМин УрО РАН – Институт минералогии Уральского отделения РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины.
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НГУ – Новосибирский государственный университет
НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция
РА – Российская археология
РЖВ – ранний железный век
РФК – развитие функций гончарного круга
СА – Советская археология
СКЧП – сероглиняная керамика с черным покрытием
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук